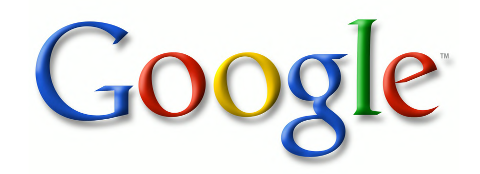
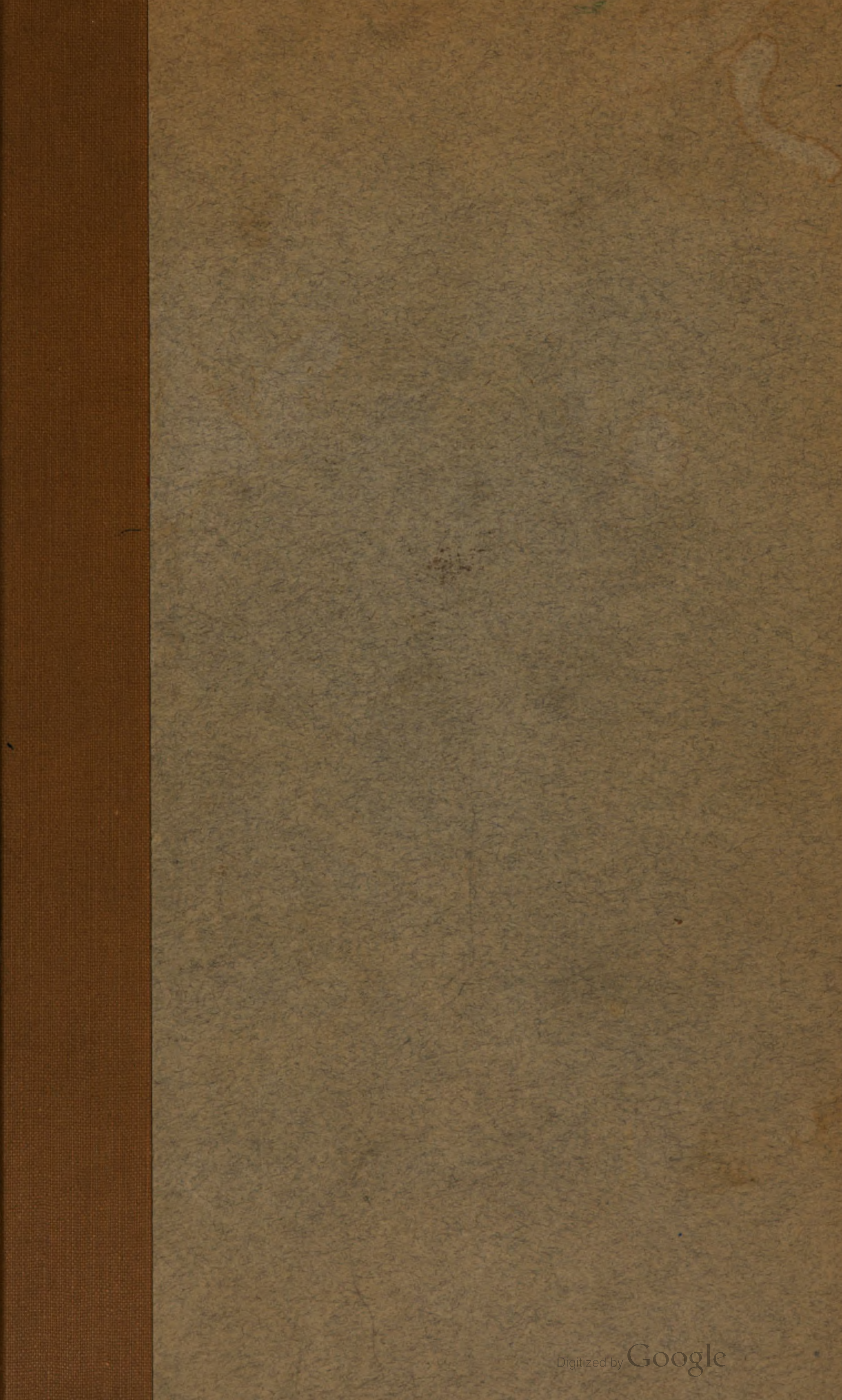
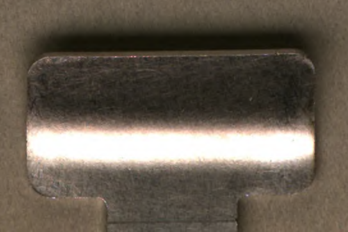

Библіотека „СВѢТОЧА“

подъ редакціей *С. А. Венгерова.*

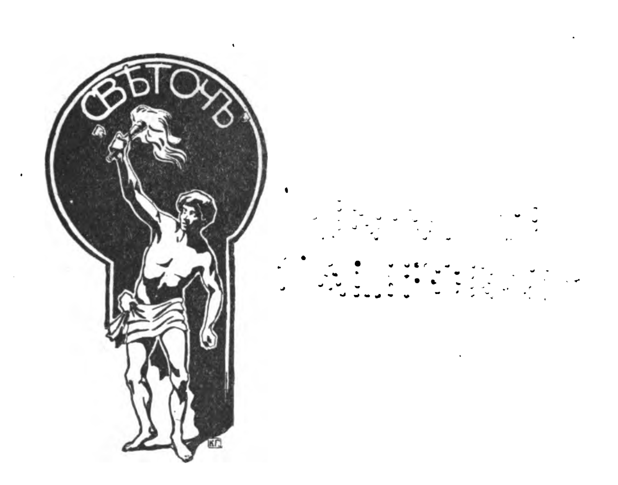
№ 6—9.

Серія „Матеріалы для исторіи русскаго общественнаго движенія“ № 2.

С. СТЕПНЯКЪ.

ПОДПОЛЬНАЯ РОССІЯ.

2-е изданіе, вышедшее въ Россіи.

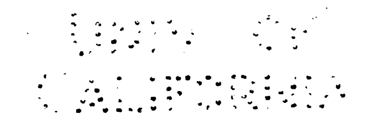
Цѣна 80 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Э. Винеке, Екатерингофскій пр, д. 15.

1906.

Milükov

Нигилизмъ.

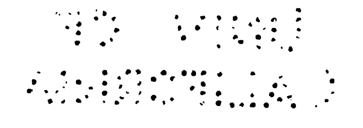
I.

Слово „нигилизмъ было" введено въ обиходъ нашего языка, какъ извѣстно, покойнымъ И. С. Тургеневымъ, который окрестилъ этимъ именемъ особое умственное и нравственное теченіе, намѣтившееся среди русской интеллигенціи въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Эта кличка не была ни остроумнѣе, ни вѣрнѣе множества другихъ, изобрѣтенныхъ тѣмъ же Тургеневымъ, не говоря уже о Щедринѣ. Но повезло ей, можно сказать, поистинѣ не въ примѣръ со сверстниками. Изъ великаго, до сихъ поръ не вполнѣ оцѣненнаго романа Тургенева, названіе это быстро перешло въ обыкновенную разговорную рѣчь. Слово нигилизмъ получило право гражданства сперва какъ бранная кличка, а потомъ какъ гордо принятый ярлыкъ той философской школы, которая одно время занимала самое видное мѣсто въ русской интеллектуальной жизни.

Лѣтъ пятнадцать спустя, когда заправскій нигилизмъ совершенно сошелъ со сцены въ Россіи и былъ почти забытъ, эта кличка вдругъ воскресла и стала жить за границей, гдѣ и засѣла такъ прочно, что, повидимому, ея уже ничѣмъ не вытравишь.

Настоящій нигилизмъ, какимъ его знали въ Россіи, былъ борьбою за освобожденіе мысли отъ узъ всякаго рода традиціи, шедшей рука объ руку съ

борьбой за освобожденіе трудящихся классовъ отъ экономическаго рабства.

Въ основѣ этого движенія лежалъ безусловный индивидуализмъ. Это было отрицаніе, во имя личной свободы, всякихъ стѣсненій, налагаемыхъ на человѣка обществомъ, семьей, религіей. Нигилизмъ былъ страстной и здоровой реакціей противъ деспотизма не политическаго, а нравственнаго, угнетающаго личность въ ея частной, интимной жизни.

Надо, однако, сознаться, что наши предшественники, особенно въ первое время, сумѣли внести въ эту совершенно мирную борьбу тотъ же мятежный духъ протеста и то же одушевленіе, которые характеризуютъ позднѣйшее движеніе. Періодъ этотъ заслуживаетъ, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ, такъ какъ онъ является своего рода прологомъ къ той великой драмѣ, которая разыгралась впослѣдствіи.

Первая битва была дана на почвѣ религіи. Но тутъ она не была ни продолжительна, ни упорна. Побѣда досталась сразу, такъ какъ нѣтъ ни одной страны въ мірѣ, гдѣ бы религія имѣла такъ мало корней въ средѣ образованныхъ слоевъ общества, какъ въ Россіи. Прошлое поколѣніе держалось съ грѣхомъ пополамъ церкви, больше изъ приличія, чѣмъ по убѣжденію. Но лишь только фаланга молодыхъ писателей, вооруженная данными естественныхъ наукъ и положительной философіи, полныхъ таланта, огня и жажды прозелитизма, двинулась на приступъ, христіанство пало, подобно старому, полуразвалившемуся зданію, которое держится только потому, что никому не вздумалось наперечь на него плечомъ.

Пропаганда матеріализма велась двумя путями, взаимно поддерживавшими и дополнявшими другъ друга. Съ одной стороны, переводились и писались сочиненія, заключавшія въ себѣ самые неопровержимые аргументы противъ всякой религіи и во-

обще—противъ всего сверхъестественнаго. Чтобы избѣжать придирокъ цензуры, мысли слишкомъ вольныя облекались въ нѣсколько неопредѣленную, туманную форму, которая, однако, никого не вводила въ заблужденіе. Внимательный читатель успѣлъ уже привыкнуть къ „эзоповскому" языку, усвоенному передовыми представителями русской литературы. Рядомъ съ этимъ шла устная пропаганда. Стоя на почвѣ данныхъ, доставляемыхъ наукой, она дѣлала изъ нихъ окончательные выводы, уже нисколько не стѣсняясь цензурными соображеніями, съ которыми принуждены были считаться писатели. Атеизмъ превратился въ религію своего рода, и ревнители этой новой вѣры разбрелись, подобно проповѣдникамъ, по всѣмъ путямъ и дорогамъ, разыскивая вездѣ душу живую, чтобы спасти ее отъ христіанскія скверны. Подпольные станки и тутъ оказали свою услугу. Изданъ былъ литографированный переводъ сочиненія Бюхнера „Сила и Матерія", которое имѣло громадный успѣхъ. Книга читалась тайкомъ, не смотря на рискъ, съ которымъ это было сопряжено, и разошлась въ тысячахъ экземпляровъ.

Однажды попало мнѣ въ руки письмо В. Зайцева, одного изъ сотрудниковъ „Русскаго Слова", бывшаго главнымъ органомъ стараго нигилизма. Въ этомъ письмѣ, предназначавшемся для подпольной печати, авторъ, говоря о своей эпохѣ и обвиненіяхъ, выставляемыхъ нынѣшними нигилистами противъ нигилистовъ того времени, пишетъ: „Клянусь вамъ всѣмъ святымъ, что мы не были эгоистами, какъ вы насъ называете. Это была ошибка,—согласенъ, но мы были глубоко убѣждены въ томъ, что боремся за счастье всего человѣчества, и каждый изъ насъ охотно пошелъ бы на эшафотъ и сложилъ свою голову за Молешотта и Дарвина". Слова эти заставили меня улыбнуться, но, несомнѣнно, они были совершенно искренни. Если бы

дѣло дошло до подобной крайности, то міръ, чего добраго, увидѣлъ бы зрѣлище, настолько трагическое, насколько и смѣшное,—людей, идущихъ на муки, чтобъ доказать, что Дарвинъ былъ правъ, а Кювье ошибался, подобно тому какъ двѣсти лѣтъ тому назадъ протопопъ Аввакумъ и его единомышленники всходили на плаху и костеръ за право писать Іисусъ черезъ одно И, а не черезъ два, какъ у грековъ, и „двоить“ Аллилуія, а не „троить“, какъ то установлено государственной церковью. Очень характерно это свойство русской натуры—относиться со страстностью, доходящей до фанатизма, къ вопросамъ, которые со стороны всякаго европейца вызвали бы простое выраженіе одобренія или порицанія. Но въ данномъ случаѣ проповѣдь матеріализма не встрѣчала никакого серьезнаго сопротивленія. Потрясаемые алтари боговъ защищать было некому. Духовенство у насъ, къ счастью, никогда не имѣло нравственнаго вліянія на общество. Что же касается правительства, то что оно могло подѣлать противъ чисто умственнаго движенія, не выражавшагося ни въ какихъ внѣшнихъ проявленіяхъ?

Такимъ образомъ, сраженіе было выиграно почти безъ всякихъ усилій, выиграно окончательно. Матеріализмъ сталъ своего рода господствующей религіей образованнаго класса, и едва ли нужно говорить о томъ значеніи, которое освобожденіе отъ всякихъ религіозныхъ предразсудковъ имѣло для всего дальнѣйшаго развитія революціоннаго движенія.

Но нигилизмъ объявилъ войну не только религіи, но и всему, что не было основано на чистомъ и положительномъ разумѣ, и это стремленіе, какъ нельзя болѣе основательное само по себѣ, доводилось до абсурда нигилистами 60-хъ годовъ. Такъ, они совершенно отрицали искусство, какъ одно изъ проявленій идеализма. Здѣсь отрицатели дошли

до геркулесовыхъ столбовъ, провозгласивши, устами одного изъ своихъ пророковъ, знаменитое положеніе, что сапожникъ выше Рафаэля, такъ какъ онъ дѣлаетъ полезныя вещи, тогда какъ картины Рафаэля рѣшительно ни къ чему не годны. Въ глазахъ правовѣрнаго нигилиста сама природа являлась лишь поставщицей матеріала для химіи и технологіи. „Природа не храмъ, а лабораторія, и человѣкъ въ ней—работникъ",—говорилъ тургеневскій Базаровъ.

II.

Въ одномъ очень важномъ пунктѣ нигилизмъ оказалъ большую услугу Россіи, это—въ рѣшеніи женскаго вопроса: онъ, разумѣется, призналъ полную равноправность женщины съ мужчиной.

Какъ во всякой странѣ, гдѣ политической жизни не существуетъ, гостиная является въ Россіи единственнымъ мѣстомъ, гдѣ люди могутъ обсуждать какіе бы то ни было интересующіе ихъ вопросы. Женщина-хозяйка занимаетъ, такимъ образомъ, соотвѣтствующее ей положеніе въ умственной жизни образованнаго дома много раньше, чѣмъ возникаетъ вопросъ объ ея общественномъ уравненіи. Это обстоятельство, а также, пожалуй, еще въ большей степени крайнее обѣдненіе дворянства послѣ освобожденія крестьянъ, дали сильный толчокъ вопросу объ эмансипаціи женщины и обезпечили за нею полную побѣду.

Женщина порабощается во имя брака, любви. Понятно поэтому, что, подымая голосъ въ защиту своихъ правъ, она всякій разъ начинаетъ съ требованія свободы любви и брака. Такъ было въ древнемъ мірѣ, такъ было во Франціи XVII столѣтія и въ эпоху Жоржъ Зандъ. Такъ же было и въ Россіи.

Но у насъ женскій вопросъ не ограничился узкимъ требованіемъ „свободы любви", которая въ

сущности есть не что иное, какъ право выбирать себѣ господина. Скоро русскія женщины поняли, что важно завоевать самую свободу, оставляя вопросъ о любви на личное благоусмотрѣніе. А такъ какъ свобода немыслима безъ экономической независимости, то борьба приняла иной характеръ: цѣлью ея стало обезпечить за женщиной доступъ къ высшему образованію и профессіямъ, на которыя образованіе даетъ право мужчинѣ.

Борьба эта была продолжительна и упорна, такъ какъ на пути стояла наша патріархальная, допотопная семья. Русскія женщины проявили въ ней много доблести и героизма и придали ей тотъ самый страстный характеръ, какимъ были проникнуты почти всѣ наши общественныя движенія послѣдняго времени. Въ концѣ концовъ женщина побѣдила, что принуждено было признать и само правительство.

Ни одинъ отецъ уже не грозится обрѣзать косу своей непокорной дочери за то, что она хочетъ ѣхать въ Петербургъ учиться медицинѣ или слушать какіе-нибудь „курсы". Молодая дѣвушка не должна больше бѣжать ради этого изъ родительскаго дома и ея друзьямъ „нигилистамъ" нѣтъ надобности прибѣгать къ „фиктивному браку", чтобы сдѣлать ее независимой.

Нигилистъ восторжествовалъ по всей линіи и ему не остается ничего больше, какъ успокоиться на лаврахъ. Первыя двѣ ипостаси изъ троицы его идеала, провозглашеннаго романомъ „Что дѣлать",—свобода мысли и развитая подруга жизни,— были налицо. Недоставало только третьей—„разумнаго труда". Но такъ какъ онъ человѣкъ интеллигентный, а Россія нуждается въ образованныхъ людяхъ, то онъ легко можетъ найти себѣ дѣло по вкусу.

— Ну, а что же дальше?—вопрошаетъ юноша, полный силъ и отваги, прибывшій изъ какого-нибудь

отдаленнаго угла Россіи и посѣтившій своего прежняго учителя.

— Что-жъ, я своего добился и по-своему счастливъ,— отвѣчаетъ тотъ.

— Да,—скажетъ юноша,—ты счастливъ, я это вижу. Но какъ можешь ты быть счастливъ, когда въ твоей родной странѣ люди умираютъ отъ голода, когда правительство отнимаетъ у народа послѣдній грошъ и посылаетъ его по міру? Или, быть можетъ, ты этого не знаешь? а если ты знаешь, то что ты сдѣлалъ для братьевъ твоихъ? Не самъ ли ты говорилъ когда-то, что будешь бороться за счастье всѣхъ людей?

И правовѣрный тургеневскій нигилистъ будетъ смущенъ этимъ неумолимымъ взоромъ, не признающимъ компромиссовъ, потому что вѣра въ энтузіазмъ, одушевлявшіе его въ первые годы борьбы, исчезли послѣ побѣды. Теперь онъ не болѣе, какъ умный и утонченный эпикуреецъ и кровь уже медленнѣе обращается въ его отяжелѣвшемъ тѣлѣ. А юноша уйдетъ, исполненный тоски, задавая себѣ томительный вопросъ: что дѣлать?

Наступаетъ 1871 годъ. Телеграфныя проволоки и ежедневная газета даютъ возможность современному человѣку быть какъ-бы вездѣсущимъ. И вотъ передъ юношей возникаетъ картина громаднаго города, возставшаго на защиту народныхъ правъ. Съ захватывающимъ духъ волненіемъ слѣдитъ онъ за всѣми перипетіями страшной драмы, которая разыгрывается на берегахъ Сены. Онъ видитъ потоки крови, онъ слышитъ предсмертные вопли женщинъ и дѣтей, разстрѣливаемыхъ на улицахъ Парижа. Но зачѣмъ эти слезы и кровь? За что умираютъ эти люди? Они умираютъ за освобожденіе рабочаго,—за великую соціальную идею нашей эпохи. И въ то же время до его слуха долетаетъ пѣсня русскаго крестьянина, созданная вѣками страданій, нищеты, угнетенія. Вотъ онъ стоитъ

передъ нимъ, этотъ „сѣятель и хранитель" русской земли, подавленный безысходнымъ трудомъ и нуждою, вѣчный рабъ то баръ, то чиновниковъ, то своего же брата кулака. Правительство умышленно держитъ его въ невѣжествѣ и всякій грабитъ, всякій топчетъ его въ грязь, и никто не подастъ ему руки помощи. Никто? Такъ нѣтъ же, нѣтъ! Юноша знаетъ теперь, что ему дѣлать. Онъ протянетъ крестьянину свою руку. Онъ укажетъ ему путь къ свободѣ и счастью. Его сердце переполняется любовью къ этому бѣдному страдальцу, и съ пылающимъ взоромъ онъ произноситъ въ глубинѣ своей души торжественную клятву — посвятить всю свою жизнь, всѣ свои силы, всѣ помышленія, освобожденію родного народа, который все терпитъ, чтобы доставить ему баловню судьбы, возможность жить въ довольствѣ и роскоши, учиться, наслаждаться искусствами. Онъ сброситъ съ себя свой барскій нарядъ, прикосновеніе котораго жжетъ его тѣло, надѣнетъ грубый крестьянскій армякъ и лапти, и, покинувъ богатый домъ родныхъ, въ которомъ ему душно, какъ въ тюрьмѣ, онъ отправится въ народъ, въ какую-нибудь затерянную въ глуши деревушку, и тамъ, слабый и изнѣженный барченокъ, онъ будетъ исполнять тяжелую крестьянскую работу, будетъ подвергать себя всевозможнымъ лишеніямъ, чтобы только внести въ эту несчастную среду слово утѣшенія, евангеліе нашихъ дней — соціализмъ. Что для него ссылка, Сибирь, смерть? Весь поглощенный своей великой идеей, лучезарной, живительной, какъ благодатное солнце юга, онъ презираетъ страданіе и самую смерть готовъ встрѣтить съ улыбкой блаженства на лицѣ.

Такъ родился соціалистъ-революціонеръ 1872—1874 годовъ. Такъ родились и его предшественники, Каракозовцы, развившіеся подъ непосредственнымъ вліяніемъ зарождавшагося тогда Интернаціонала.

Передъ нами два типа развитія общественной мысли въ Россіи. Одинъ, принадлежащій десятилѣтію 1860—1870; другой—появившійся съ 1871 года.

Трудно представить себѣ болѣе рѣзкую противоположность. Нигилистъ стремится во что бы то ни стало къ собственному счастью, идеалъ котораго—„разумная“ жизнь „мыслящаго реалиста“. Революціонеръ ищетъ счастья другихъ, принося ему въ жертву свое собственное. Его идеалъ—жизнь, полная страданій, и смерть мученика.

И по какому-то странному капризу судьбы первому изъ нихъ, который и не могъ быть извѣстенъ нигдѣ, кромѣ своей родины, Европа не дала никакого имени, тогда какъ второй, завоевавшій себѣ столь грозную извѣстность, былъ окрещенъ именемъ своего предшественника. Какая иронія!

Пропаганда.

I.

Русское революціонное движеніе, какъ о томъ уже упомянуто выше, было результатомъ западно-европейскихъ идей и событій, сильно повліявшихъ на умы русской молодежи, которая въ силу особенныхъ условій Россіи, была предрасположена воспріять эти вліянія съ самымъ крайнимъ увлеченіемъ. Теперь намъ предстоитъ отмѣтить каждую въ отдѣльности, истинныя причины, вызвавшія такой результатъ и направленіе, въ которомъ происходило ихъ воздѣйствіе. Указавъ источникъ и устье большой рѣки, мы должны теперь перечислить ея притоки и означить подробнѣе направленіе ея теченія.

Прослѣдить вліяніе Западной Европы не представляетъ особеннаго затрудненія.

Идейное общеніе между Россіей и Европой никогда не прерывалось, не смотря на всѣ предохра-

нительныя мѣры цензуры. Запрещенныя книги, какъ сочиненія Прудона, Фурье, Овена и другихъ соціалистовъ старой школы, всегда доставлялись въ Россію тайно, даже въ эпоху азіатски жестокаго и подозрительнаго деспотизма Николая.

Однако, вслѣдствіе трудностей, съ которыми было сопряжено добываніе этихъ драгоцѣнныхъ книгъ, и языка, дѣлавшаго ихъ мало доступными для массы читающей публики, непосредственное вліяніе этихъ писателей не могло быть особенно сильнымъ. Они дѣйствовали на огромныя сферы читателей, благодаря цѣлой плеядѣ блестящихъ популяризаторовъ соціалистическихъ идей, которые заняли въ описываемую эпоху самое видное мѣсто въ русской литературѣ. Во главѣ ихъ стояли нѣкоторые изъ самыхъ даровитыхъ людей двухъ послѣднихъ поколѣній: Н. Г. Чернышевскій, глубокій мыслитель, ученый и ѣдкій полемистъ, заплатившій мученичествомъ за свою благородную миссію; Добролюбовъ, геніальный публицистъ, ставшій по нуждѣ критикомъ, который умеръ 26 лѣтъ отъ роду, успѣвши оставить по себѣ глубокій слѣдъ, который не изгладился и до нынѣшняго времени; Михайловъ, профессоръ и писатель, осужденный на каторжныя работы за рѣчь къ студентамъ,—и много, много другихъ. Герценъ и Огаревъ, издатели перваго органа свободнаго слова на русскомъ языкѣ—лондонскаго „Колокола“ — были заграничными выразителями и толкователями новаго направленія. Эти-то писатели и подготовили почву для всего позднѣйшаго движенія, воспитавши въ принципахъ соціализма цѣлое поколѣніе 70-хъ годовъ.

Съ Парижской Коммуной, грозный взрывъ которой потрясъ весь цивилизованный міръ, русскій соціализмъ вступилъ въ воинствующій фазисъ своего развитія, перейдя изъ кабинетовъ и частныхъ собраній въ деревни и мастерскія.

Много было причинъ, способствовавшихъ тому,

что русская молодежь приняла съ такой горячностью принципы революціоннаго соціализма, провозглашенные Коммуной. Ограничимся здѣсь лишь указаніемъ на нихъ.

Началомъ русскаго возрожденія была, какъ извѣстно, злополучная крымская война, обнаружившая самымъ безжалостнымъ образомъ гнилость всего русскаго общественнаго строя.

Необходимость реформъ сдѣлалась очевидной для всѣхъ, вплоть до тѣхъ, кто способенъ былъ задуматься надъ вопросомъ о сохраненіи цѣлости государства. Начались реформы. Но попытка обновленія Россіи, предпринятая подъ руководствомъ самодержавнаго императора, желавшаго оставить неприкосновеннымъ все: и свои священныя „права“. съ которыхъ слѣдовало начать упраздненіе стараго порядка вещей, и прерогативы дворянства, которое онъ хотѣлъ имѣть на своей сторонѣ, опасаясь революціи,—такая попытка по необходимости должна была казаться половинчатой, лицемѣрной, полной противорѣчій, однимъ словомъ—мертворожденной. Мы не станемъ подвергать ее критикѣ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ нѣтъ никакой нужды: въ настоящее время вся „легальная“ и умѣренная пресса повторяетъ на всѣ лады то же самое, за что сыпалось столько упрековъ на головы соціалистовъ, именно, что всѣ реформы Александра II оказались въ высшей степени несовершенными, и что пресловутое освобожденіе крестьянъ измѣнило ихъ матеріальное положеніе только къ худшему, такъ какъ выкупные платежи, установленные за ихъ жалкіе надѣлы, значительно превышаютъ доходность земли.

Несчастное, изо дня въ день ухудшающееся положеніе крестьянъ, т. е. $^9/_{10}$ населенія, не могло не заставить серьезно призадуматься всѣхъ, кому было дорого будущее родины. Необходимо было искать какихъ-нибудь путей къ улучшенію положенія народа, и, конечно, общественная мысль обра-

тилась-бы къ законнымъ и мирнымъ средствамъ, если бы, по освобожденіи крестьянъ отъ ига помѣщиковъ, Александръ II освободилъ Россію отъ своего собственнаго ига, надѣливши ее хоть малой долей политической свободы. Но именно къ этому онъ не проявлялъ ни малѣйшей склонности. А разъ самодержавіе оставалось въ полной силѣ, можно было надѣяться только на добрую волю императора. Но по мѣрѣ того, какъ проходили годы, эта надежда все болѣе и болѣе уменьшалась. Какъ реформаторъ, Александръ II выдержалъ испытаніе очень не долго. Польское возстаніе, подавленное съ извѣстной всѣмъ жестокостью, было сигналомъ реакціи, которая день ото дня становилось ожесточеннѣе. Тутъ уже приходилось бросить всякіе разсчеты на мирныя и легальныя средства. Оставалось—или безмолвно подчиняться всему, или искать другихъ путей для спасенія родины: и естественно, что всѣ, кто любилъ Россію, выбрали послѣднее. Такимъ образомъ, рука объ руку съ ожесточеніемъ реакціи, росло и революціонное броженіе, и тайныя общества возникали, одно за другимъ, во всѣхъ главныхъ городахъ Россіи.

Выстрѣлъ Каракозова, бывшій результатомъ этого возбужденія, явился грознымъ предостереженіемъ. Но не захотѣли понять этого; мало того, съ 1866 года бѣшенство реакціи удвоилось. Въ нѣсколько мѣсяцевъ было уничтожено все, что еще носило на себѣ печать либерализма первыхъ лѣтъ царствованія. Это была истинная вакханалія реакціи.

II.

Послѣ 1866 года нужно было быть слѣпымъ или лицемѣромъ, чтобы вѣрить еще въ возможность какихъ-нибудь улучшеній иными путями помимо насильственныхъ. Революціонное броженіе

явно усиливалось и достаточно было малѣйшей искры, чтобы превратить скрытое пока недовольство во всеобщій взрывъ. Какъ уже сказано, роль такой искры сыграла парижская Коммуна.

Вскорѣ послѣ Коммуны, то есть къ концу 1871 года въ Москвѣ образовалось тайное общество „Долгушинцевъ", а въ 1872 г. въ Петербургѣ возникъ кружокъ Чайковцевъ, имѣвшій свои развѣтвленія въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Орлѣ и Таганрогѣ. Цѣлью обѣихъ организацій было распространеніе соціально-революціонной пропаганды между рабочими и крестьянами. Рядомъ съ этими болѣе или менѣе обширными организаціями, существовало множество мелкихъ кружковъ съ тою же программой. Массы людей помимо всякихъ кружковъ двинулись тогда же „въ народъ" для пропаганды. Движеніе вспыхнуло одновременно въ разныхъ мѣстахъ и являлось просто необходимымъ результатомъ положенія Россіи, разсматриваемаго сквозь призму соціалистическихъ идей, разсѣянныхъ въ средѣ русской интеллигенціи Чернышевскимъ, Добролюбовымъ, Герценомъ и другими.

Вскорѣ къ этимъ русскимъ теченіямъ присоединилась новая могучая волна изъ-за границы. Она имѣла своимъ источникомъ „Международное Общество Рабочихъ", достигшее, какъ извѣстно, своей наибольшей силы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ немедленно послѣдовавшихъ за парижской Коммуной. Здѣсь также слѣдуетъ различать два отдѣльныхъ пути, которыми вліяніе Интернаціонала передавалось въ Россію; съ одной стороны это происходило путемъ литературы, а съ другой— путемъ непосредственнаго воздѣйствія на отдѣльныхъ личностей. Два писателя—Михаилъ Бакунинъ, ораторъ и агитаторъ, основавшій анархическую или федералистическую секцію Интернаціонала, и Петръ Лавровъ, выдающійся философъ и публицистъ, оказали своимъ перомъ большую услугу

нашему дѣлу: первый, какъ авторъ книги о революціи и федерализмѣ, въ которой развиваются идеи о необходимости немедленнаго возстанія; послѣдній, въ качествѣ редактора журнала „Впередъ“, изданіе котораго онъ выносилъ почти исключительно на своихъ плечахъ. Не смотря на ихъ разногласія по нѣкоторымъ вопросамъ, оба писателя признавали крестьянскую революцію единственнымъ средствомъ, способнымъ дѣйствительно видоизмѣнить нестерпимое положеніе русскаго народа.

Но Интернаціоналъ имѣлъ также и непосредственное вліяніе на русское движеніе. Здѣсь необходимо вернуться немного назадъ, потому что въ этомъ пунктѣ русское революціонное движеніе соприкасается съ чисто индивидуалистическимъ движеніемъ такъ называемаго „Нигилизма“, о которомъ говорилось выше. Борьба за эмансипацію женщины слилась съ стремленіемъ послѣдней къ высшему образованію. Доступъ въ высшія учебныя заведенія былъ закрытъ для русскихъ женщинъ, и вотъ онѣ рѣшили отправляться за границу, чтобы тамъ пріобрѣтать знанія, въ которыхъ имъ отказывала ихъ родина. Свободная Швейцарія, когда-то ни для кого не закрывавшая ни своихъ границъ, ни своихъ университетовъ, стала излюбленной страной этихъ новыхъ пилигримовъ, и одно время знаменитый городъ Цюрихъ былъ ихъ Іерусалимомъ. Со всѣхъ концовъ Россіи—съ Волги, тихаго Дона, Кавказа, изъ далекой Сибири, молодыя дѣвушки, чуть не дѣвочки, съ легкимъ чемоданчикомъ въ рукахъ и почти безъ средствъ, отправлялись за тысячъ верстъ, сгорая жаждой знаній, которыя только и могли обезпечить имъ желанную независимость. Но, по прибытіи въ страну, бывшую предметомъ имъ мечтаній, онѣ находили тамъ не только медицинскія школы, но и рядомъ съ этимъ широкое общественное дви-

женіе, о которомъ многія изъ нихъ не имѣли ни малѣйшаго понятія. И здѣсь еще разъ обнаружилась разница между прежнимъ нигилизмомъ и соціализмомъ позднѣйшаго поколѣнія.

„Что такое вся эта наука, спрашивали себя молодыя дѣвушки, какъ не средство къ пріобрѣтенію болѣе выгоднаго положенія въ средѣ привилегированныхъ классовъ, къ которымъ мы уже принадлежимъ? Кто кромѣ насъ самихъ воспользуется всѣми представляемыми знаніемъ преимуществами? А если никто, то какая же разница между нами и всей этой массой кровопійцъ, живущихъ на счетъ пота и слезъ нашего несчастнаго народа?"

И вмѣсто медицинской школы, дѣвушки начинали посѣщать засѣданія Интернаціонала, изучать политическую экономію и сочиненія Маркса, Бакунина, Прудона и другихъ основателей европейскаго соціализма. Вскорѣ Цюрихъ изъ мѣста научныхъ занятій превратился въ одинъ громадный клубъ. Молва о немъ распространилась по всей Россіи и привлекала туда цѣлыя сотни молодежи. Тогда не въ мѣру предусмотрительное правительство издало нелѣпый и позорный указъ 1873 года, повелѣвавшій всѣмъ русскимъ, подъ угрозой объявленія ихъ внѣ закона, немедленно покинуть этотъ страшный городъ.

Правительство попало, что называется, пальцемъ въ небо.

Дѣло въ томъ, что въ средѣ русскихъ, пребывавшихъ въ Цюрихѣ, уже и безъ того возникали болѣе или менѣе опредѣленные планы возвращенія на родину, съ цѣлью распространенія тамъ идей Интернаціонала, и указъ привелъ только къ тому, что, вмѣсто возвращенія поодиночкѣ и постепенно, вернулись всѣ почти поголовно и разомъ. Съ восторгомъ встрѣченные своими друзьями въ Россіи, они немедленно принялись со всѣмъ пы-

ломъ молодости за распространеніе идей международнаго соціализма.

III.

Такъ, зимой 1873 года, въ одной изъ бѣдныхъ лачужекъ, разбросанныхъ по окраинамъ Петербурга, значительное число рабочихъ еженедѣльно собиралось вокругъ князя Петра Кропоткина, излагавшаго имъ принципы соціализма и революціи. Богатый козакъ Обуховъ, почти умиравшій отъ чахотки, дѣлалъ то же самое на берегахъ своего родного Дона. Поручикъ Леонидъ Шишко поступилъ ткачемъ на одну изъ петербургскихъ фабрикъ, въ видахъ той же пропаганды. Два другихъ члена того же общества, Дм. Рогачевъ съ однимъ изъ своихъ друзей, отправились въ качествѣ пильщиковъ въ Тверскую губернію для пропаганды среди крестьянъ. Зимой 1873 года по доносу одного мѣстнаго помѣщика оба были арестованы, но, бѣжавши при помощи крестьянъ изъ рукъ полиціи, они прибыли въ Москву и занялись тамъ пропагандой среди молодежи. Тутъ они столкнулись съ двумя женщинами, только что пріѣхавшими изъ Цюриха съ тою же цѣлью. Такимъ образомъ, эти два теченія, одно—мѣстное, другое, шедшее изъ-за границы, встрѣчались на каждомъ шагу, и оба приводили къ одному и тому-же. Подпольные книги и журналы провозглашали: „Часъ разрушенія стараго, буржуазнаго міра пробилъ... Новый міръ, основанный на братствѣ всѣхъ людей, міръ, въ которомъ не будетъ больше ни слезъ, ни нищеты, готовъ уже возникнуть на его развалинахъ. Къ дѣлу же! Да здравствуетъ революція, единственное средство осуществленія этого золотого идеала!“ Возвратившіеся изъ-за границы студенты и студентки воспламеняли молодыя души разсказами о великой борьбѣ, начатой западно-европейскимъ пролетаріатомъ; объ Интернаціоналѣ и его слав-

ныхъ основателяхъ, о Коммунѣ и ея мученикахъ, и, вмѣстѣ со своими новыми послѣдователями, приготовлялись идти „въ народъ", съ цѣлью воплощенія въ жизнь своихъ идей. Съ безпокойствомъ спрашивали они тѣхъ—пока еще не многихъ—товарищей, которые успѣли уже побывать въ деревнѣ: что же такое эта могучая и загадочная народная среда, этотъ народъ, къ которому ихъ отцы внушали имъ только ужасъ, и который, однако, еще не зная его, они уже любили со всей пылкостью своихъ юныхъ сердецъ? И вопрошаемые, прошедшие уже раньше черезъ тѣ же муки сомнѣній и страха, разсказывали имъ съ восторгомъ, что этотъ страшный народъ—добръ, простъ и довѣрчивъ, какъ дитя; что онъ встрѣчаетъ своихъ друзей не только безъ всякой подозрительности, но съ распростертыми объятіями и открытымъ сердцемъ; что рѣчи ихъ выслушивались съ глубочайшимъ сочувствіемъ; что всѣ, старъ и младъ, по окончаніи долгаго трудового дня, собирались вокругъ нихъ въ какой-нибудь темной, закопченной избушкѣ, гдѣ, при слабомъ свѣтѣ лучины, они имъ говорили о соціализмѣ или читали какую-нибудь изъ захваченныхъ съ собой книжекъ, что деревенскія сходки прекращались, лишь только пропагандистъ являлся въ деревню, такъ какъ крестьяне покидали свои собранія и приходили слушать его. И затѣмъ, нарисовавши картину невѣроятныхъ страданій этого несчастнаго народа, страданій, которыхъ они сами были очевидцами, они указывали на тѣ слабые признаки, быть можетъ, преувеличенные ихъ воображеніемъ, которые поселяли въ нихъ увѣренность въ томъ, что этотъ народъ не такъ ужъ забитъ, какъ думаютъ; что въ немъ происходитъ какое-то броженіе, ходятъ странные слухи и толки, показывающіе, что терпѣніе его истощается, и что Россія переживаетъ канунъ какихъ-то грозныхъ событій.

Вся эта масса разнообразныхъ и могущественныхъ вліяній, воздѣйствуя на впечатлительные, сильно склонные къ увлеченію умы русской молодежи, произвела то широкое движеніе 1873—1874 годовъ, съ котораго началась въ Россіи новая революціонная эра.

Ничего подобнаго не было ни раньше, ни послѣ. Казалось, тутъ дѣйствовало скорѣй какое-то откровеніе, чѣмъ пропаганда. Сначала еще мы можемъ указать на ту или другую книгу, ту или другую личность, подъ вліяніемъ которыхъ тотъ или другой человѣкъ присоединяется къ движенію; но потомъ это становится уже невозможнымъ. Точно какой-то могучій кликъ, исходившій неизвѣстно откуда, пронесся по странѣ, призывая всѣхъ, въ комъ была живая душа, на великое дѣло спасенія родины и человѣчества. И всѣ, въ комъ была живая душа, отзывались и шли на этотъ кликъ, исполненные тоски и негодованія на свою прошлую жизнь, и, оставляя родной кровъ, богатство, почести, семью, отдавались движенію съ тѣмъ восторженнымъ энтузіазмомъ, съ той горячей вѣрой, которая не знаетъ препятствій, не мѣряетъ жертвъ и для которой страданія и гибель являются самымъ жгучимъ, непреодолимымъ стимуломъ къ дѣятельности.

Мы не будемъ говорить о множествѣ молодыхъ людей, принадлежавшихъ даже къ аристократическимъ семьямъ, которые по пятнадцать часовъ въ сутки проводили въ работѣ на фабрикахъ, въ мастерскихъ, въ полѣ. Молодости свойственна отвага и готовность на жертвы. Характерно то, что зараза распространилась даже на людей зрѣлыхъ, съ обезпеченнымъ положеніемъ, на пріобрѣтеніе котораго они затратили свои лучшія, молодыя силы — судей, врачей, офицеровъ; и такіе были не изъ наименѣе преданныхъ дѣлу.

Движеніе это едва ли можно назвать политиче-

скимъ. Оно было скорѣе какимъ-то крестовымъ походомъ, отличаясь вполнѣ заразительнымъ и всепоглощающимъ характеромъ религіозныхъ движеній. Люди стремились не только къ достиженію опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ удовлетворенію глубокой потребности личнаго нравственнаго очищенія.

Но это благородное движеніе не выдержало и не могло выдержать столкновенія съ грубой и суровой дѣйствительностью.

Не то, чтобы русскій крестьянинъ выказалъ себя равнодушнымъ или враждебнымъ соціализму. Какъ народъ рабочій по преимуществу, привыкшій къ ассоціаціямъ для всевозможныхъ производствъ и съ незапамятныхъ временъ владѣющій сообща главнымъ орудіемъ производства—землею, русскій народъ способенъ симпатичнѣе и разумнѣе другого отнестись къ соціализму. Если онъ когда-либо совершитъ революцію, — то во имя соціалистическихъ требованій. Но революція всегда требуетъ сильной организацій, которая можетъ создаться только путемъ пропаганды, соціалистической или чисто революціонной. Такъ какъ ея нельзя было вести открыто, то оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ тайной пропагандѣ, совершенно невозможной въ нашихъ деревняхъ.

Всякій, кто селится тамъ, въ качествѣ ли ремесленника, сельскаго ли учителя или писаря, тотчасъ же оказывается на виду у тѣхъ, точно онъ сидитъ въ фонарѣ. Кромѣ того, крестьянинъ совершенно не способенъ хранить тайну передъ своими односельчанами. Какъ вы хотите, чтобы онъ не поговорилъ съ сосѣдомъ, котораго онъ знаетъ столько лѣтъ, о такомъ необычайномъ фактѣ, какъ чтеніе книги, а тѣмъ болѣе, когда рѣчь въ ней идетъ о столь естественномъ, справедливомъ и хорошемъ дѣлѣ, какъ то, о которомъ ему говоритъ соціалистъ? Такимъ образомъ, лишь только

пропагандистъ приходитъ къ кому-нибудь изъ своихъ пріятелей, вѣсть объ этомъ тотчасъ разлетается по всей деревнѣ, и черезъ какихъ-нибудь полчаса изба уже наполнена длиннобородыми крестьянами, которые спѣшатъ послушать незнакомца, не считая нужнымъ предупредить объ этомъ ни его, ни его хозяина. Если изба слишкомъ мала для всей этой толпы, то гостя ведутъ въ сельскую управу, или же просто на улицу, гдѣ онъ и читаетъ свои книжки или произноситъ рѣчь подъ открытымъ небомъ. Понятно, что при такихъ нравахъ правительство безъ всякаго затрудненія могло узнать объ агитаціи, которая велась среди крестьянъ.

Аресты быстро слѣдовали за арестами. По заявленію правительственнаго циркуляра тридцать семь губерній были „заражены“ пропагандой. Никто не знаетъ точнаго числа арестованныхъ; въ одномъ такъ называемомъ дѣлѣ „193“, тянувшемся четыре года, оно достигало, по даннымъ оффиціальной статистики, тысячи четырехсотъ.

Но за погибшими смѣло выступали на арену новые ряды бойцовъ, пока, наконецъ, благодаря громадному числу жертвъ, битва, повидимому, начала затихать. То усиливаясь, то ослабѣвая, движеніе продлилось два года. Но, въ концѣ концовъ, необходимо было признать, что лбомъ стѣны не прошибешь. Съ 1878 года характеръ движенія перемѣнился. Широкая пропаганда, т. е. одно, что еще могло бы поднять крестьянъ на возстаніе, была оставлена, и ея мѣсто заняли такъ называемыя „поселенія“,—небольшія колоніи, которыя устраивались уже съ разсчетомъ на болѣе или менѣе продолжительную дѣятельность въ разъ избранной мѣстности.

Во избѣжаніе подводныхъ скалъ, о которыя разбилось движеніе прошлыхъ лѣтъ, колонисты дѣйствовали чрезвычайно осторожно, стараясь не

обращать на себя вниманія, не производить шума, вести свою агитацію только въ средѣ такихъ крестьянъ, которыхъ они лично знали за людей надежныхъ и благоразумныхъ. Колоніи, менѣе подверженныя риску быть открытыми, держались съ перемѣннымъ счастьемъ нѣсколько лѣтъ, но не оставили никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ своей дѣятельности.

Очевидно, однако, что онѣ и не могли сдѣлать особенно много, въ виду необъятности Россіи и необходимости умышленно ограничивать кругъ своей работы, даже въ предѣлахъ избранныхъ мѣстностей.

IV.

Процессы пропагандистовъ, имѣвшіе мѣсто въ 1877 и 1878 годахъ, знаменуютъ конецъ этого перваго періода революціоннаго движенія въ Россіи, являясь въ то же время его апофеозомъ.

Русское правительство, желая идти по стопамъ французской Второй Имперіи, умѣвшей такъ хорошо играть краснымъ призракомъ, рѣшило, чтобы разборъ перваго большого дѣла,—такъ называемаго процесса „50-ти“,—происходилъ публично: оно надѣялось, что устрашенные привилегированные классы тѣснѣе сомкнутся вокругъ трона и оставятъ всякія завиральныя идеи. Но разсчетъ оказался ошибочнымъ. Даже тѣ, которые враждебно относились къ революціонерамъ, были поражены ихъ изумительной готовностью къ самопожертвованію.

„Да это святые!“ — восклицали всѣ, кому удалось присутствовать на этомъ памятномъ судѣ.

Въ слѣдующемъ году громадный процессъ „193-хъ“ только усилилъ это впечатлѣніе.

И дѣйствительно, все, что есть благороднаго и высокаго въ природѣ человѣка, казалось, было сосредоточено въ этой горсти героической молодежи. Восторженно преданные своей великой идеѣ,

они хотѣли принести въ жертву не только свою жизнь, будущность, положеніе, но и самую душу свою. Они хотѣли освободиться отъ всякихъ другихъ помышленій, отъ всякихъ личныхъ привязанностей, чтобы отдаться своему дѣлу всецѣло, беззавѣтно. Ригоризмъ былъ возведенъ въ догматъ, и былъ даже періодъ, когда молодые люди обоего пола придерживались въ своихъ отношеніяхъ самаго строгаго аскетизма.

Пропагандисты ничего не хотѣли для себя. Они были чистѣйшимъ олицетвореніемъ самоотверженности. Но это были люди слишкомъ неподходящіе для предстоявшей страшной борьбы. Типъ пропагандиста семидесятыхъ годовъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые выдвигаются скорѣй религіозными, чѣмъ революціонными движеніями. Соціализмъ былъ его вѣрой, народъ—его божествомъ. Не взирая на всю очевидность противнаго, онъ твердо вѣрилъ, что не сегодня-завтра произойдетъ революція, подобно тому, какъ въ средніе вѣка люди иногда вѣрили въ приближеніе Страшнаго суда. Неумолимая дѣйствительность нанесла жестокій ударъ этой восторженной вѣрѣ, показавши ему его бога, каковъ онъ есть, а не какимъ онъ рисовался его воображенію. Попрежнему онъ готовъ былъ на жертвы; но ему недоставало уже ни прежняго неудержимаго пыла, ни прежней жажды борьбы. Послѣ перваго разочарованія онъ потерялъ всякую надежду на побѣду, и, если еще желалъ вѣнца, то это былъ вѣнецъ изъ терніевъ, а не изъ лавровъ. Подобно христіанину первыхъ вѣковъ, онъ шелъ на муки съ ясностью во взорѣ и выносилъ ихъ съ полнымъ спокойствіемъ духа,—даже съ наслажденіемъ, такъ какъ зналъ, что страдаетъ за свою вѣру. Онъ былъ полонъ любви и ни къ кому не питалъ ненависти, не исключая даже своихъ палачей.

Таковъ пропагандистъ 1872—1875 годовъ. Въ

немъ было слишкомъ много идеализма, чтобы онъ могъ устоять въ предстоявшей трудной и жестокой борьбѣ. Онъ долженъ былъ измѣниться—или исчезнуть.

И уже началъ вырабатываться иной типъ революціонера, готовый занять его мѣсто. На горизонтѣ обрисовывалась сумрачная фигура, озаренная точно адскимъ пламенемъ, которая, съ гордо поднятымъ челомъ и взоромъ, дышавшимъ вызовомъ и местью, стала пролагать свой путь среди устрашенной толпы, чтобы вступить твердымъ шагомъ на арену исторіи.

То былъ террористъ.

Террористы.

I.

1876 и 1877 годы были самыми мрачными и тяжелыми для русскихъ соціалистовъ. Движеніе „въ народъ“ обошлось страшно дорого. Цѣлое поколѣніе было безпощадно скошено деспотизмомъ, въ припадкѣ овладѣвшаго имъ безумнаго страха. Тюрьмы были переполнены заключенными. Такъ какъ старыхъ не хватало, то строились новыя. Но каковы же были результаты всѣхъ этихъ жертвъ?... Они были подавляюще ничтожны въ сравненіи съ громадностью затраченныхъ усилій!

Чего можно было ждать отъ небольшого числа крестьянъ и рабочихъ, усвоившихъ идеи соціализма? Что могли сдѣлать разсѣянныя тамъ и сямъ „колоніи“? Прошлое было мрачно, будущее—темно и безнадежно.

Но движеніе не могло остановиться. Революціонная молодежь, возбужденная, сгоравшая жаждой дѣятельности, искала только иного пути для осуществленія тѣхъ же цѣлей. Но найти его было не легко при условіяхъ русской жизни. Продол-

жительны и опасны были поиски, и много жертвъ пало по дорогѣ, такъ какъ это было точно исканіе выхода изъ темной пещеры, изрытой пропастями и обвалами, гдѣ каждый шагъ впередъ покупается цѣной нѣсколькихъ жизней, и только стоны павшихъ братьевъ указываютъ путь оставшимся въ живыхъ.

Хожденіе „въ народъ" было изумительнымъ по своему героизму опытомъ могущества слова. Теперь надлежало испытать противоположный путь—путь дѣла.

„Мы потерпѣли неудачу, потому что были пустыми болтунами, неспособными на настоящее дѣло". Таковъ былъ горькій упрекъ, который дѣлали себѣ люди, пережившіе великое движеніе, передъ лицомъ новаго революціоннаго поколѣнія, явившагося на смѣну. Призывъ: къ дѣлу! сталъ столь же всеобщимъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ кликъ: въ народъ!

Но какое же дѣло предпринять?

Побуждаемые безкорыстнымъ желаніемъ дѣлать все для народа и только для народа, революціонеры прежде всего направили свои попытки на возбужденіе движенія среди крестьянства. Первые кружки такъ называемыхъ „бунтарей", цѣлью которыхъ было немедленное возстаніе, относятся еще къ 1875 году.

Но „бунты" не вызываются искусственно: они приходятъ сами собой. Только попытка Стефановича, удачно воспользовавшагося возбужденіемъ умовъ на почвѣ мѣстныхъ нуждъ и стремленій, имѣла по крайней мѣрѣ хоть временный успѣхъ. Но и тутъ заговоръ былъ обнаруженъ гораздо раньше, чѣмъ дѣло дошло до возстанія. Въ другихъ случаяхъ результаты были еще плачевнѣе.

Въ городахъ тоже стремленіе вызвать бунтъ приняло иную форму; революціонеры впервые дѣлаютъ попытку выйти на площадь.

Годы 1876, 1877 и первые мѣсяцы 1878 были періодомъ болѣе и менѣе значительныхъ демонстрацій, какъ похороны Чернышева и Падлевскаго, демонстрація на Казанской площади, имѣвшая такой трагическій исходъ и, наконецъ, одесская демонстрація въ день осужденія Ковальскаго, бывшая настоящимъ сраженіемъ, съ убитыми и ранеными съ обѣихъ сторонъ, и сотнями арестовъ на другой день. Не трудно было понять, что по этому пути далеко не уйдешь. Силы революціонеровъ и правительства были такъ страшно не равны, что подобныя демонстраціи не могли привести ни къ чему, кромѣ добровольнаго принесенія въ жертву цвѣта русской молодежи.

Въ Россіи городская революція или даже сколько-нибудь значительное возстаніе представляетъ совершенно исключительныя трудности. Въ нашихъ городахъ сосредоточена лишь очень ничтожная доля всего населенія страны, да и три четверти этихъ городовъ—не болѣе, какъ большія села, отстоящія другъ отъ друга на сотни верстъ. Города въ собственномъ смыслѣ этого слова, съ 40—50 тысячами жителей, заключаютъ въ себѣ какихъ-нибудь четыре процента населенія, т. е. около четырехъ милліоновъ. И правительству, располагающему военными силами цѣлаго государства, нѣтъ ничего легче, какъ превратить пять или шесть главныхъ городовъ Россіи, гдѣ только и мыслимо какое-нибудь движеніе, въ настоящіе военные лагери, что уже и сдѣлано въ дѣйствительности.

Это соображеніе всегда нужно имѣть въ виду, чтобы понять причины всего, что произошло дальше.

Демонстраціи всякаго рода были оставлены: съ 1878 года онѣ окончательно исчезаютъ.

Но уже и за этотъ періодъ въ типѣ революціонера произошла значительная перемѣна. Онъ уже пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ пять лѣтъ тому назадъ. Онъ не успѣлъ еще заявить о себѣ

какимъ-либо подвигомъ, достойнымъ истиннаго бойца, но постоянно размышляя въ этомъ направленіи, вѣчно твердя себѣ одно и то же,—что пуля дѣйствительнѣе словъ, питая изо дня въ день въ своей душѣ кровавые замыслы, онъ не могъ не поддаться вліянію собственныхъ словъ и мыслей, не могъ не окраситься отъ нихъ, не затвердѣть, не революціонизироваться самъ: таково свойство человѣка. А правительство дѣлало тѣмъ временемъ все отъ него зависѣвшее, чтобы ускорить процессъ этого превращенія недавняго еще мечтателя въ человѣка дѣла.

Аресты производились по малѣйшему подозрѣнію. Какого-нибудь адреса, письма отъ пріятеля, ушедшаго „въ народъ", показанія, вымученнаго отъ двѣнадцатилѣтняго мальчугана, который отъ испуга не зналъ, что отвѣчать на допросѣ, было достаточно, чтобы бросить человѣка въ тюрьму и томить его годы въ ужасномъ одиночномъ заключеніи. Стоитъ только припомнить, что за время предварительнаго слѣдствія по дѣлу „193-хъ", которое тянулось четыре года, число самоубійствъ, случаевъ умопомѣшательства и смерти между политическими заключенными достигало громадной цифры 75. Приговоры суда особаго присутствія, который былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, были безобразно жестоки. Люди приговаривались на десять, двѣнадцать, пятнадцать лѣтъ каторжныхъ работъ за нѣсколько революціонныхъ разговоровъ съ кучкой рабочихъ, за прочитанную или данную для прочтенія книжку. Такимъ образомъ, то самое, что дѣлается совершенно свободно въ любомъ западно-европейскомъ государствѣ, у насъ наказывалось наравнѣ съ убійствомъ. Но, не удовлетворяясь этими звѣрствами, облеченными въ юридическую форму, правительство еще болѣе увеличивало страданія политическихъ заключенныхъ путемъ подлыхъ секретныхъ

предписаній. До чего невыносимо было ихъ положеніе, можно судить по тому, что въ Харьковской Центральной тюрьмѣ — этомъ „домѣ ужасовъ“ — произошло нѣсколько „бунтовъ“, затѣянныхъ ими исключительно съ тою цѣлью, чтобы добиться уравненія своего положенія съ уголовными преступниками! Отъ времени до времени, при помощи способовъ, которые умѣютъ находить только заключенные, отъ этихъ заживо погребенныхъ людей получались на волю письма, кое-какъ нацарапанныя на клочкѣ оберточной бумаги, сообщавшія о гнусныхъ и безсмысленныхъ жестокостяхъ, которымъ подвергали ихъ тюремщики, чтобы выслужиться передъ начальствомъ. И эти письма переходили изъ рукъ въ руки, извѣстія передавались изъ устъ въ уста, вызывая у всѣхъ слезы жалости и негодованія и поселяя въ душѣ людей самыхъ мягкихъ мысли крови, ненависти, мести.

II.

Первыя кровавыя дѣла начались за годъ или за два до наступленія настоящаго террора. То были пока отдѣльные факты, безъ всякаго серьезнаго политическаго значенія; но они ясно доказывали, что усилія правительства начали уже приносить свои плоды, и что „млеко любви“ соціалистовъ прошлаго поколѣнія превращалось, мало по малу, въ желчь ненависти. Вытекая изъ чувства мести, нападенія направлялись вначалѣ на ближайшихъ враговъ—шпіоновъ, и въ разныхъ частяхъ Россіи ихъ было убито около полу-дюжины.

Было, однако, несомнѣнно, что эти первыя попытки необходимо должны были повести къ дальнѣйшимъ. Ужъ если тратить время на убійство какого-нибудь шпіона, то почему же оставлять безнаказаннымъ жандарма, поощряющаго его гнусное

ремесло, или прокурора, который пользуется его донесеніями для арестовъ, или, наконецъ, шефа жандармовъ, который руководитъ всѣмъ? А дальше приходилось подумать и о томъ, властью котораго дѣйствуетъ вся эта орда. Логика вещей должна была заставить революціонеровъ пройти одну за другой всѣ эти ступени, и они не могли не пройти ихъ, такъ какъ русскій человѣкъ можетъ грѣшить недостаткомъ чего угодно, только не мужества быть послѣдовательнымъ до конца.

Случилось, однако, обстоятельство первостепенной важности, давшее такой сильный толчокъ движенію, что этотъ переходъ, на который, при иныхъ условіяхъ, потребовались бы, можетъ быть, годы, былъ совершенъ почти сразу.

24 января 1878 года раздался выстрѣлъ Вѣры Засуличъ. Черезъ два мѣсяца она была оправдана судомъ присяжныхъ.

Намъ нѣтъ нужды говорить о подробностяхъ самаго событія и процесса, ни настаивать на ихъ громадномъ значеніи. Каждый, кто пережилъ это время, помнитъ, въ какомъ лихорадочномъ возбужденіи было тогда все общество, вся публика безъ различія возраста, сословій, партій. Легко представить себѣ что должно было происходить въ средѣ революціонеровъ.

Засуличъ вовсе не была террористкой. Она была ангеломъ мести, жертвой, которая добровольно отдавала себя на закланіе, чтобы смыть съ партіи позорное пятно смертельной обиды. Очевидно было, что если всякій подлый поступокъ долженъ ждать своей Засуличъ, то совершившій его можетъ спать спокойно и дожить до сѣдыхъ волосъ.

И однако, событіе 24 января имѣло огромное значеніе въ развитіи терроризма. Оно озарило его своимъ ореоломъ самопожертвованія и дало ему санкцію общественнаго признанія.

Оправданіе Засуличъ было торжественнымъ осужденіемъ всей системы произвола, которая заставила эту дѣвушку поднять на палача свою мстительную руку. Печать и общество единодушно привѣтствовали приговоръ присяжныхъ.

Какъ же отнеслось правительство къ этому гласу народа?

Александръ II лично посѣтилъ Трепова, заклейменнаго всеобщимъ презрѣніемъ. Перевернули вверхъ дномъ весь городъ, разыскивая оправданную Засуличъ, чтобы снова заключить ее въ тюрьму.

Трудно было высказать ярче свое презрѣніе къ правосудію и общественному мнѣнію.

Недовольство усилилось. Къ жгучему чувству обиды вскорѣ присоединилась еще горечь разочарованія.

Здѣсь слѣдовало бы дать очеркъ чисто либеральнаго движенія, возникшаго въ началѣ прошлаго царствованія въ средѣ образованныхъ слоевъ русскаго общества. Но, такъ какъ сдѣлать этого въ немногихъ словахъ нельзя, то я замѣчу только, что событіемъ, придавшимъ ему особенную силу, была турецкая война, которая, подобно крымской, обнажила всѣ язвы нашего общественнаго строя, и пробудила надежды на новыя преобразованія, особенно послѣ конституціи, данной Александромъ II Болгаріи.

Возвращеніе императора въ столицу послѣ кампаніи совпало съ процессомъ Засуличъ.

Иллюзіи либераловъ разсѣялись, какъ дымъ; и тогда-то они обратили свои взоры на единственную партію, которая боролась противъ деспотизма,— соціалистическую. Первыя ихъ попытки къ сближенію съ революціонерами, съ цѣлью образованія союза, относятся къ 1878 году.

III.

Однако, правительство рѣшилось, повидимому, раздразнить до крайности не только либераловъ, но и революціонеровъ. Изъ чувства мести, оно удвоило жестокости по отношенію къ тѣмъ изъ нихъ, которые находились въ его власти. Александръ II дошелъ даже до того, что отмѣнилъ приговоръ собственнаго Сената, который, подъ видомъ ходатайства о помилованіи, оправдалъ большую часть подсудимыхъ по дѣлу „193-хъ".

Но что же это за правительство, которое издѣвается надъ законами страны, которое не опирается и не желаетъ опираться ни на народъ, ни на общество, ни на какой-нибудь отдѣльный классъ, ни даже на имъ самимъ созданные законы? Что представляетъ оно, какъ не воплощеніе грубой силы?

Противъ подобнаго правительства все дозволительно. Оно уже является не выразителемъ воли большинства, а организованнымъ произволомъ.

Но какъ избавиться отъ укрывшихся за лѣсомъ штыковъ? Какъ освободить отъ нихъ родину?

Нечего было и думать о взятіи приступомъ твердыни деспотизма, какъ то дѣлалось въ другихъ болѣе счастливыхъ странахъ. Нужно было обойти врага съ тылу, схватиться лицомъ къ лицу позади его неприступныхъ позицій, гдѣ не помогли бы ему всѣ его легіоны.

Такъ возникъ терроризмъ.

Родившись изъ ненависти, вскормленный любовью къ родинѣ и увѣренностью въ близкой побѣдѣ, онъ выросъ и окрѣпъ въ электрической ат-

мосферѣ энтузіама, вызваннаго геройскимъ поступкомъ.

16 августа 1878 года, т. е. черезъ пять мѣсяцевъ послѣ оправданія Засуличъ, терроризмъ, фактомъ убійства генерала Мезенцева, шефа жандармовъ и главы всей шайки, бросилъ вызовъ въ лицо самодержавію. Съ этого дня онъ, не переставая, шелъ гигантскимъ шагомъ впередъ, все усиливаясь и завоевывая почву, пока, наконецъ, не достигъ своего апогея въ страшномъ поединкѣ съ человѣкомъ, который былъ олицетвореніемъ деспотизма.

Я не буду излагать его подвиговъ: они уже вписаны огненными буквами на страницахъ исторіи. Три раза противники сходились лицомъ къ лицу; три раза, волею судьбы, террористъ оставался побѣжденнымъ. Но послѣ каждаго пораженія онъ подымался снова, болѣе грозный и могущественный, чѣмъ прежде. За покушеніемъ Соловьева послѣдовало покушеніе Гартмана, за нимъ— страшный взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ, который, казалось, превзошелъ все, что воображеніе могло придумать самаго невѣроятнаго. Но вотъ пришло 1-ое марта. Снова очутились враги лицомъ къ лицу.

Террористъ побѣдилъ, наконецъ, въ этомъ роковомъ поединкѣ, унесшемъ столько жертвъ.

РЕВОЛЮЦІОННЫЕ ПРОФИЛИ.

Изложивъ вкратцѣ исторію революціоннаго движенія за десятилѣтній періодъ съ 1871 по 1881 годъ, я пытаюсь теперь ввести читателя во внутреннюю жизнь подпольной Россіи, познакомить его хоть съ нѣсколькими изъ этихъ грозныхъ людей, которые столько разъ приводили въ трепетъ того, передъ кѣмъ все дрожитъ.

Постараюсь показать ихъ такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, не преувеличивая, но и не умаляя ихъ достоинствъ. Конечно, чтобы обрисовать такія фигуры, какъ Софья Перовская, Вѣра Засуличъ, Дмитрій Лизогубъ, нужно перо, не моему чета. Говорю это не изъ условной скромности, а изъ чувства безграничнаго удивленія и восторга, которое внушаютъ мнѣ эти люди, и которое они внушали бы всякому, кто зналъ бы ихъ такъ хорошо, какъ я. Пусть же читатель постарается самъ исправить недостатки моихъ очерковъ, дополняя живыми красками начертанные мной блѣдные, сухіе профили. Что касается до меня, то гарантирую только одно: вѣрность истинѣ. Долженъ поэтому предупредить любителей сенсаціонныхъ подробностей, что они рискуютъ быть сильно разочарованными, такъ какъ въ дѣйствительной жизни все

происходитъ гораздо проще и скромнѣе, чѣмъ люди себѣ воображаютъ. Едва ли нужно говорить, что ничего могущаго кого бы то ни было компрометировать нѣтъ въ моей книгѣ. Читатель можетъ быть совершенно спокоенъ на этотъ счетъ. Я умышленно ограничивался фактами и лицами, о которыхъ можно говорить свободно.

Что касается выбора сюжетовъ и группировки лицъ, то я имѣлъ въ виду единственно возможно лучшее выясненіе общаго характера движенія. Въ виду того же я придалъ своему разсказу форму, пожалуй нѣсколько легкомысленную для сюжета,— форму личныхъ воспоминаній, какъ наиболѣе удобную для сохраненія нѣкоторыхъ подробностей и мелочей, которыя, какъ бы онѣ ни были маловажны сами по себѣ, взятыя вмѣстѣ, даютъ болѣе рельефное и полное представленіе объ особенностяхъ жизни революціонной Россіи.

Яковъ Стефановичъ.

I.

Лѣтомъ 1887 г. необыкновенное смятеніе царило въ средѣ представителей власти Чигиринскаго уѣзда.

Жандармы сновали по всѣмъ направленіямъ, точно сумасшедшіе. Становые и исправникъ совсѣмъ сбились съ ногъ и не имѣли покоя ни днемъ, ни ночью. Самъ губернаторъ посѣтилъ уѣздъ.

Что случилось?

Дѣло въ томъ, что полиція, черезъ священниковъ, которые, нарушая тайну исповѣди, превратились въ доносчиковъ, провѣдала, что среди

крестьянъ составился опасный заговоръ, во главѣ котораго стоятъ „нигилисты“, народъ отчаянный и способный на все.

Однако, не было никакой возможности узнать подробности заговора, такъ какъ крестьяне, узнавши, что попы выдаютъ, перестали ходить на исповѣдь. А между тѣмъ, нельзя было терять времени: заговоръ разрастался не по днямъ, а по часамъ. На это указывало много тревожныхъ признаковъ. Такъ, изъ опасенія выдать себя въ пьяномъ видѣ, заговорщики совершенно отказывались отъ употребленія водки, а въ деревняхъ, гдѣ они составляли большинство, рѣшено было даже позакрывать кабаки. Это служило видимымъ доказательствомъ того, что движеніе усиливалось. Но какъ проникнуть въ его тайну и положить предѣлъ дальнѣйшему его распространенію? Ни наугадъ произведенные обыски, ни сотни арестовъ не привели ни къ чему.

Отъ крестьянъ нельзя было добиться ни слова; даже розгами не удавалось заставить ихъ говорить. Вооруженное возстаніе казалось неизбѣжнымъ. Ходили слухи, что заговорщики, подобно парижскимъ санкюлотамъ, тайно заготовляли пики и покупали топоры и ножи. Исправникъ отправилъ на ярмарку своихъ людей подъ видомъ торговцевъ желѣзнымъ товаромъ, надѣясь такимъ образомъ прослѣдить, кто будетъ покупать оружіе. Но заговорщики угадали его намѣреніе и ни одинъ изъ нихъ не далъ поймать себя на удочку.

Полиція была въ отчаяніи и рѣшительно не знала, что предпринять. Но вотъ разъ позднимъ вечеромъ къ исправнику является содержатель одного изъ кабаковъ, нѣкій Конограй, съ сообщеніемъ, что къ нему заходилъ крестьянинъ, по имени Приходько. Отъ голода и усталости онъ еле держался на ногахъ и, сильно охмелѣвши отъ выпитаго стакана водки, началъ кричать, что скоро

все будетъ „по иному“, что онъ уже „присягалъ“, что онъ самъ видѣлъ „бумагу“. Очивидно, онъ былъ однимъ изъ привлеченныхъ къ заговору, и Конограю пришла въ голову мысль черезъ него и самому проникнуть туда. Но, такъ какъ для этого требовалась, очевидно, какая-то присяга, то онъ и пришелъ къ исправнику за разрѣшеніемъ дать ее. Исправникъ былъ внѣ себя отъ восторга. Онъ благословилъ его обѣими руками и не только позволилъ присягать кому и въ чемъ угодно, но обѣщалъ ему для поощренія и денегъ и земли. Конограй разыскалъ Приходька, разговорился, притворился сочувствующимъ и былъ допущенъ къ присягѣ. Послѣ этого Приходько показалъ ему „бумагу“, которая была не что иное, какъ уставъ тайнаго общества. Прочитавъ, Конограй обратился къ Приходьку и сказалъ ему безъ всякихъ околичностей: „Слушай, я вижу, ты знаешь все. Теперь выбирай: или пойдемъ вмѣстѣ къ исправнику съ этими бумагами, и тогда тебѣ простятъ и еще дадутъ сколько хочешь денегъ, или же тебѣ будетъ худо, потому что, вѣдь, бумаги не больно тяжелы, и я могу снести ихъ самъ“.

Поставленный, такимъ образомъ, между двухъ огней, несчастный, вмѣсто того, чтобы убить Конограя, сдѣлался предателемъ. Самъ онъ зналъ не очень-то много, но и этого немногаго было достаточно, чтобы постепенно добраться до остального. Въ самомъ непродолжительномъ времени полиція уже держала въ рукахъ всѣ нити заговора и знала имена заговорщиковъ. Дѣло было не шуточное. Число посвященныхъ достигало трехъ тысячъ и заговоръ, поставленный на военную ногу, распространялся на нѣсколько губерній; сигналъ къ возстанію предполагалось дать въ день одного изъ ближайшихъ праздниковъ.

Вся эта замѣчательная организація была создана въ какіе-нибудь восемь мѣсяцевъ, усиліями

только одного человѣка, именно Якова Стефановича.

Онъ задумалъ планъ, поразительный по соединенію смѣлости съ безстыдствомъ, грандіозности и практичности — съ полной безпринципностью. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы поднять народъ на весь существующій порядокъ и на самого царя—во имя царя же. Стефановичъ сочинилъ и самъ себѣ вручилъ тайный царскій манифестъ, призывающій народъ къ всеобщему возстанію, въ виду полнаго безсилія самого царя и его полнаго порабощенія дворянствомъ и чиновниками. Это была старая „самозванщина“, облеченная въ новую канцелярскую форму. Такой безсовѣстной мистификаціи и вмѣстѣ такого могущественнаго орудія для того, чтобы волновать умы русской крестьянской массы, не придумала ни одна забубенная воровская головушка изъ разинской или пугачевской ватаги.

Принципъ Стефановичевскаго плана — обманъ народа, хотя бы для его же блага, и поддержаніе царской легенды, хотя бы съ революціонными цѣлями, — былъ безусловно отвергнутъ партіей и не имѣлъ ни одного подражателя. Но энергія имѣетъ непреодолимую обаятельность, въ особенности для русскихъ, среди которыхъ людей такъ мало. Кромѣ того, планъ Стефановича имѣлъ еще одно преимущество, не зависѣвшее отъ потаканія монархическимъ предразсудкамъ: это была первая и пока единственная попытка создать народную организацію на почвѣ не общихъ теорій, а мѣстныхъ стремленій, какими были въ Чигиринскомъ уѣздѣ борьба общинниковъ противъ индивидуалистовъ—„душевиковъ“.

Какъ бы то ни было, одно время Стефановичъ былъ едва ли не самымъ популярнымъ человѣкомъ въ партіи. Его рѣчь на судѣ была большой неожиданностью какъ для его друзей, такъ и для

посторонних. Страсть ходить обходами сыграла съ нимъ плохую шутку. Проведя мужиковъ для блага революціи въ чигиринскомъ дѣлѣ, онъ на процессѣ пожелалъ провести правительство для блага свободы, напустивъ на себя личину монархизма. Онъ осѣкся и былъ одураченъ правительствомъ, и послѣдняя вещь оказалась ему горше всего.

Въ описываемое время Стефановичъ былъ въ апогеѣ своей славы. Его чигиринское дѣло не удалось. Правительство, имѣя въ рукахъ всѣ документы, арестовало болѣе тысячи человѣкъ, въ томъ числѣ почти всѣхъ вожаковъ. Немногимъ удалось скрыться. Вскорѣ и Стефановичъ былъ арестованъ при помощи засады, устроенной на пути въ то время, какъ онъ вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ Львомъ Дейчемъ, отправлялся на какое-то свиданіе съ нѣсколькими уцѣлѣвшими участниками заговора. Иванъ Бохановскій, печатавшій всѣ документы и прокламаціи, относившіеся къ заговору, былъ задержанъ нѣсколькими днями раньше. Арестованные были заключены въ кіевскую тюрьму, гдѣ ихъ содержали съ величайшими предосторожностями. Суда надъ ними ждали лѣтомъ 1878 г., и никто не сомнѣвался, что главнымъ виновникамъ не избѣжать смертной казни.

II.

Это лѣто я проводилъ въ Петербургѣ. Здѣсь мнѣ часто приходилось бывать у Александры Малиновской*), талантливой художницы, бывшей однимъ изъ самыхъ преданныхъ членовъ нашей партіи. Впрочемъ, никакихъ дѣловыхъ сношеній у меня съ ней не было, такъ какъ она, хотя и ока-

*) Арестована зимой 1879 г. Умерла въ казанскомъ домѣ умалишенныхъ.

зывала важныя услуги организаціи, работала не въ той группѣ, къ которой я принадлежалъ. Но невозможно было устоять противъ чарующаго обаянія этой артистически-изящной натуры и ея увлекательной бесѣды, полной остроумія и блеска. И я былъ не одинъ среди нашего брата нелегальныхъ, позволявшій себѣ это маленькое нарушеніе правилъ конспираціи.

Итакъ, я часто къ ней захаживалъ. Однажды, прійдя немного раньше обыкновеннаго, я не засталъ хозяйки и рѣшилъ ждать ея возвращенія. Нѣсколько минутъ спустя, въ комнату вошла Маша Колѣнкина, бывшая большой пріятельницей кіевскихъ „бунтарей“ и Малиновской.

Мы разговорились. Полчаса прошло незамѣтно. Вдругъ, въ передней раздался громкій звонокъ. Это не могла быть Малиновская, такъ какъ я зналъ ея звонокъ; не могъ быть также никто изъ „нашихъ“, потому что „наши“ такъ не звонятъ. Такъ позвонить могъ только человѣкъ, власть имѣющій. Это оказался попросту разсыльный съ телеграммой. Телеграмма была адресована на имя хозяйки, но Колѣнкина вскрыла ее, не дожидаясь прихода своей пріятельницы, что меня ни мало не удивило, такъ какъ я зналъ, что онѣ были очень дружны. Но я не могъ не изумиться, когда увидѣлъ, что Маша, всегда сдержанная, взглянувши на телеграмму, вдругъ вскочила съ мѣста, захлопала въ ладоши, стала прыгать и бѣсноваться въ припадкѣ неистовой радости.

— Что такое?—съ удивленіемъ спросилъ я ее.

— Смотрите! смотрите!—воскликнула она, подавая мнѣ телеграмму.

Я прочелъ ее: адресъ, затѣмъ всего три слова: „Родился мальчикъ, радуйтесь“. Затѣмъ подпись и ничего больше.

— Чего же вы такъ ликуете?—спросилъ я. Или ужъ такъ вы мальчиковъ любите?

— Какой тутъ мальчикъ!—воскликнула Маша, махая руками.—Да они бѣжали изъ тюрьмы!

— Кто—они? гдѣ? какъ?

— Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій! Изъ Кіева.

— Всѣ трое?

— Всѣ, всѣ!

Тутъ ужъ и я не могъ удержаться на мѣстѣ.

Черезъ нѣсколько дней получилось письмо, извѣщавшее о скоромъ прибытіи Стефановича и Дейча въ Петербургъ. Съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ я встрѣчи съ ними, особенно съ Стефановичемъ, съ которымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ у меня были дѣловыя сношенія.

Я попросилъ пріятеля, имѣвшаго встрѣтить его на вокзалѣ, привести его ко мнѣ, если возможно тотчасъ по пріѣздѣ.

Я жилъ тогда по паспорту одной высокопоставленной особы, имѣлъ въ своемъ распоряженіи комнату съ отдѣльнымъ входомъ и былъ на самомъ лучшемъ счету у дворника и хозяйки.

Въ назначенный день я сидѣлъ дома, въ ожиданіи Стефановича, который долженъ былъ пріѣхать съ десятичасовымъ поѣздомъ. Но я зналъ, что прежде, чѣмъ направиться ко мнѣ, ему нужно гдѣ-нибудь переодѣться и „счиститься“, т. е. отдѣлаться отъ шпіоновъ въ случаѣ, если бы они послѣдовали за нимъ со станціи. Такимъ образомъ, онъ врядъ ли могъ у меня быть раньше полуночи. Но уже съ 11 часовъ мною начало овладѣвать сильное нетерпѣніе, и я ежеминутно посматривалъ на часы.

Время тянулось страшно медленно. Домъ, гдѣ я жилъ, выходилъ на длинную-предлинную улицу, по которой должны были подойти мои гости. Я вышелъ посмотрѣть не идутъ ли они.

Была одна изъ тѣхъ волшебныхъ петербургскихъ ночей, которыя принадлежатъ къ числу

величайшихъ красотъ нашей столицы. Вечерняя и утренняя заря, казалось, цѣловались въ блѣдномъ беззвѣздномъ небѣ, съ котораго струились потоки нѣжнаго, розоватаго, фантастическаго свѣта; а легкія золотистыя облака медленно плавали въ атмосферѣ поразительной прозрачности. Какъ любилъ я прежде эти бѣлыя ночи, когда, бывало, одинъ въ маленькой душегубкѣ, съ двуперымъ весломъ въ рукахъ,—скользишь по срединѣ величавой Невы, точно вися въ пространствѣ между необъятнымъ сводомъ неба и бездонной глубиной другого свода, отражавшагося въ черной поверхности рѣки. За-то какъ же возненавидѣлъ я потомъ эти предательскія, жандармскія ночи!

Невозможно было оставаться на улицѣ, такъ какъ я могъ привлечь къ себѣ вниманіе какого-нибудь случайнаго шпіона или околоточнаго, обходящаго свой участокъ,—перспектива не особенно пріятная въ подобную ночь. Я вернулся домой.

Нетерпѣніе мое росло съ минуты на минуту. Но когда, наконецъ, пробило двѣнадцать часовъ, и все еще никого не было, я началъ испытывать настоящую пытку, извѣстную только русскому революціонеру, который, отпуская даже на самое короткое время друга, брата, жену, не можетъ быть увѣренъ, что не разстался съ ними навсегда. Воображеніе начало уже рисовать мнѣ самыя мрачныя картины, какъ вдругъ, спустя минутъ десять послѣ полуночи, раздался стукъ отпираемой калитки, за которымъ послышались шаги на моей лѣстницѣ. Я отворилъ дверь. Это были они. Я тотчасъ узналъ Стефановича. При арестѣ съ него былъ снятъ портретъ, какъ это дѣлается со всѣми политическими заключенными. Послѣ побѣга его карточки были розданы агентамъ полиціи, которымъ было поручено искать его, и понятно, что нѣкоторыя изъ нихъ попали въ наши руки. Безъ всякихъ словъ, я бросился къ нему на шею и

сжалъ его въ своихъ объятіяхъ. Затѣмъ, горячо поблагодаривъ пріятеля, я ввелъ Стефановича въ комнату, не спуская съ него любящаго взгляда. Я едва вѣрилъ своимъ глазамъ. Мы считали его безвозвратно погибшимъ. Петля палача была уже накинута ему на шею. И вдругъ этотъ человѣкъ стоитъ тутъ, какъ ни въ чемъ не бывало, живъ, бодръ, снова готовый къ борьбѣ и дѣятельности.

Вышло какъ-то само собой, что мы сразу стали говорить другъ съ другомъ на ты, какъ старинные пріятели. Мы вспомнили о нашихъ прежнихъ сношеніяхъ. Онъ не разсчитывалъ встрѣтиться со мной въ Петербургѣ, такъ какъ въ провинціи ему передавали, что я былъ еще въ Женевѣ. Знакомый уже съ подробностями его побѣга, я спросилъ его, какимъ образомъ ему удалось благополучно пробраться сквозь стаи шпіоновъ, переполнявшихъ всѣ станціи.

Онъ улыбнулся и тотчасъ сталъ разсказывать. А я все смотрѣлъ на него, этого страшнаго человѣка, который, не смущаясь ничѣмъ, и только благодаря своей несокрушимой энергіи, сумѣлъ сдѣлаться безусловнымъ властелиномъ цѣлыхъ тысячъ этихъ упорныхъ, подозрительныхъ крестьянъ и легко могъ бы очутиться во главѣ грознаго возстанія.

Онъ былъ средняго роста, худой, съ впалой грудью и узкими плечами; физически онъ, должно быть, былъ очень слабъ. Мнѣ не приходилось встрѣчать человѣка болѣе некрасиваго; но это некрасивое лицо было привлекательно. Въ его сѣрыхъ глазахъ сверкалъ умъ, а въ улыбкѣ было что-то лукавое и тонко насмѣшливое, какъ и въ характерѣ украинскаго народа, къ которому онъ принадлежитъ.

Разсказывая о какой-нибудь удачной хитрости, придуманной съ цѣлью сбить съ толку полицію, онъ смѣялся отъ всей души, обнаруживая при

этомъ два ряда прекрасныхъ зубовъ, бѣлыхъ, какъ слоновая кость. Вся его наружность, съ этимъ морщинистымъ лбомъ, и холоднымъ, твердымъ взглядомъ, выражала рѣшимость и непоколебимое самообладаніе. Я замѣтилъ, что въ разговорѣ онъ вовсе не прибѣгалъ къ жестикуляціи.

Мы говорили объ общихъ друзьяхъ, которыхъ онъ посѣтилъ по дорогѣ, о проектахъ, съ которыми онъ прибылъ въ Петербургъ, и о многомъ другомъ.

„Che il tacer è bello, si com'era il parlar colá dov' era“.

Нельзя было не изумляться трезвости его сужденій по разнымъ вопросамъ, которые онъ разсматривалъ всегда съ очень оригинальной и практической точки зрѣнія, въ особенности же — его знанью людей: достаточно было ему нѣсколькихъ дней знакомства, чтобы опредѣлить человѣка; хотя надо сказать, что въ его характеристикахъ всегда была склонность къ пессимизму. Заря давно уже занялась, когда мы прекратили, наконецъ, нашу бесѣду и устроились кое-какъ на ночлегъ.

III.

Стефановичъ пробылъ въ Петербургѣ цѣлый мѣсяцъ. Мы часто видались другъ съ другомъ, и я имѣлъ полную возможность хорошо познакомиться съ нимъ, а узнать его—значило полюбить. Это—натура оригинальная и чрезвычайно сложная. Онъ, несомнѣнно, человѣкъ большого природнаго ума и рѣдкой силы характера. При благопріятныхъ обстоятельствахъ такіе люди дѣлаются творцами исторіи. Онъ обладаетъ въ высшей степени рѣдкой способностью управлять массами, что обнаружилось въ Чигиринскомъ дѣлѣ. Но онъ не изъ тѣхъ, которые неуклонно идутъ къ цѣли, подобно пушечному ядру, опрокидывая и сокрушая все на

пути. Нѣтъ, онъ предпочитаетъ дѣйствовать скрытно, онъ уступаетъ, когда это нужно, но съ тѣмъ, чтобъ при первомъ удобномъ случаѣ наверстать свое. Нѣкоторые считаютъ Стефановича коварнымъ. Это едва ли справедливо. Онъ хитритъ только въ „политикѣ". Въ личныхъ отношеніяхъ, съ друзьями онъ простъ, искренъ и прямодушенъ. Вообще, это—человѣкъ чрезвычайно сдержанный, вполнѣ замкнутый въ себѣ самомъ. Говоритъ онъ мало, на собраніяхъ—никогда. Слушаетъ обыкновенно съ низко опущенной, точно во снѣ, головой. Въ теоретическія препирательства онъ никогда не вступаетъ, относясь къ нимъ съ величайшимъ презрѣніемъ, и если ему приходится присутствовать при чтеніи какой-нибудь „программы" или „объяснительной записки", то онъ нерѣдко буквально засыпаетъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его громкій храпъ. Это—исключительно человѣкъ дѣла, но не дѣла въ узкомъ смыслѣ этого слова, подобно людямъ, которые ни минуты не могутъ оставаться безъ какой-нибудь работы. Онъ умѣетъ ждать. Это—человѣкъ широкихъ плановъ, лучшій типъ организатора, какого я когда-либо встрѣчалъ. Его ясный и необычайно практичный умъ, твердый и осторожный характеръ, знаніе людей и умѣнье обращаться съ ними, дѣлаютъ его особенно пригоднымъ для этой трудной роли.

Большой скептикъ по отношенію къ людямъ, онъ въ то же время способенъ на дружбу, граничащую съ обожаніемъ. Самымъ близкимъ его пріятелемъ былъ Л. Они всегда жили неразлучно, исключая моментовъ, когда этому мѣшали „дѣла". Въ такихъ случаяхъ они ежедневно обмѣнивались длинными письмами, которыя они сохраняли, ревниво оберегая ихъ отъ всякаго посторонняго взора, и тѣмъ давая поводъ къ постояннымъ шуткамъ на свой счетъ со стороны товарищей.

Не смотря на всѣ превратности жизни, Сте-

фановичъ никогда не порывалъ связей съ своимъ отцомъ, старымъ деревенскимъ священникомъ, что было довольно опасно въ положеніи человѣка, изъ-за котораго цѣлые города переворачивались вверхъ дномъ, если только полиція подозрѣвала тамъ его присутствіе. Онъ очень любитъ и почитаетъ своего отца и часто говоритъ о немъ, съ особеннымъ удовольствіемъ сообщая анекдоты изъ его жизни и цитируя отрывки изъ его писемъ, обнаруживающихъ его твердый, непосредственный умъ и честное прямое сердце.

Дмитрій Клеменсъ.

I.

Клеменсъ—одинъ изъ самыхъ старыхъ Чайковцевъ; теперь ему лѣтъ пятьдесятъ. Арестованный въ мартѣ 1879 года и сосланный въ Сибирь, онъ съ тѣхъ поръ живетъ тамъ постоянно.

Въ немъ нѣтъ ничего конспираторскаго. Онъ—человѣкъ простой, душа на-распашку, веселый собесѣдникъ и безподобный разсказчикъ. Его вольная, богатая рѣчь, пересыпанная образами и сравненіями, блещетъ всѣми сокровищами русскаго народнаго языка, которымъ онъ владѣетъ съ изумительнымъ, крыловскимъ мастерствомъ.

Онъ едва ли не лучшій изъ нашихъ народныхъ пропагандистовъ. Манера говорить и вести пропаганду у него своеобразная, совершенно неподражаемая. Это не страстная, вдохновенная проповѣдь Брешковской, не сократическій, неотразимый методъ Михаила Купріянова, геніальнаго юноши, умершаго въ тюрьмѣ 19 лѣтъ отъ роду. Клеменсъ ведетъ свою пропаганду всю въ шуткахъ. Онъ смѣется и заставляетъ хвататься за животы слушающихъ его мужиковъ, старыхъ и малыхъ, не смотря на всю ихъ обычную невозмутимость. Од-

нако, онъ всегда ухитрится вложить въ свою шутку какую-нибудь серьезную мысль, которая такъ и засядетъ гвоздемъ имъ въ головы. Рѣдко кому удавалось вербовать столько приверженцевъ изъ среды крестьянъ и городскихъ рабочихъ.

Рѣчи, которыя ему случалось произносить иногда въ какомъ-нибудь кабачкѣ выходили настоящими перлами искусства. Помню, какъ, отправляясь, бывало, съ нимъ въ походъ по деревнямъ, я часто по цѣлымъ часамъ не рѣшался вмѣшаться и прервать неисчерпаемый потокъ его блестящихъ импровизацій, и, забывъ про пропаганду, отдавался весь эстетическому наслажденію слушателя.

Красавцемъ Клеменса никакъ нельзя назвать. Скорѣй наоборотъ. Но лицо его—одно изъ тѣхъ, на которыя достаточно взглянуть разъ, чтобы оно навсегда осталось въ памяти. Верхняя его часть съ широкимъ лбомъ философа, съ живыми карими глазами, мягкими и вдумчивыми, въ которыхъ вспыхиваютъ по временамъ искры сдержаннаго смѣха, изобличаетъ въ немъ европейца въ полномъ смыслѣ этого слова. Но, по нижней части лица, его можно принять за калмыка, киргиза, башкира, за кого угодно, только не представителя кавказской расы. Не то, чтобы въ немъ было что-нибудь дикое и безобразное, нѣтъ: его ротъ, съ тонкими, точно выточенными губами, очень красивъ, а въ улыбкѣ его есть что-то невыразимо нѣжное и привлекательное. Что поражаетъ въ немъ съ перваго взгляда и придаетъ такой странный характеръ всей его физіономіи, это носъ, не поддающійся никакому описанію: широкій, слегка вздернутый на кончикѣ и до такой степени плоскій, что въ профиль онъ едва замѣтенъ;—истинная шутка природы.

* *
*

Если бы кто вздумалъ искать двухъ людей, которые представляли бы полнѣйшую противополож-

ность другъ другу, то ему можно бы указать Якова Стефановича и Дмитрія Клеменса.

Одинъ—это типъ искуснаго организатора; другой ни разу въ своей жизни не создалъ и не пытался создать ни одного кружка. Одинъ, вѣчно дѣятельный, вѣчно поглощенный широкими планами, былъ неразборчивъ въ средствахъ и не прочь бы былъ побрататься съ самимъ сатаною, если бы только это было ему полезно: другой, полный спокойной, ничѣмъ не омрачаемой преданности дѣлу соціализма, не признавалъ компромиссовъ и никогда не уклонялся отъ прямого пути въ виду соображеній непосредственной выгоды. Первый былъ способенъ повести за собою не только отдѣльныя личности, но и цѣлыя массы на дѣло, задуманное и рѣшенное имъ однимъ; другой никогда не пытался и не желалъ насиловать чужой воли. Это было ему просто противно, и если кто-нибудь самъ лѣзъ къ нему подъ ярмо, то такой человѣкъ становился ему невыносимъ.

Не смотря на это, я не знаю никого, кто имѣлъ бы такое вліяніе на окружающихъ, какъ Клеменсъ.

Часто одно его слово полагало конецъ самымъ ожесточеннымъ спорамъ, улаживало разногласія, казавшіяся непримиримыми. Это вліяніе, котораго онъ никогда не искалъ, которое рождалось, такъ сказать, само собой вездѣ, куда бы онъ ни появлялся, особенно обнаруживалось въ личныхъ отношеніяхъ. Я не встрѣчалъ человѣка, который возбуждалъ бы къ себѣ такую страстную привязанность, доходившую до обожанія, какъ Клеменсъ. Мнѣ случалось перечитывать нѣсколько писемъ къ нему отъ разныхъ лицъ. Не знай я, отъ кого они были и кому предназначались, я принялъ бы ихъ за любовныя посланія. И эта привязанность была вовсе не мимолетнымъ увлеченіемъ, какое способны внушать къ себѣ нѣкоторыя блестящія на-

туры. Такого человѣка, какъ онъ, нельзя забыть. Кто разъ его полюбитъ, того не охладитъ уже ни разстояніе, ни время.

Въ чемъ же тайна его единственной въ своемъ родѣ власти покорять человѣческія сердца? Тайна эта—въ глубинѣ и широтѣ его собственнаго любвеобильнаго сердца.

Нельзя сказать, чтобы онъ легко дружился съ людьми: напротивъ, подобно всѣмъ глубоко чувствующимъ натурамъ, онъ тугъ на сближеніе и очень неохотно открываетъ свою душу передъ постороннимъ. Онъ даже считаетъ себя холоднымъ, черствымъ, и чувства преданности, которыя онъ возбуждаетъ противъ своей воли, смущаютъ, угнетаютъ его; онъ считаетъ себя неспособнымъ отвѣчать на нихъ, и потому они ему кажутся точно чѣмъ-то украденнымъ, на что онъ не имѣетъ никакого права. Однако, ни одинъ изъ его многочисленныхъ друзей не сдѣлалъ бы ему подобнаго упрека.

Привязанность къ нему самому ничуть не вліяетъ на его отношеніе къ людямъ. Это—человѣкъ поистинѣ неподкупный. За-то онъ не пропуститъ ни одной симпатичной черты въ другомъ человѣкѣ и даже, съ свойственнымъ его натурѣ великодушіемъ, скорѣй преувеличитъ ея цѣну. Онъ не имѣетъ привычки смотрѣть на людей съ точки зрѣнія пользы, какую они могутъ принести партіи. Среди своихъ товарищей-конспираторовъ онъ остался человѣкомъ. Если онъ съ кѣмъ-нибудь сходится, то никогда не дѣлаетъ этого съ задней мыслью, подобно большинству заговорщиковъ, которые принуждены разсматривать людей, какъ возможныя полезности для дѣла. Поэтому каждый чувствуетъ себя съ нимъ легко и свободно; каждый готовъ отдать ему всю свою душу и слѣпо идти по первому его слову, увѣренный, что Кле-

менсъ всегда будетъ насторожѣ и первый предупредитъ въ случаѣ малѣйшей опасности...

И вздумай онъ послать кого-нибудь на самое опасное дѣло, всякій готовъ будетъ идти безъ минуты колебанія, такъ какъ, разъ это сказалъ Клеменсъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣло стоитъ риска: иначе онъ не послалъ-бы. Но, въ дѣйствительности, Клеменсъ никогда не пользовался этой властью. Самъ онъ охотно шелъ на всякій рискъ, но никогда не посылалъ въ опасность другого. Даже въ тѣхъ маловажныхъ случаяхъ, когда „нелегальный" въ сущности обязанъ обращаться къ помощи постороннихъ, такъ какъ онъ самъ рискуетъ головою, тогда какъ для человѣка легальнаго вся опасность ограничивается нѣсколькими днями ареста, даже тутъ онъ бралъ все на себя, не допуская, чтобы другой рисковалъ изъ-за него хоть однимъ волосомъ съ своей головы. Ни замѣчанія, ни даже упреки самыхъ близкихъ друзей не могли поколебать этой щепетильности и заставить его не играть такъ легко жизнью, столь дорогой для дѣла. Вотъ именно послѣдняго Клеменсъ ни за что не хотѣлъ признать. Онъ— воплощенная скромность, хотя вы не найдете въ немъ ни тѣни того униженнаго христіанскаго смиренія, завѣщаннаго намъ вѣками рабства и лицемѣрія, за которымъ часто скрывается самое необузданное самомнѣніе. Клеменсъ, напротивъ, человѣкъ независимый, гордый своимъ человѣческимъ достоинствомъ, и неспособный ни передъ кѣмъ гнуть голову. Въ немъ скромность является сама собой. Онъ искренно и рѣшительно не признаетъ за собой ни одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ свойствъ, которыя пріобрѣли ему столько поклонниковъ. Благодаря какой-то оптической иллюзіи, еще не нашедшей себѣ объясненія въ наукѣ, онъ видитъ всѣ эти достоинства не въ себѣ, а въ своихъ друзьяхъ.

II.

Дмитрій Клеменсъ родился на берегахъ Волги, гдѣ его отецъ былъ управляющимъ одного имѣнія, и все свое дѣтство провелъ среди первобытнаго пастушескаго населенія этихъ необъятныхъ степей, такъ прекрасно описанныхъ имъ въ одной изъ своихъ юношескихъ поэмъ.

Эта привольная жизнь на лонѣ дикой и величественной природы, придала его характеру тотъ поэтическій колоритъ и выработала въ немъ ту любовь къ опасности и приключеніямъ, которые остались у него и въ зрѣломъ возрастѣ. Впрочемъ, и его мужество носитъ тотъ же оригинальный отпечатокъ, какъ и пріемы пропаганды. Онъ любитъ опасность не какъ воинъ, находящій въ ней источникъ сильныхъ ощущеній, но скорѣе какъ артистъ, который спокойно наслаждается ею, особенно смѣшными ея сторонами. Повидимому, природа одарила его сердцемъ, физически неспособнымъ испытывать страхъ. Среди величайшей опасности Клеменсъ никогда не теряетъ самообладанія. Онъ остается совершенно хладнокровнымъ, смѣется и шутитъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Этимъ объясняется его необычайное присутствіе духа. Изъ самыхъ трудныхъ положеній онъ выпутывается съ изумительной находчивостью и подчасъ съ такимъ юморомъ, который ясно показываетъ, что онъ все время ни мало не думалъ объ опасности, а только забавлялся нѣкоторыми смѣшными положеніями и моментами. Не разъ ему случалось совершать большія неосторожности, не изъ тщеславія, котораго въ немъ нѣтъ и слѣда, а просто изъ любви къ шуткѣ.

Такъ, одинъ разъ, въ началѣ своей революціонной карьеры, скрываясь уже отъ полиціи, хотя и не перейдя еще на „нелегальное положеніе“, онъ лично отправился къ прокурору хлопотать объ освобожденіи на поруки Анатолія Сердюкова. Къ счастью,

прокуроръ, недавно назначенный на мѣсто, ничего на зналъ о немъ, а Клеменсъ говорилъ такъ убѣдительно, что ему обѣщали исполнить его просьбу. И если бы не какая-то перемѣна въ ходѣ слѣдствія по дѣлу Сердюкова, то мы имѣли бы забавный случай освобожденія политическаго заключеннаго подъ поручительство человѣка, который самъ скрывается отъ полиціи.

Подчасъ онъ придавалъ своимъ затѣямъ характеръ настоящей комической эпопеи, разрабатывая всѣ мельчайшія подробности, съ тщательностью истиннаго артиста. Для примѣра приведу одну изъ нихъ,—освобожденіе нѣкоего Тельсіева, слегка замѣшаннаго въ Нечаевскомъ дѣлѣ и сосланнаго административнымъ порядкомъ въ Петрозаводскъ.

Клеменсъ отправился туда съ подложными документами одного инженера, капитана Штурма, которому будто бы поручено произвести какія-то геологическія изслѣдованія въ Финляндіи. Тотчасъ по пріѣздѣ, онъ явился съ визитомъ къ губернатору, исправнику и прочимъ властямъ, подъ предлогомъ наведенія необходимыхъ справокъ, и, конечно, очаровалъ ихъ всѣхъ до единаго. Цѣлую недѣлю онъ прожилъ въ Петрозаводскѣ, выдѣлывая на удивленіе горожанъ всевозможныя ученыя штуки. Онъ сталъ притчею во языцѣхъ и любимцемъ мѣстныхъ обывателей, которые наперерывъ другъ передъ другомъ устраивали ему обѣды и вечера. Спокойно подготовивши, между тѣмъ, все для побѣга, онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ Тельсіевымъ, чтобы не подвергать его неудобствамъ путешествія въ одиночку. Совпаденіе было болѣе чѣмъ странное. И, не смотря на это, никому въ Петрозаводскѣ и въ голову не пришло, чтобы Клеменсъ былъ причемъ-нибудь въ этой исторіи: такъ превосходно разыгралъ онъ свою роль. Когда, годъ спустя, одинъ изъ его пріятелей проѣзжалъ че-

резъ городъ, исправникъ, между прочимъ, обратился къ нему съ вопросомъ, не знаетъ ли онъ нѣкоего капитана Штурма, и, разсказавши множество самыхъ удивительныхъ подробностей, относившихся къ пребыванію этого послѣдняго въ Петрозаводскѣ, прибавилъ:

„Прекрасный человѣкъ. Онъ обѣщалъ заѣхать къ намъ на обратномъ пути изъ Финляндіи, да что-то не видно его. Очень жаль. Вѣроятно, онъ предпочелъ вернуться моремъ“. Что бы онъ запѣлъ, если бы зналъ, кто такой былъ этотъ капитанъ Штурмъ?

* * *

Клеменсъ—одинъ изъ самыхъ сильныхъ умовъ, бывшихъ въ рядахъ русской революціонной партіи.

Не смотря на дѣятельное участіе въ движеніи и на всѣ превратности нелегальной жизни, онъ всегда держался на уровнѣ интеллектуальнаго прогресса Западной Европы и, хотя питалъ особенную склонность къ экономическимъ наукамъ, никогда не закапывался въ нихъ исключительно. Обладая жаждой знаній, онъ изучалъ все, не заботясь о томъ, сможетъ ли онъ извлечь изъ этого непосредственную пользу или нѣтъ.

Я помню, какъ увлекался онъ лекціями Гельмгольца, которыя посѣщалъ въ 1874 году, въ бытность свою въ Берлинѣ. Мнѣ стоило большихъ усилій отдѣлаться отъ его отчетовъ о нихъ, которыми онъ наполнялъ всѣ свои письма ко мнѣ въ Петербургъ.

Широта его взглядовъ нисколько не уступаетъ жаждѣ познаній.

Клеменсъ—вовсе не человѣкъ партіи. Глубоко убѣжденный соціалистъ, онъ отдалъ народному дѣлу все, что могъ: и свои знанія, и свой свѣтлый, проницательный умъ. Но онъ рѣшительно не-

годенъ для узкихъ рамокъ тайнаго общества. Партія, къ которой онъ принадлежалъ, никогда не могла стать для него родиной, семьей—однимъ словомъ, всѣмъ. Онъ постоянно жилъ особнякомъ. Въ немъ нѣтъ ни тѣни партійнаго самолюбія, которое является однимъ изъ самыхъ могущественныхъ стимуловъ, руководящихъ конспираторомъ. Онъ любитъ весь міръ и не упускаетъ ни одного случая принять участіе въ его жизни. Такъ онъ писалъ не только для подпольной прессы, но гораздо больше—для „легальныхъ" петербургскихъ журналовъ, въ которыхъ онъ сотрудничалъ подъ разными псевдонимами, и дѣлалъ это не только изъ желанія быть болѣе независимымъ и жить собственнымъ трудомъ, но еще и потому, что нуждался въ болѣе обширной аудиторіи, чѣмъ та, которую могла доставить ему подпольная литература.

Онъ всегда держался въ сторонѣ отъ „программныхъ" раздоровъ, такъ часто раздѣлявшихъ революціонную партію на непримиримо враждебные лагери. Полный вѣры въ принципы соціализма вообще, онъ относился въ высшей степени скептически къ различнымъ средствамъ, на которыя революціонеры смотрѣли въ разное время, какъ на универсальныя панацеи. Этотъ скептицизмъ парализовалъ, конечно, его силу въ подпольной борьбѣ, гдѣ, вслѣдствіе незначительности поля дѣйствія не можетъ быть особеннаго разнообразія въ средствахъ; и дѣйствительно, какъ конспираторъ, Клеменсъ не имѣлъ собственно никакого значенія. Благодаря своей неотразимой личной обаятельности, онъ привлекалъ массу приверженцевъ соціалистической партіи изъ среды всѣхъ классовъ общества, особенно же изъ молодежи. Но самъ онъ былъ совершенно не способенъ вести имъ привлеченныхъ людей къ какой-либо опредѣленной цѣли: это уже приходилось дѣлать другимъ.

Не скажу, чтобъ у него недоставало силы характера, которая дѣлаетъ человѣка властелиномъ воли другихъ. Одно уже магнетическое обаяніе его личности представляло неоспоримое доказательство присутствія въ немъ этой силы. Умѣлъ онъ также и настоять на своемъ, когда это было необходимо. Будучи свободенъ отъ всякаго самолюбія и тщеславія, онъ обладаетъ рѣдкимъ мужествомъ выступать противъ общепризнанныхъ взглядовъ, когда они кажутся ему неосновательными. Въ дѣлѣ Стефановича, которымъ одно время такъ увлекались даже въ Петербургѣ, онъ стоялъ одинъ въ оппозиціи съ мнѣніемъ цѣлой партіи. Но у него нѣтъ ни той исключительности, ни той душевной черствости, вытекающихъ изъ страстной вѣры, которыя необходимы, когда приходится вести людей почти на вѣрную гибель.

Такимъ образомъ, въ революціонномъ движеніи Клеменсъ не сдѣлалъ и сотой доли того, что могъ бы сдѣлать по своимъ природнымъ дарованіямъ.

Это—блестящій образчикъ мыслителя, со всѣми его достоинствами и недостатками.

Валеріанъ Осинскій.

I.

Осинскаго мнѣ довелось видѣть не много, потому что, непосѣдливый, какъ богатыри нашихъ былинъ, онъ носился по всей Россіи, особенно—по югу, гдѣ находились главныя революціонныя организаціи, съ которыми онъ былъ связанъ; я же безвыѣздно жилъ въ Петербургѣ. Здѣсь-то мнѣ и случилось встрѣтиться съ нимъ, когда онъ пріѣхалъ сюда однажды на нѣсколько дней, чтобы вскорѣ затѣмъ исчезнуть, подобно метеору, и въ этотъ разъ—ужъ навсегда. . .

Время было не особенно благопріятное для знакомства. Только что былъ убитъ среди бѣлаго дня, на одной изъ главныхъ площадей столицы, генералъ Мезенцевъ, и убійцы скрылись безслѣдно. Будучи первымъ фактомъ подобнаго рода, это событіе произвело очень сильное впечатлѣніе, какъ на общество, такъ и на правительство. Полиція перевернула вверхъ дномъ весь городъ. Обыскамъ не было конца, и на улицахъ людей хватали по малѣйшему подозрѣнію. Ходили слухи, быть можетъ, преувеличенные, будто въ теченіе первыхъ двухъ дней арестовано было до тысячи человѣкъ. Нашему брату, „нелегальному", было опасно показываться на улицу, и потому я принужденъ былъ подвергнуть себя „карантину"—одной изъ несноснѣйшихъ вещей, какія только приходится претерпѣвать русскому революціонеру. Поселившись у одного изъ нашихъ испытанныхъ друзей, который занималъ положеніе, ставившее его внѣ всякихъ подозрѣній, я долженъ былъ все время сидѣть въ четырехъ стѣнахъ, не показывая носа на улицу даже по вечерамъ. Скука была смертная. Я писалъ одну маленькую вещицу, а когда писать становилось не въ моготу, читалъ французскіе романы, чтобы хоть какъ-нибудь убить время. Изрѣдка меня навѣщали кое-какіе пріятели, тронутые моей печальной участью.

Однажды заходитъ Ольга Натансонъ и сообщаетъ мнѣ, что Валеріанъ Осинскій въ Петербурѣ. Я не зналъ его лично, но много слышалъ о немъ. Понятно, что мнѣ захотѣлось повидаться съ нимъ, тѣмъ болѣе, что это было для меня прекраснымъ предлогомъ нарушить мой домашній арестъ.

Въ сумерки я вышелъ изъ дому. Улицы были пусты, такъ какъ мой пріятель жилъ на окраинѣ города. Тѣмъ не менѣе, нельзя было пренебрегать никакими предосторожностями, и потому я направился въ сторону, противоположную той, куда мнѣ

нужно было идти. Покруживши не мало, я вышелъ, наконецъ, на одну изъ наиболѣе оживленныхъ улицъ. Первое, что мнѣ тамъ бросилось въ глаза, были отряды конныхъ казаковъ, вооруженныхъ пиками, и цѣлая стая шпіоновъ, попадавшихся буквально на каждомъ шагу. Они то стояли на мѣстѣ, то прохаживались взадъ и впередъ. Узнать ихъ было чрезвычайно легко. Ихъ натянутый видъ, наглые и вмѣстѣ испуганные взгляды которые они устремяли въ лицо каждому прохожему,—все это были безошибочные признаки для опытнаго глаза. Но это еще были профессіональные шпіоны. Шпіоны „временно исполняющіе“, выглядѣли гораздо комичнѣе. Это были просто переодѣтые солдаты. Они прогуливались небольшими партіями, и люди, привыкшіе къ строю, никакъ не могли ни стоять, ни ходить вразсыпную: нѣтъ-нѣтъ, да и выстроятся въ полувзводики. Одѣты они были очень забавно. Такъ какъ трудно было впопыхахъ добыть для нихъ различные костюмы, то цѣлые отряды были въ одинаковыхъ шапкахъ, одинаковыхъ пальто и брюкахъ. Иные понапяливали себѣ на носъ огромные синіе очки, надѣясь такимъ образомъ придать себѣ видъ студентовъ. Все это представляло зрѣлище до такой степени уморительное, что трудно было удержаться отъ смѣха.

Вдосталь налюбовавшись ими, я направился къ конспиративной квартирѣ нашего кружка. Проходя по сосѣдней улицѣ, я поднялъ глаза, чтобы удостовѣриться, выставленъ ли въ извѣстномъ окнѣ дамскій зонтикъ — знакъ, что все обстоитъ благополучно, такъ какъ при малѣйшей тревогѣ его должны были убрать. Зонтикъ оказался на мѣстѣ. Однако, зная, что жандармы, прослышавши объ употребленіи революціонерами сигналовъ, нерѣдко подвергали тщательному осмотру окна и послѣ ареста ставили все, что тамъ было, на

прежнее мѣсто, я не удовлетворился этимъ и пошелъ дальше. Опять покруживши немного, я добрался до одного мѣстечка, гдѣ былъ увѣренъ найти точныя указанія, надъ которыми полиція была не властна, если-бъ даже и пронюхала про наши хитрости. Мѣсто, куда я вошелъ, было то, куда, по народному выраженію, самъ царь пѣшкомъ ходитъ. Тамъ, въ заранѣе условленномъ уголкѣ, долженъ былъ находиться едва примѣтный значекъ, мѣнявшійся каждое утро, а въ особенно тревожное время и два раза въ день. Значекъ былъ на мѣстѣ и гласилъ, что опасности никакой нѣтъ. Всякое сомнѣніе у меня исчезло.

Однако, такъ какъ „справочное бюро“, какъ мы шутя называли этотъ пунктъ, было въ верстѣ разстоянія отъ конспиративной квартиры, и идя оттуда, можно было какъ-нибудь попасться на глаза шпіону, я рѣшилъ удостовѣриться по пути, что за мной не слѣдятъ. Навстрѣчу мнѣ шла незнакомая, очень красивая дама. Когда она поровнялась со мной, я сталъ пристально оглядывать ее, а когда она прошла, повернулся и посмотрѣлъ ей вслѣдъ. За мной не было ни души.

Въ это время я находился всего въ двухъ шагахъ отъ цѣли своего путешествія. Спокойно поднявшись по лѣстницѣ, я позвонилъ особеннымъ образомъ. Мнѣ отворили немедленно.

Комната была полна народу. На простомъ деревянномъ столѣ стояло нѣсколько бутылокъ пива и двѣ тарелки: одна—съ ветчиной, другая съ копченой рыбой. Значитъ, я попалъ кстати. Это была одна изъ маленькихъ пирушекъ, которыя «нигилисты» позволяютъ себѣ изрѣдка въ видѣ отдыха отъ нервнаго напряженія, въ которомъ они принуждены жить постоянно.

На этотъ разъ праздникъ былъ устроенъ по случаю пріѣзда Осинскаго. Его самого, однако, тамъ еще не было.

Компанія была въ превосходномъ настроеніи, и меня встрѣтили самымъ дружелюбнымъ образомъ, не смотря на мое самовольное нарушеніе „карантина“. Я всегда очень любилъ эти „пирушки“, веселѣе и оживленнѣе которыхъ трудно себѣ что-нибудь представить. Всѣ собравшіеся здѣсь были люди нелегальные, за которыми числилось не мало всякихъ „грѣховъ“. Каждый имѣлъ на поясѣ кинжалъ и заряженный револьверъ и былъ готовъ, въ случаѣ внезапнаго нападенія, защищаться до послѣдней капли крови. Но, привыкши жить постоянно подъ Дамокловымъ мечомъ, они въ концѣ концовъ переставали думать объ опасности. А быть можетъ, что эта опасность именно и придавала ихъ веселью такой безшабашно-удалой характеръ. Всюду слышался смѣхъ, громкій говоръ, шутки. А по угламъ расположились пары, тихо бесѣдовавшія между собой: то были пріятели, предававшіеся душевнымъ изліяніямъ,—другая неизбѣжная принадлежность этихъ пирушекъ. Отъ времени до времени можно было видѣть традиціонную церемонію нѣмецкаго брудершафта. Эта потребность дать волю чувству, столь естественной среди людей, связанныхъ общностью стремленій, идей и опасностей тѣснѣе, чѣмъ узами крови, придавала этимъ рѣдкимъ собраніямъ необыкновенно поэтическій и задушевный характеръ.

II.

Я спросилъ объ Осинскомъ. Мнѣ сказали, что онъ забѣжалъ къ одному пріятелю, но скоро долженъ возвратиться.

Дѣйствительно, спустя около получаса, онъ вошелъ въ комнату, держа въ рукѣ, обтянутой въ элегантную черную перчатку, форменную межевую фуражку, которую носилъ для вящшей внушительности.

Я подошелъ, пожалъ ему руку и долго дер-

жалъ ее въ своей, не будучи въ состоянiи оторвать отъ него глазъ.

Онъ былъ прекрасенъ, какъ солнце:—стройный, пропорцiонально-сложенный, крѣпкiй и гибкiй, какъ дамаскiй клинокъ. Его бѣлокурая, нѣсколько откинутая назадъ голова грацiозно держалась на изящной, нервной шеѣ. Высокiй мраморный лобъ съ тонкими голубоватыми жилками былъ слегка сжатъ на вискахъ. Правильный, точно изваянный рѣзцомъ скульптора носъ, придавалъ его красотѣ тотъ классическiй характеръ, который такъ рѣдко встрѣчается въ Россiи. Небольшiе свѣтлорусые усы и бородка оттѣняли красивый, выразительный страстный ротъ. И это чудное лицо освѣщалось парой большихъ голубыхъ глазъ, полныхъ огня и юношеской отваги.

Осинскiй прiѣхалъ изъ Кiева, города, въ который онъ былъ положительно влюбленъ, но проѣздомъ успѣлъ побывать во всѣхъ главныхъ городахъ южной Россiи и повидаться съ представителями мѣстныхъ организацiй. Такимъ образомъ, онъ привезъ намъ самыя свѣжiя новости обо всемъ, что тамъ дѣлалось.

Онъ былъ въ восторгѣ отъ громадныхъ успѣховъ терроризма за послѣднее время и, увлекаемый своимъ пылкимъ воображенiемъ, предсказывалъ неисчислимыя послѣдствiя такого оборота дѣлъ. Я не вполнѣ раздѣлялъ его оптимизмъ, но, когда онъ говорилъ, нельзя было не поддаваться чарующему влiянiю его краснорѣчiя.

Онъ не былъ ораторомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова, но рѣчь его обладала той силой убѣдительности, которая является результатомъ глубокой вѣры. Онъ весь былъ проникнутъ тѣмъ энтузiазмомъ, который невольно заражаетъ и сообщается слушателямъ. Тонъ его голоса, выраженiе лица покоряли васъ менѣе, чѣмъ самыя слова. Онъ владѣлъ великимъ даромъ обращать своихъ слушателей изъ противниковъ въ союзниковъ, кото-

рые сами старались убѣдить себя въ вѣрности его доводовъ, чтобы только имѣть возможность согласиться съ нимъ.

Слушая его, я понялъ, сколько правды было въ разсказахъ, ходившихъ на его счетъ.

На слѣдующій день Осинскій зашелъ ко мнѣ. Три или четыре дня спустя я снова покинулъ мое логовище и отправился на нашу конспиративную квартиру, но нашелъ тамъ только прощальную записку отъ Осинскаго, уѣхавшаго наканунѣ вечеромъ въ Одессу.

Больше я его не видѣлъ.

Весною 1879 онъ былъ арестованъ въ Кіевѣ, а 5-го мая того-же года уже происходилъ судъ. Осинскій былъ приговоренъ къ смерти, хотя обвиненіе не могло выставить противъ него ничего маломальски серьезнаго, а онъ былъ осужденъ только за то, что во время ареста прикоснулся къ своему револьверу, не успѣвши даже вынуть его изъ кобуры. Но правительство знало хорошо, что оно держитъ въ рукахъ одного изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ террористической партіи, и этого было вполнѣ достаточно, чтобы продиктовать суду вышеозначенный приговоръ.

Осинскій выслушалъ его, не дрогнувъ, какъ подобаетъ истинному бойцу.

Въ теченіе всѣхъ десяти дней, которые протекли между судомъ и казнью, онъ оставался совершенно спокойнымъ, даже веселымъ. Онъ ободрялъ своихъ друзей и ни на мигъ не измѣнилъ себѣ. Когда къ нему на свиданіе пришли мать съ сестрой, онъ, зная, что приговоръ уже утвержденъ, сказалъ имъ, что смертная казнь отмѣнена; но тутъ-же шопотомъ сообщилъ сестрѣ, шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, что, вѣроятно, завтра ему предстоитъ умереть, и просилъ ее приготовить мать къ этой тяжелой вѣсти. Наканунѣ казни онъ написалъ друзьямъ длинное письмо, которое можно назвать его политическимъ завѣщаніемъ. Онъ мало рас-

пространяется въ немъ о себѣ самомъ и своихъ чувствахъ. Поглощенный дѣломъ партіи, онъ разсуждаетъ о пріемахъ борьбы, которые, по его мнѣнію, слѣдовало бы усвоить, и предостерегаетъ отъ повторенія старыхъ ошибокъ.

Утромъ 14-го мая его повели на казнь вмѣстѣ съ двумя товарищами, Антоновымъ и Брантнеромъ. Изъ утонченной жестокости ему не завязали глазъ, и онъ принужденъ былъ смотрѣть на предсмертныя судороги своихъ друзей на висѣлицѣ, на которую чрезъ нѣсколько мгновеній ему предстояло самому взойти. Это ужасное зрѣлище произвело такое потрясающее впечатлѣніе на его физическую природу, надъ которой воля человѣка безсильна, что голова Валеріана въ пять минутъ побѣлѣла, какъ снѣгъ. Но его душевная сила осталась непоколебленной. Подлые жандармы подбѣжали къ нему въ этотъ моментъ, спрашивая, не хочетъ ли онъ просить о помилованіи. Валеріанъ прогналъ ихъ съ негодованіемъ, и, отказавшись отъ помощи палача, твердымъ шагомъ поднялся по ступенямъ эшафота. Къ нему подошелъ священникъ съ распятіемъ. Энергическимъ жестомъ Осинскій далъ понять, что такъ же мало признаетъ небеснаго царя, какъ и царей земныхъ. По приказанію начальства военный оркестръ заигралъ „Камаринскую“.

Черезъ нѣсколько мгновеній Валеріана Осинскаго не стало.

III.

Осинскій былъ богато одаренъ всѣми качествами, которыя даютъ человѣку власть управлять событіями. Онъ не былъ организаторомъ. Темпераментъ его былъ слишкомъ пылкимъ для мелочной, кропотливой работы этого рода. Всѣ силы его ума были сконцентрированы въ каждую данную минуту на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, который ему указывался его почти безошибочнымъ революрево-

ціоннымъ инстиктомъ. Онъ всегда былъ въ числѣ провозвѣстниковъ тѣхъ течеиій, которыя проявлялись въ полной силѣ иногда только годы спустя. Такъ, въ 1878 году, когда терроризмъ былъ еще въ зародышѣ, Осинскій былъ уже сторонникомъ цареубійства и введенія въ революціонную программу опредѣленнаго и ясно выраженнаго требованія политическихъ реформъ.

Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова человѣкомъ дѣла. Пока продолжалось пропагандистское движеніе, онъ держался въ сторонѣ. Только съ зимы 1877 года, когда слова начали уступать мѣсто револьверу и кинжалу, примкнулъ онъ къ движенію, отдавшись ему всецѣло, до конца. Онъ обладалъ одной изъ величайшихъ силъ, какими природа надѣляетъ человѣка,—вѣрой, той вѣрой, которая, по евангельскому изреченію, двигаетъ горами.

И эту вѣру онъ умѣлъ вселить въ каждаго, кто съ нимъ сталкивался. Поэтому онъ естественно становился душой всѣхъ предпріятій, въ которыхъ принималъ участіе. А при его необычайной энергіи, едва ли было хоть одно мало-мальски серьезное революціонное дѣло на югѣ Россіи, къ которому бы онъ ни примкнулъ. Никто не падалъ духомъ, когда Осинскій былъ съ нимъ, такъ какъ онъ воодушевлялъ каждаго своей восторженной, непоколебимой вѣрой и собственнымъ примѣромъ. Онъ всегда первымъ бросался въ самый пылъ борьбы, беря на себя наиболѣе опасныя роли. Его храбрость доходила до безумія.

Разъ какъ-то, будучи еще только одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ услыхалъ, что въ домъ ихъ сосѣда ворвалась шайка извѣстныхъ разбойниковъ; никого изъ его родныхъ не было; тогда, не долго думая, онъ схватилъ со стѣны отцовское ружье и бросился на помощь къ сосѣду. Къ счастью, слухъ оказался невѣрнымъ, и мальчикъ благопо-

лучно вернулся домой. Этотъ маленькій эпизодъ даетъ нѣкоторое представленіе о мужествѣ будущаго террориста. Чтобы составить себѣ понятіе о его рыцарскомъ характерѣ, достаточно прибавить, что вышеупомянутый сосѣдъ былъ смертельнымъ врагомъ всего семейства Осинскихъ.

Какъ доказательство неотразимой обаятельности его слова, я приведу только одинъ фактъ, хоть и не изъ особенно крупныхъ, тѣмъ не менѣе довольно характерный: Осинскій славился умѣньемъ собирать деньги. Революціонная партія, особенно послѣ того, какъ терроризмъ вошелъ въ систему, стала нуждаться въ большихъ средствахъ, и находить ихъ всегда было въ высшей степени трудно. И вотъ тутъ-то немногіе могли соперничать съ Валеріаномъ Осинскимъ. Его подвиги на этомъ поприщѣ сдѣлались предметомъ общихъ толковъ: такъ они были поразительны. Какой-нибудь богачъ съ инстинктами кулака, или старая барыня-скряга, у которой денегъ куры не клюютъ, готовы изливаться передъ вами, сколько угодно, въ выраженіяхъ своего сочувствія революціонерамъ. Но чуть только дѣло коснется ихъ кошелька,—картина немедленно мѣняется, и тутъ они способны привести въ отчаяніе каждаго, кто пытался бы заставить ихъ проявить болѣе существеннымъ образомъ свои великодушныя чувства. Самымъ умѣлымъ людямъ не удавалась получить отъ подобныхъ господъ больше какихъ-нибудь десяти или двадцати рублей, да и то еще—слава Богу.

Но разъ на сцену появлялся Валеріанъ Осинскій, то и нашъ кулакъ, и старая скряга со вздохомъ открывали свои кошельки и, вытащивъ оттуда пять, десять тысячъ рублей, а иногда и больше,—вручали ихъ этому очаровательному молодому человѣку, котораго доводы такъ убѣдительны, внѣшность такъ привлекательна и манеры такъ обворожительны и изящны.

Въ Осинскомъ не было и слѣда чего-нибудь педантическаго, напоминающаго моралиста или проповѣдника. Это былъ воинъ съ мужественнымъ сердцемъ и сильной рукой. Онъ любилъ опасность, такъ какъ чувствовалъ себя тамъ въ своей стихіи. Борьба воспламеняла его своимъ лихорадочнымъ возбужденіемъ.

Онъ любилъ славу. Онъ любилъ женщинъ,— и былъ любимъ ими.

Петръ Кропоткинъ.

I.

Въ заграничной печати Кропоткина до сихъ поръ продолжаютъ иногда называть главою и руководителемъ русскаго революціоннаго движенія. Одно время такое представленіе было всеобщимъ. Обыкновенная публика, черпающая свои понятія о заговорахъ изъ лубочныхъ романовъ, не можетъ вообразить себя заговорщическаго движенія безъ подпольнаго диктатора, и, не зная никого изъ людей, дѣйствующихъ въ Россіи, естественно хватается за первое выдающееся имя,—конечно, среди эмигрантовъ.

Русскимъ читателямъ едва ли нужно объяснять, что все это бабьи сказки, и что ни одинъ изъ эмигрантовъ не былъ и не можетъ быть руководителемъ русскаго движенія.

Все, что эмиграція можетъ сдѣлать для Россіи, это—создать заграничную литературу. Одно время эта роль была выполняема, можно сказать, блистательно. Будемъ надѣяться, что и въ будущемъ эмиграція окажется въ силахъ быть снова полезной въ этомъ направленіи.

Что же касается до практическаго руководительства, то объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Оставляя въ сторонѣ всѣ прочія соображенія, до-

статочно вспомнить, что нужна по меньшей мѣрѣ недѣля, чтобы обмѣняться письмомъ съ Петербургомъ, изъ тѣхъ немногихъ странъ, куда раболѣпіе и низкое своекорыстіе не закрыло доступа русскому политическому изгнаннику.

Предположимъ на минуту, что какой-нибудь генералъ пожелалъ бы управлять военными дѣйствіями, происходящими въ Турціи, оставаясь самъ въ Петербургѣ. Что бы подумалъ о немъ каждый здравомыслящій человѣкъ? А вѣдь нашъ генералъ имѣлъ бы въ данномъ случаѣ громадное преимущество, такъ какъ въ его распоряженіи телеграфъ, тогда какъ революціонеру приходится довольствоваться невыносимо-медленной почтой, да и то не своей, а правительственной, рискуя каждый разъ, что письмо попадется и провалитъ, если не все дѣло, то по меньшей мѣрѣ адресата.

Какія же распоряженія можно дѣлать при подобныхъ условіяхъ? У кого хватитъ для этого самоувѣренности? Кто будетъ настолько легкомысленъ, чтобы обращаться за такими распоряженіями? Заграница для эмигранта—это мѣсто отдохновенія, дальній островокъ, куда устремляется, тотъ, чья лодочка разбита или помята разбушевавшимися волнами. Пока онъ не наладитъ ее снова и не направитъ къ роднымъ берегамъ, практическое дѣло для него не мыслимо. Ему не остается ничего, какъ стоять съ скрещенными на груди руками, съ тоской устремляя свои взоры вдаль, къ странѣ, гдѣ его товарищи борются и умираютъ, между тѣмъ какъ онъ, печальный и одинокій, задыхается въ своемъ невольномъ бездѣйствіи, вѣчный гость на пиру кипящей вокругъ, но чуждой ему жизни.

II.

Кропоткинъ—одинъ изъ старѣйшихъ эмигрантовъ, такъ какъ онъ покинулъ Россію въ 1876 году и больше туда не возвращался.

Но его участіе въ первыхъ пропагандистскихъ кружкахъ оставило сильный слѣдъ въ ихъ программахъ, и его личность всегда была одной изъ наиболѣе яркихъ и выдающихся въ нашей партіи.

Онъ принадлежитъ къ высшей русской аристократіи: фамилія князей Кропоткиныхъ — одна изъ немногихъ, происходящихъ по прямой линіи отъ Рюриковичей, и потому въ кружкѣ Чайковцевъ, котораго Кропоткинъ былъ членомъ, ему говаривали, бывало, шутя, что онъ имѣетъ больше правъ на россійскій престолъ, чѣмъ нынѣшніе Романовы, которые, въ сущности, чистокровные нѣмцы.

Воспитаніе свое Кропоткинъ получилъ въ пажескомъ корпусѣ, куда принимаются только дѣти придворной аристократіи. Въ 1861 году онъ съ отличіемъ окончилъ курсъ, но движимый любовью къ наукѣ, не остался при дворѣ, а отправился въ Сибирь, съ цѣлью геологическихъ изслѣдованій. Тамъ онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ, принимая участіе въ разныхъ научныхъ экспедиціяхъ, гдѣ и пріобрѣлъ тотъ обширный запасъ свѣдѣній, которыми потомъ воспользовался при своихъ работахъ въ сотрудничествѣ съ Элизе Реклю. Побывалъ онъ также въ Китаѣ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ былъ избранъ членомъ, а потомъ — секретаремъ Географическаго Общества, написалъ нѣсколько сочиненій, высоко оцѣненныхъ людьми науки, и, наконецъ, началъ большую работу о финляндскихъ ледникахъ, которую, по ходатайству Географическаго общества, ему позволено было окончить въ крѣпости. Не имѣя возможности совершенно избѣгнуть службы при дворѣ, онъ былъ

зачисленъ камерпажемъ императрицы и получилъ нѣсколько орденовъ.

Въ 1871 или началѣ 1872 года Кропоткинъ отправился за границу. Онъ посѣтилъ Бельгію и Швейцарію, гдѣ „Интернаціоналъ" достигъ въ то время высшей степени своего могущества. Тутъ его міровозрѣніе, бывшее всегда очень радикальнымъ, получило окончательную формулировку. Онъ примкнулъ къ „Интернаціоналу", принявши идеи его крайней, такъ называемой анархической фракціи, горячимъ защитникомъ которыхъ онъ остался навсегда.

По возвращеніи на родину, Кропоткинъ вошелъ въ сношенія съ кружкомъ Чайковцевъ, проникнутымъ тѣми же идеями, и въ 1872 году былъ предложенъ и принятъ единодушно въ его члены. Ему было поручено выработать программу партіи и планъ организаціи. Документы эти найдены были впослѣдствіи между его бумагами. Зимой 1872 года онъ началъ читать, разумѣется, тайнымъ образомъ, лекціи по исторіи „Интернаціонала", бывшія просто развитіемъ принциповъ революціоннаго соціализма на основаніи народныхъ движеній новѣйшаго времени. Эти лекціи соединяли, съ серьезной мыслью необыкновенную ясность и простоту изложенія. Рабочіе Александро-Невской части слушали ихъ съ величайшимъ интересомъ. Понятно, объ этихъ лекціяхъ пошли разговоры, по сосѣднимъ мастерскимъ. Вскорѣ слухи о нихъ достигли и до полиціи, которая рѣшила во что бы то ни стало разыскать пресловутаго Бородина (подъ этой фамиліей Кропоткинъ былъ извѣстенъ своимъ слушателямъ). Однако, долгое время всѣ ея старанія оказались тщетными. Лекціи были кончены, и Кропоткинъ вовсе не показывался въ домѣ, за которымъ слѣдили, готовясь отправляться „въ народъ", подъ видомъ странствующаго „богомаза", т. е. иконописца.

Жандармамъ удалось, однако, подкупить одного изъ рабочихъ, который сталъ шататься день за днемъ по всѣмъ главнымъ улицамъ Петербурга, надѣясь рано или поздно столкнуться гдѣ-нибудь съ Бородинымъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ повстрѣчалъ Кропоткина въ Гостиномъ Дворѣ и указалъ на него полиціи. Кропоткинъ былъ арестованъ. Вначалѣ онъ отказывался сообщить свое настоящее имя, но долго скрывать его оказалось невозможнымъ. Черезъ нѣсколько время хозяйка дома, въ которомъ онъ нанималъ комнату, заявила полиціи, что одинъ изъ ея жильцовъ, князь Петръ Кропоткинъ, въ такой-то день исчезъ. На очной ставкѣ съ Бородинымъ она признала въ немъ своего жильца, и Кропоткину ничего не оставалось, какъ подтвердить ея показаніе.

Великъ былъ переполохъ, произведенный при дворѣ извѣстіемъ объ арестѣ такой важной особы. Самъ царь долго не могъ забыть объ этомъ. Годъ или два спустя, при проѣздѣ черезъ Харьковъ, гдѣ губернаторствовалъ двоюродный братъ Петра, — Алексѣй Кропоткинъ (убитый въ 1879 году), онъ обошелся съ нимъ чрезвычайно холодно и, наконецъ, грубо спросилъ, правда ли, что Петръ его родственникъ?

Цѣлыхъ три года Кропоткинъ просидѣлъ въ казематахъ Петропавловской крѣпости. Въ началѣ 1876 г., по распоряженію доктора, онъ былъ переведенъ въ Николаевскій госпиталь, такъ какъ тюрьма настолько подорвала его здоровье, что онъ не могъ ни ѣсть, ни двигаться. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, однако, онъ совершенно поправился, но дѣлалъ все, что могъ, чтобы скрыть это. Онъ еле передвигалъ ногами, говорилъ глухимъ голосомъ, точно вотъ-вотъ отдастъ Богу душу. Дѣло въ томъ, что изъ письма, переданнаго его друзьями, Кропоткинъ узналъ, что готовилась попытка устроить

ему побѣгъ, а такъ какъ надзоръ въ госпиталѣ былъ гораздо слабѣе, чѣмъ въ крѣпости, то для него было очень важно остаться тамъ по возможности дольше.

Въ іюлѣ 1876 года побѣгъ былъ удачно совершенъ, по плану, придуманному самимъ Кропоткинымъ. Но объ этомъ предпріятіи, представляющемъ такое замѣчательное соединеніе самой тонкой разсчетливости съ необычайной смѣлостью, я разскажу отдѣльно, въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ.

III.

Нѣсколько недѣль спустя, Кропоткинъ былъ уже за границей.

Съ этой поры начинается для него настоящая революціонная дѣятельность. Хотя она не связана собственно съ русскимъ движеніемъ, будучи посвящена исключительно западно-европейскому соціализму, тѣмъ не менѣе является, быть можетъ, единственной почвой, на которой могли обнаружиться въ настоящемъ свѣтѣ его замѣчательныя политическія дарованія. Кропоткинъ рожденъ для дѣятельности на широкомъ поприщѣ, а не въ подпольныхъ сферахъ тайныхъ обществъ. У него нѣтъ той гибкости и умѣнья приспособляться къ условіямъ момента и требованіямъ практической жизни, которыя такъ необходимы заговорщику. Онъ—страстный искатель истины, умственный вождь, а не человѣкъ дѣйствія. Онъ стремится къ торжеству извѣстныхъ идей, а не къ достиженію какой-нибудь практической цѣли, пользуясь тѣмъ, что имѣется подъ рукою. Въ убѣжденіяхъ своихъ онъ непреклоненъ и исключителенъ.

Онъ не допускаетъ ни малѣйшаго уклоненія отъ ультра-анархической программы, и потому никогда не находилъ возможнымъ сотрудничать въ

какомъ бы то ни было русскомъ революціонномъ журналѣ, какъ изъ издававшихся въ тайныхъ русскихъ типографіяхъ, такъ и заграничныхъ. Всегда отыскивался какой-нибудь пунктъ, съ которымъ онъ не могъ согласиться. Люди съ такимъ преобладаніемъ теоріи рѣдко становятся вожаками партій, дѣятельность которыхъ основана на заговорѣ. Заговоръ въ широкомъ революціонномъ движеніи—это то же, что партизанство въ обыкновенной войнѣ. Людей не много, и потому нужно умѣть извлекать изъ нихъ все возможное; почва для дѣятельности ограничена, а потому необходимо умѣть приспособляться къ ней; и хорошій партизанъ всегда долженъ умѣть пользоваться и людьми, и минутными обстоятельствами. Для Кропоткина же естественной стихіей является война настоящая, большая, а не маленькая, партизанская. Это—одинъ изъ тѣхъ людей, которые при благопріятныхъ условіяхъ становятся основателями широкихъ общественныхъ движеній.

Онъ—замѣчательный агитаторъ. Одаренный отъ природы пылкой, убѣдительной рѣчью, онъ весь превращается въ страсть, лишь только всходитъ на трибуну. Подобно всѣмъ истиннымъ ораторамъ, онъ возбуждается при видѣ слушающей его толпы. Тутъ онъ совершенно преображается. Онъ весь дрожитъ отъ волненія; голосъ его звучитъ тономъ глубокаго, искренняго убѣжденія человѣка, который вкладываетъ всю свою душу въ то, что говоритъ. Рѣчи его производятъ громадное впечатлѣніе, благодаря именно силѣ его воодушевленія, которое сообщается другимъ и электризуетъ слушателей. Когда по окончаніи рѣчи, блѣдный и взволнованный, Кропоткинъ сходитъ съ трибуны, вся зала гремитъ рукоплесканіями.

Онъ блестящій спорщикъ, и тягаться съ нимъ тутъ очень трудно. Будучи прекрасно знакомъ съ исторіей, особенно со всѣмъ, что касается народ-

ныхъ движеній, онъ искусно пользуется богатымъ запасомъ знаній и для подкрѣпленія своихъ мыслей оригинальными и неожиданными примѣрами и аналогіями, что сильно способствуетъ убѣдительности и ясности его доводовъ.

За исключеніемъ своихъ научныхъ трудовъ, онъ не написалъ ни одного значительнаго сочиненія. Двѣ прекрасныя книги по соціальному вопросу, изданныя имъ въ послѣдніе годы, не болѣе, какъ сборники отдѣльныхъ частей. Онъ превосходный публицистъ, горячій, остроумный, задорный. Даже въ своихъ сочиненіяхъ онъ остается агитаторомъ.

Кропоткинъ — одинъ изъ самыхъ искреннихъ и прямодушныхъ людей, которыхъ мнѣ когда-либо приходилось встрѣчать. Онъ всегда говоритъ правду въ глаза, — со всей деликатностью добраго и мягкаго человѣка, но безъ малѣйшаго снисхожденія къ мелкому самолюбію слушателя. Это безусловное прямодушіе — самая разительная и симпатичная черта его характера. Вы смѣло можете полагаться на каждое его слово. Искренность его такова, что, когда въ пылу спора ему приходитъ вдругъ въ голову какое-нибудь совершенно новое соображеніе, заставляющее его призадуматься, онъ немедленно умолкаетъ, остается нѣсколько мгновеній погруженнымъ въ себя, затѣмъ начинаетъ думать вслухъ, какъ бы становясь на точку зрѣнія противника. Въ другихъ случаяхъ онъ мысленно перебираетъ всѣ приведенные во время спора аргументы и, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, обращаясь къ своему изумленному собесѣднику, произноситъ съ улыбкой: „Да, вы правы“.

Дмитрій Лизогубъ.

I.

Однажды. въ декабрѣ 1896 года, мнѣ пришлось присутствовать на одной изъ студенческихъ сходокъ, которыя никогда не переводятся въ Петербургѣ.

Сходка была не изъ многолюдныхъ и не отличалась особенною живостью. Дебатировался такъ часто возникающій и всегда ни къ чему не приводящій проектъ о соединеніи всѣхъ кружковъ, существовавшихъ въ средѣ молодежи, въ одну общую организацію. Дѣло было ясно неосуществимо въ виду разношерстности этихъ кружковъ, и проектъ можно было считать съ самаго начала мертворожденнымъ. Повидимому, и сами иниціаторы сходки на-половину понимали это, и потому споры велись вяло, скучно, точно черезъ силу.

Но среди присутствующихъ былъ одинъ, которому удавалось и оживить сонное собраніе, и привлечь его вниманіе каждый разъ, какъ онъ вставлялъ въ однообразные дебаты какое-нибудь свое маленькое замѣчаніе, почти всегда мѣткое и и слегка шутливое. Это былъ блондинъ, высокаго роста, блѣдный и нѣсколько худощавый. Длинная борода придавала ему видъ апостола. Лицо его не было въ строгомъ смыслѣ красивымъ, но трудно себѣ представить что-нибудь пріятнѣе выраженія его добрыхъ голубыхъ глазъ, отѣненныхъ длинными рѣсницами, и нѣжнѣе его дѣтской улыбки. Его ровный, протяжный голосъ ласкалъ слухъ, подобно низкимъ симпатичнымъ нотамъ пѣсни, и проникалъ въ самую душу.

Онъ былъ очень бѣдно одѣтъ. Хотя на дворѣ стояла настоящая русская зима, на немъ былъ парусинковый пиджакъ съ большими деревянными пуговицами, который отъ частаго мытья успѣлъ уже превратиться въ тряпку. Поношенный черный

жилетъ закрывалъ его грудь до самой шеи; и всякій разъ, когда онъ подымался, чтобы произнести свои нѣсколько словъ, можно было замѣтить, что панталоны его не по сезону свѣтлы.

Когда, по окончаніи собранія, публика стала расходиться, удаляясь группами по три-четыре человѣка изъ предосторожности, какъ это всегда дѣлается въ Россіи въ подобныхъ случаяхъ, мнѣ съ однимъ пріятелемъ пришлось выйти въ одно время съ нашимъ незнакомцемъ. Тутъ я увидѣлъ, что весь его верхній костюмъ состоялъ изъ легкаго пальто, стараго краснаго шарфа и кожаной фуражки. Онъ не носилъ даже столь обычнаго у нигилистовъ пледа, не смотря на то, что въ этотъ вечеръ морозъ доходилъ до двадцати градусовъ. Распрощавшись съ моимъ пріятелемъ, съ которымъ былъ, повидимому, немного знакомъ, онъ быстро пошелъ, почти побѣжалъ по улицѣ, чтобы немного согрѣться скорой ходьбой. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ скрылся изъ виду.

— Кто это такой?—спросилъ я своего спутника.

— Дмитрій Лизогубъ,—былъ отвѣтъ.

— Лизогубъ? черниговскій?

— Да, черниговскій.

Невольно я посмотрѣлъ еще разъ по направленію, въ которомъ исчезъ этотъ человѣкъ.

Дмитрій Лизогубъ былъ милліонеръ, владѣлецъ громаднаго имѣнія, состоявшаго изъ усадьбы, земель, лѣсовъ, въ одной изъ лучшихъ губерній Россіи. Не смотря на это, онъ жилъ бѣднѣе послѣдняго изъ своихъ приказчиковъ, потому что все, что у него было, онъ отдавалъ на революцію.

II.

Года черезъ два мы встрѣтились снова въ Петербургѣ уже какъ члены одной организаціи, въ которыхъ люди сходятся и узнаютъ другъ друга такъ же хорошо, какъ если-бы они были членами одной семьи.

Было бы слишкомъ мало назвать Лизогуба чистѣйшимъ изъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ. Скажу смѣло, что во всей партіи не было и не могло быть человѣка, равнаго ему по совершенно идеальной нравственной красотѣ.

Отреченіе отъ громаднаго состоянія на пользу дѣла было далеко не высшимъ изъ проявленій его подвижничества. Многіе изъ революціонеровъ отдавали свое имущество на дѣло, но другого Дмитрія Лизогуба между ними не было. Подъ внѣшностью спокойной и ясной, какъ безоблачное небо, въ немъ скрывалась душа, полная огня и энтузіазма. Для него убѣжденія были религіей, которой онъ посвящалъ не только всю свою жизнь, но, что гораздо труднѣе, каждое помышленіе: — онъ ни о чемъ не думалъ кромѣ служенія дѣлу. Семьи у него не было. Ни разу въ жизни онъ не испыталъ любви къ женщинѣ. Его бережливость доходила до того, что друзья принуждены бывали заботиться, какъ бы онъ не заболѣлъ отъ чрезмѣрныхъ лишеній. На всѣ ихъ замѣчанія по этому поводу, онъ отвѣчалъ обыкновенно, какъ-бы предчувствуя свою преждевременную кончину:—Мнѣ все равно не долго жить.

И онъ не ошибся.

Его рѣшимость не тратить ни копейки изъ денегъ, которыя могли пригодиться на дѣло, доходила до того, что онъ никогда не позволялъ себѣ проѣхаться на конкѣ, не говоря уже объ извозчикѣ. Помню, какъ однажды онъ показалъ намъ два предмета, составлявшіе принадлежность его параднаго костюма,—складной цилиндръ и перчатки.

Онъ пріобрѣлъ ихъ во время óно, когда, благодаря своему положенію, долженъ былъ сдѣлать визитъ черниговскому губернатору или кому-то въ этомъ родѣ. Перчатки были нѣжнаго пепельнаго цвѣта и казались новешенькими. Онъ сообщилъ намъ, однако, что онѣ у него уже три года, и, улыбаясь, объяснилъ маленькую хитрость, къ которой онъ прибѣгалъ, чтобы сохранить ихъ въ такомъ видѣ: онъ надѣвалъ ихъ только на порогѣ пріемныхъ залъ или кабинетовъ, куда ему нужно было изрѣдка являться. Что касается цилиндра, то тутъ дѣло было сложнѣе, такъ какъ уже съ годъ тому назадъ пружина поломалась, а онъ все не могъ собраться отдать ее въ починку. Всякій разъ онъ находилъ, что необходимый на это двугривенный можно употребить производительнѣе. Однако, для поддержанія своего достоинства, онъ всегда входилъ въ гостиную не иначе, какъ съ этой самой шляпой подъ мышкой, между тѣмъ какъ у него въ карманѣ покоился неизмѣнный кожаный картузикъ, который онъ носилъ лѣто и зиму. Выходя на улицу, по окончаніи визита, онъ обыкновенно дѣлалъ нѣсколько шаговъ съ обнаженной головой, приглаживая для виду волосы, и затѣмъ, отойдя на нѣкоторое разстояніе, извлекалъ изъ кармана свой пресловутый кожаный картузикъ.

И однако, деньги, которыя Лизогубъ берегъ съ ревнивой заботливостью Плюшкина, были его злѣйшимъ врагомъ, источникомъ нескончаемыхъ мученій, какимъ-то вѣчнымъ проклятіемъ, тяготѣвшимъ надъ нимъ. При своей впечатлительной, крайне отзывчивой натурѣ, онъ безгранично страдалъ, будучи вынужденъ сидѣть со сложенными руками, безучастнымъ зрителемъ борьбы и мученичества своихъ лучшихъ друзей. Находясь подъ строжайшимъ надзоромъ, такъ какъ на него былъ сдѣланъ доносъ въ принадлежности къ революціонной партіи родственниками, которые надѣялись, въ слу-

чаѣ его осужденія, получить его состояніе, онъ не могъ ничего дѣлать: при первомъ же шагѣ съ его стороны, имѣніе было бы конфисковано, и партія лишилась бы столь важной поддержки. Такимъ образомъ, богатство было для него чѣмъ-то въ родѣ ядра, прикованнаго къ ногѣ каторжанина, чтобы мѣшать ему ходить свободно.

Вынужденная бездѣятельность тяжело должна была угнетать человѣка, подобнаго Лизогубу, который соединялъ въ себѣ отважность бойца съ пламеннымъ энтузіазмомъ пророка. Но Лизогубъ ухитрялся превратить для себя эту бездѣятельность въ источникъ самыхъ глубокихъ нравственныхъ страданій. Со скромностью истинно великой души онъ не видѣлъ ни малѣйшей заслуги въ томъ, что ему казалось естественнѣйшею вещью въ мірѣ, — въ отреченіи отъ своего богатства и жизни полной лишеній.

Безпощадный по отношенію къ себѣ, какъ суровый судья, который не хочетъ слушать никакихъ объясненій и ничего не видитъ, кромѣ голаго факта преступленія, онъ смотрѣлъ на свою поистинѣ самоотверженную бездѣятельность, какъ на нѣчто позорное. И этотъ человѣкъ, который цѣной такой громадной жертвы поддерживалъ цѣлыхъ полтора года почти все русское революціонное движеніе; человѣкъ, нравственныя достоинства котораго внушали къ нему безграничное уваженіе со стороны всѣхъ, кто его зналъ; человѣкъ, одно присутствіе котораго въ рядахъ партіи увеличивало ея силу и авторитетъ, — этотъ человѣкъ смотрѣлъ на себя, какъ на послѣдняго изъ послѣднихъ.

Отсюда—та глубокая грусть, которая никогда не покидала его и сказывалась въ каждомъ его словѣ, не смотря на легкій, шутливый тонъ, усвоенный имъ, чтобы скрыть это.

И онъ несъ терпѣливо свой порой невыносимо тяжелый крестъ всю свою жизнь, съ печальной покорностью судьбѣ.

Этотъ человѣкъ былъ глубоко несчастенъ.

Онъ былъ арестованъ въ Одессѣ, осенью 1878 г. по доносу своего управляющаго, Дриго, бывшаго его другомъ и повѣреннымъ, и потомъ продавшаго себя правительству за обѣщанные ему остатки отъ состоянія Лизогуба, — составлявшіе около 40,000 рублей.

Хотя арестъ Лизогуба произошелъ въ самый разгаръ бѣлаго террора, и въ Одессѣ, гдѣ его должны были судить, свирѣпствовалъ герой Севастополя и Плевны, взяточникъ и заплечныхъ дѣлъ мастеръ, графъ Тотлебенъ, никто не ожидалъ для Лизогуба особенно суроваго приговора. Ссылка на поселеніе или, въ худшемъ случаѣ, нѣсколько лѣтъ каторжныхъ работъ,—вотъ все, къ чему его могли приговорить. Обвиненіе не могло выставить противъ него ничего, кромѣ растраты, неизвѣстно куда, большей части своего состоянія. Но показанія Дриго не оставляли на этотъ счетъ мѣста сомнѣнію у жрецовъ русскаго правосудія.

Среди всеобщаго оцѣпенѣнія Лизогубъ былъ приговоренъ къ смерти. Очевидцы передаютъ, что, выслушавши этотъ приговоръ, онъ просто открылъ ротъ отъ изумленія.

На сдѣланное ему предложеніе спасти жизнь просьбой о помилованіи, онъ отвѣтилъ презрительнымъ отказомъ. 8-го августа 1879 года его повезли на казнь, вмѣстѣ съ двумя товарищами, Чубаровымъ и Давиденко.

Тѣ, кто видѣли его во время переѣзда отъ тюрьмы къ эшафоту, говорятъ, что не только онъ былъ невозмутимо спокоенъ всю дорогу, но даже кроткая улыбка играла на его лицѣ, когда онъ обращался къ друзьямъ со словами ободренія. Наконецъ, исполнялось его горячее желаніе—принести себя въ жертву дѣлу революціи. Быть можетъ, эта была счастливѣйшая минута въ его тяжелой жизни.

Въ нашей партіи Стефановичъ былъ организаторъ; Клеменсъ — мыслитель; Осинскій — воинъ; Кропоткинъ — агитаторъ; Дмитрій-же Лизогубъ былъ святой.

Гесся Гельфманъ.

Есть безвѣстныя героини, есть скромныя труженицы, которыя приносятъ все на алтарь дѣла, не требуя ничего взамѣнъ. Онѣ берутъ на себя самыя неблагодарныя роли; жертвуютъ собой изъ-за пустяковъ,—изъ-за адреса для переписки; изъ-за укрыванія часто совершенно неизвѣстнаго имъ человѣка; изъ-за отправки посылки, содержаніе которой для нихъ тайна. Поэтъ не посвятитъ имъ вдохновеннаго стиха; исторія не впишетъ ихъ имени на свои страницы; потомство не вспомнитъ о нихъ съ благодарностью.

И однако, безъ ихъ работы партія не могла бы существовать, и всякая борьба стала бы немыслимой.

Но вотъ, волна исторіи выхватываетъ одну изъ такихъ скромныхъ труженицъ изъ тихаго уединенія, въ которомъ та надѣялась прожить всю свою жизнь, и возноситъ ее на своемъ сверкающемъ хребтѣ на вершину всемірной извѣстности. И всѣ смотрятъ на ту скромную фигуру и съ удивленіемъ различаютъ въ ней черты такой нравственной силы, такого самоотреченія и мужества, которыя свойственны только героинямъ.

Такова именно судьба Гесси Гельфманъ.

Я не зналъ ея лично. Но если въ данномъ случаѣ я отступаю отъ своего правила — говорить только о личныхъ знакомыхъ, то побуждаетъ меня къ этому не слава, которую пріобрѣло ея имя, а нравственная высота ея личности. Простая, глубоко-

симпатичная фигура Гесси, быть можетъ, лучше характеризуетъ описываемую мною партію, чѣмъ иные блестящіе типы, поражающіе силой, энергіей и разнообразіемъ дѣятельности. Такъ, скромный полевой цвѣтокъ часто даетъ болѣе вѣрное понятіе о флорѣ мѣстности, чѣмъ какое-нибудь удивительное и рѣдкое растеніе.

* * *

Гессія Гельфманъ принадлежала къ фанатической еврейской семьѣ, которая съ ужасомъ смотрѣла на все, что исходило отъ христіанъ, въ особенности же на ихъ науку, проповѣдующую своимъ послѣдователямъ презрѣніе къ религіи отцовъ. Затронутая новыми идеями, и не будучи въ силахъ терпѣть долѣе тяжесть семейнаго ига. Гессія бѣжала изъ дома родныхъ, унося оттуда, какъ единственное наслѣдіе, проклятіе родителей, которые предпочли-бы скорѣе видѣть свою дочь въ могилѣ, чѣмъ братающейся съ „гоями".

Добравшись до Кіева, она поступила тамъ работницей въ швейную мастерскую.

Насталъ 1874 годъ. Революціонное движеніе широкимъ потокомъ разлилось по всей Россіи, и вліяніе его достигло даже уединеннаго жилища молоденькой швеи-еврейки.

Она познакомилась съ нѣкоторыми изъ дѣвушекъ, только что вернувшихся изъ Цюриха, фигурировавшими впослѣдствіи въ знаменитомъ процессѣ пятидесяти. Онѣ-то и привлекли ее къ движенію. Впрочемъ, ея участіе въ немъ было вначалѣ очень скромнымъ. Она дала свой адресъ для революціонной переписки. Когда, однако, ея „преступленіе" было открыто, ей пришлось поплатиться за него ни больше, ни меньше, какъ двумя годами предварительнаго заключенія и еще въ придачу двумя годами заключенія въ Литовскомъ Замкѣ, по

приговору суда. Тамъ, находясь вмѣстѣ съ четырьмя или пятью товарками, осужденными за прикосновенность къ тому же дѣлу. Гессі впервые познакомилась, какъ слѣдуетъ, съ принципами соціализма и отдалась ему всѣмъ сердцемъ и душой. Но ей не скоро удалось начать примѣненіе новыхъ идей къ жизни, такъ какъ, по отбытіи наказанія, вмѣсто того, чтобы выйти на свободу, она была сослана административнымъ порядкомъ въ одну изъ сѣверныхъ губерній, гдѣ оставалась до осени 1879 года. Наконецъ, воспользовавшись какъ-то безпечностью своихъ стражей, она бѣжала оттуда и вскорѣ прибыла въ Петербургъ. Здѣсь она съ жаромъ бросилась въ борьбу, сгорая жаждой дать полное удовлетвореніе той потребности работать для дѣла, которая у нея превратилась въ страсть, тѣмъ болѣе жгучую, что пришлось такъ долго сдерживать ее.

Всегда дѣятельная и неизмѣнно веселая, она довольствовалась самымъ малымъ, лишь бы это было полезно для дѣла. Она охотно выполняла всякія роли: почтальона, разсыльнаго, часового; и часто работа была настолько утомительной, что изнуряла силы даже этой здоровой дѣвушки, вышедшей изъ рабочей среды. Сколько разъ, бывало, она возвращалась домой поздно ночью, измученная до изнеможенія, послѣ четырнадцати часовъ безпрерывной бѣготни по городу. Но на слѣдующій день она подымалась снова бодрая и опять принималась за работу.

Она всегда была готова оказать услугу всякому, не думая вовсе о безпокойствѣ, которое это могло причинить ей. Она никогда не думала о себѣ.

Чтобы дать понятіе о нравственной силѣ и безграничной преданности этой простой, мало образованной женщины, достаточно припомнить послѣдніе мѣсяцы ея революціонной дѣятельности. Мужъ ея, Николай Колоткевичъ, одинъ изъ извѣстнѣй-

шихъ и весьма уважемыхъ членовъ террористической партіи, былъ арестованъ въ февралѣ. Надъ его головой висѣлъ смертный приговоръ. Но Гесся продолжала оставаться въ рядахъ борющихся, скрывая отъ всѣхъ свое страшное горе. Будучи уже на четвертомъ мѣсяцѣ беременности, она взяла на себя чрезвычайно опасную роль—хозяйки конспиративной квартиры, гдѣ приготовлялись бомбы Кибальчича, и пробыла тамъ все время до дня своего вторичнаго ареста, который произошелъ вскорѣ послѣ 1-го марта.

Въ день приговора, она стояла веселая и улыбающаяся передъ судьями, которые должны были послать ее на эшафотъ. Но ея судьба оказалась еще ужаснѣе: цѣлыхъ четыре мѣсяца ей пришлось ждать казни! И эту нескончаемую нравственную пытку она выносила все время, ни на минуту не упавши духомъ, не смотря на всѣ усилія правительства, которое, побоявшись возбудить негодованіе Европы повѣшеніемъ беременной женщины, старалось по крайней мѣрѣ воспользоваться ея положеніемъ, чтобы исторгнуть у нея какія-нибудь признанія. Оно тянуло эту нравственную пытку до тѣхъ поръ, пока самая жизнь Гесси не оказалась въ опасности, и только почти наканунѣ родовъ, ей было объявлено о замѣнѣ смертной казни вѣчной каторгой.

Она умерла въ тюрьмѣ вскорѣ послѣ рожденія ребенка, который былъ немедленно отнятъ у нея...

Вѣра Засуличъ.

Перелистывая великую книгу исторіи, трудно и, быть можетъ, невозможно найти имя, которое достигло бы съ такой быстротой извѣстности до такой степени широкой, неоспоримой, единодушной. Совершенно неизвѣстное наканунѣ, это имя въ

теченіе многихъ мѣсяцевъ было у всѣхъ на устахъ, воспламеняя великодушныя сердца обоихъ полушарій, и превратилось какъ бы въ синонимъ героизма и самоотверженія.

Однако, дѣвушка, ставшая предметомъ такого энтузіазма, упорно скрывалась отъ своей славы. Она уклонялась отъ овацій, и хотя весьма скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что она находится за границей, гдѣ могла появляться открыто безъ всякой опасности,—она по-прежнему оставалась въ толпѣ, не желая нарушить своего инкогнито.

Тогда, за недостаткомъ положительныхъ свѣдѣній, выступило въ дѣло воображеніе, и ея многочисленные поклонники стали рисовать ее себѣ, сообразно собственному характеру.

Натуры романтическія и сантиментальныя представляли ее себѣ дѣвушкой поэтической и нѣжной, экзальтированной, какъ христіанская мученица, олицетвореніемъ самоотверженія и любви.

Тѣ же, которые склонялись больше къ радикализму, воображали ее себѣ новой Немезидой, съ револьверомъ въ одной рукѣ, съ краснымъ знаменемъ въ другой и трескучими фразами на устахъ, гордою и грозною, какъ олицетворенная революція.

Ошибались и тѣ, и другіе.

Засуличъ рѣшительно не похожа ни на героиню псевдорадикальной трагедіи ни на воздушную и экзальтированную христіанскую дѣву.

Эта женщина,—сильная, крѣпкая, и хотя ростомъ она не выше средняго, на первый взглядъ кажется высокою. Ея симпатичное, умное лицо нельзя назвать красивымъ. Хороши только большіе, прекрасно очерченные сѣрые глаза, обрамленные длинными рѣсницами, темнѣющіе, когда она возбуждена. Задумчивые и нѣсколько грустные въ обыкновенномъ состояніи, эти глаза зажигаются какимъ-то лучистымъ свѣтомъ, когда она одушевляется, что бываетъ нерѣдко, и мечутъ искры, когда она шу-

титъ,—что случается очень часто. Малѣйшее движеніе души отражается въ этихъ выразительныхъ глазахъ. Остальныя черты лица не представляютъ ничего необыкновеннаго: продолговатый носъ, тонкія губы, большая голова, обрамленная почти черными волосами.

Собой она рѣшительно не занимается. Она слишкомъ разсѣяна, слишкомъ погружена въ свои думы, чтобы заботиться объ этихъ мелочахъ, вовсе ее не интересующихъ.

Есть въ ней, однако, нѣчто, противорѣчащее еще болѣе, чѣмъ ея внѣшность, представленію объ эфирной дѣвѣ.

Это ея голосъ. Вначалѣ она говоритъ съ вами, какъ и всѣ люди, но это обыкновенно продолжается очень не долго. Лишь только разговоръ оживляется, она возвышаетъ голосъ и говоритъ такъ громко, точно ея собесѣдникъ наполовину глухъ или стоитъ отъ нея по меньшей мѣрѣ шагахъ во ста. И никакими силами не можетъ она отдѣлаться отъ этой привычки. Она такъ разсѣяна, что тотчасъ забываетъ и шутки пріятелей, и свое собственное желаніе не бросаться въ глаза и говорить какъ всѣ. Въ домѣ, на улицѣ, лишь только рѣчь коснется какого-нибудь интереснаго предмета, она тотчасъ же начинаетъ кричать, сопровождая свои слова любимымъ, всегда неизмѣннымъ жестомъ правой руки, которой она энергично разсѣкаетъ воздухъ, точно сѣкирой.

Однако, подъ этой простой, мало поэтической внѣшностью скрывается душа, полная высочайшей поэзіи, глубокая и могучая, богатая любовью и негодованіемъ.

Это натура очень сдержанная и сосредоточенная, хотя на первый взглядъ ее можно принять за человѣка открытаго, потому что говоритъ она много и охотно. Въ свою интимность она допускаетъ лишь немногихъ. Говорю не о товарищеской ин-

6*

тимности, вытекающей изъ взаимнаго довѣрія и уваженія, а о другой, настоящей интимности, состоящей въ обмѣнѣ мыслей иногда самыхъ сокровенныхъ.

Она неспособна къ внезапной дружбѣ молодыхъ и неопытныхъ душъ. Сближаясь съ человѣкомъ, она подвигается медленно и осторожно, не стараясь никогда дополнить воображеніемъ недостатокъ положительныхъ наблюденій. У нея мало друзей, да и тѣ принадлежатъ почти исключительно къ ея старымъ знакомымъ,— но въ нихъ ея міръ, отдѣленный отъ прочихъ людей почти непроходимой границей.

Вообще, она очень много живетъ внутренней жизнью и сильно подвержена спеціально русской болѣзни, состоящей въ терзаніи собственной души, въ погруженіи въ ея сокровенныя глубины, въ безжалостномъ анатомированіи ея, въ выискиваніи пятнышекъ и недостатковъ, часто воображаемыхъ и всегда преувеличенныхъ.

Отсюда происходятъ тѣ припадки черной хандры, которые овладѣваютъ ею отъ времени до времени, какъ царемъ Сауломъ, и держатъ ее въ своей власти дни за днями; и ничто не можетъ разогнать ихъ. Тогда она становится разсѣянной, избѣгаетъ всякаго общества и по цѣлымъ часамъ ходитъ взадъ и впередъ по комнаткѣ, вся погруженная свои думы, или убѣгаетъ изъ дому, ища успокоенія въ единственномъ, что можетъ дать его ей,—въ природѣ, безстрастной и величественной, которую она любитъ и понимаетъ, какъ только могутъ любить и понимать люди съ истинно поэтической душой. Не разъ по цѣлымъ ночамъ, часто до солнечнаго восхода, ей случалось бродить одной-одинешенькой по дикимъ горамъ Швейцаріи или по берегамъ ея огромныхъ озеръ.

* * *

Она переполнена тѣмъ вѣчнымъ чувствомъ внутренней неудовлетворенности, источникомъ великихъ дѣлъ, которое въ ней прямой результатъ безграничнаго идеализма, составляющаго основу ея характера. Преданность ея дѣлу народнаго освобожденія, которому она посвятила себя съ самой ранней молодости, окристаллизовалась въ ея душѣ въ воззрѣнія на собственныя обязанности и нравственныя требованія до такой степени высокія, что жизнь рѣшительно не можетъ удовлетворить ихъ. Все кажется ей недостаточнымъ...

Ея великій подвигъ вовсе ея не удовлетворилъ. Александра Малиновская, женщина очень наблюдательная и умная и большая пріятельница Засуличъ, видя ее въ припадкѣ черной хандры и недовольства всего черезъ нѣсколько недѣль послѣ ея оправданія, говорила:

— Вѣрѣ хотѣлось бы стрѣлять въ Треповыхъ каждый день, или по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю. А такъ какъ этого нельзя, такъ вотъ она и мучится.

И Малиновская принималась доказывать Засуличъ, что нѣтъ возможности приносить себя на закланіе въ жертву каждое воскресенье, какъ нашъ Спаситель, Іисусъ Христосъ, что нужно помириться со своей участью и дѣлать то же, что и всѣ.

И Вѣра дѣлала то же, что и всѣ, но это не помогало. Ея вѣчное недовольство не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ самолюбіемъ людей, жаждущихъ стоять выше другихъ и отличаться отъ прочихъ во всемъ. Не только до, но и послѣ того, какъ имя ея пріобрѣло такую извѣстность, т. е. въ свою послѣднюю поѣздку въ Россію, она брала на себя роли самыя скромныя и обыкновенныя: наборщицы въ типографіи, горничной и

т. п., и всѣ свои обязанности исполняла всегда съ безукоризненной добросовѣстностью и усердіемъ. Но это не давало ей мира душевнаго, — и ничего противъ этого не могла подѣлать.

Помню, однажды, разсказывая мнѣ о томъ, что она почувствовала, услыхавъ изъ устъ предсѣдателя суда о своемъ оправданіи,—она сказала, что то была не радость, а необыкновенное удивленіе, за которымъ тотчасъ же послѣдовало чувство грусти.

— Я не могла объяснить себѣ тогда этого чувства,—прибавила она, но я поняла его потомъ. Если бы я была осуждена, то по силѣ вещей не могла бы ничего дѣлать и была бы спокойна, потому что сознаніе, что я сдѣлала для дѣла все, что только могла, было бы мнѣ удовлетвореніемъ. Но теперь, разъ я свободна, нужно снова искать, а найти такъ трудно.

Этотъ маленькій разговоръ, который врѣзался въ моей памяти, бросаетъ необыкновенный яркій свѣтъ на весь ея характеръ.

* *
*

Скромность поистинѣ безпримѣрная, единственная въ своемъ родѣ, составляетъ лишь другую форму проявленія того же безграничнаго идеализма. Это печать избранныхъ натуръ, въ которыхъ героизмъ вещь естественная и логичная, почему и проявляется у нихъ въ такой дивной простотѣ.

Среди всеобщаго восторженнаго удивленія, среди настоящаго апоѳеоза, Засуличъ сохранила всю ту простоту, всю младенческую чистоту души, которую она имѣла прежде, чѣмъ чело ея окружилъ ореолъ безсмертной славы. Эта слава, отъ которой закружилась бы голова у самаго твердаго изъ стоиковъ, оставила ее совершенно безучастной и равнодушной, точно дѣло ея вовсе не касалось.

Это едва ли не единственный въ своемъ родѣ фактъ въ исторіи человѣческаго сердца, и онъ одинъ достаточенъ, чтобы показать глубину этого характера, черпающаго все въ себѣ самомъ, не имѣя надобности и даже возможности получать извнѣ поддержку или стимулъ.

Совершивъ свое великое дѣло подъ вліяніемъ внутренняго убѣжденія, безъ малѣйшей тѣни честолюбія, Засуличъ упорно избѣгала какихъ бы то ни было выраженій восторга, вызваннаго ея поступкомъ въ другихъ. Вотъ почему она всегда отказывалась являться передъ публикой.

Это въ ней вовсе не робость молоденькой дѣвушки, а благородная нравственная застѣнчивость, запрещающая ей принимать дань благоговѣнія за то, что въ высотѣ своихъ идеальныхъ фантазій, она сама отказывается признать героическимъ поступкомъ. Вотъ почему та же Вѣра, которая такъ любитъ общество, которая разговариваетъ такъ охотно, которая никогда не задумается вступить въ ожесточеннѣйшій споръ съ кѣмъ бы то ни было, если ей покажется, что онъ не правъ, — эта самая Вѣра, лишь только входитъ въ какое-нибудь собраніе, гдѣ знаетъ, что на нее смотрятъ уже не какъ на Вѣру, а какъ на Засуличъ, — тотчасъ же мѣняется самымъ поразительнымъ образомъ: она становится робкой, стыдливой, застѣнчивой, — точь въ точь какъ дѣвочка, только что вышедшая изъ пансіона. Даже ея оглушающій голосъ претерпѣваетъ удивительную перемѣну: онъ становится нѣжнымъ, мягкимъ, сладкимъ, — однимъ словомъ, „ангельскимъ“, какъ говорятъ въ шутку ея пріятели, или „птичьимъ“, какъ называетъ его она сама.

* * *

Но и этотъ „птичій“ голосъ услышать довольно трудно, потому что на общественныхъ со-

браніяхъ Вѣра обыкновенно молчитъ, точно воды въ ротъ набрала. Вопросъ долженъ очень близко задѣть ее, чтобы она встала и сказала нѣсколько словъ.

Оцѣнить всѣ достоинства ея свѣтлаго ума и всю прелесть ея разговора можно только дома, въ кружкѣ пріятелей. Только здѣсь даетъ она полную волю своему живому и блестящему остроумію.

Она создала себѣ свой собственный языкъ, богатый, колоритный, соединяющій народный юморъ съ какой-то дѣтской наивностью. Нѣкоторыя ея выраженія и словечки — настоящіе перлы, какихъ не найдешь въ витринахъ ювелировъ.

Характерная черта ея ума — оригинальность. Одаренная рѣдкой силой мысли, она обогатила ее серьезнымъ и разностороннимъ чтеніемъ во время долгихъ годовъ ссылки по разнымъ городамъ Россіи. Она обладаетъ столь рѣдкой особенностью всегда думать самостоятельно, какъ въ вещахъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, и органически неспособна идти по проторенньмъ дорожкамъ только потому, что по нимъ идутъ другіе. Она провѣряетъ и подвергаетъ критикѣ все, не принимая ничего на вѣру. Вотъ почему она умѣетъ придать свою окраску даже избитымъ истинамъ, которыя обыкновенно признаются и повторяются всѣми по рутинѣ. Отъ этого-то ея бесѣда пріобрѣтаетъ такую очаровательную свѣжесть и живость.

Оригинальность и независимость мысли, въ соединеніи съ совокупностью ея нравственнаго характера производятъ другую, быть можетъ, драгоцѣннѣйшую особенность этой натуры. Я говорю о свойственномъ ей почти безошибочномъ нравственномъ инстинктѣ, о способности угадать въ вопросахъ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ, что можно, чего нельзя, что хорошо, что дурно, — хотя иногда она сама не въ состояніи ясно мотивиро-

вать своего мнѣнія. Этотъ инстинктъ обнаружила она въ высокой степени, какъ своимъ поведеніемъ передъ судомъ, въ день своего достопамятнаго процесса,—такъ и во многихъ случаяхъ внутренней жизни партіи.

Каждый ея совѣтъ или мнѣніе, даже не мотивированные, всегда заслуживаютъ вниманія, потому что очень рѣдко бываютъ ошибочны.

Такимъ образомъ, Засуличъ обладаетъ всѣмъ, чтобы сдѣлаться, если можно такъ выразиться, совѣстью кружка, организаціи, партіи. Но, великая по своему нравственному вліянію, Засуличъ не можетъ быть разсматриваема, какъ типъ вліянія политическаго. Она слишкомъ сосредоточена въ себѣ самой, чтобы вліять на другихъ. Тотъ, кто хочетъ получить отъ нея какой-нибудь совѣтъ, долженъ самъ пойти къ ней за нимъ. По собственной иниціативѣ она никогда не вмѣшивается въ чужую жизнь, чтобы передѣлать ее по-своему, какъ старается дѣлать всякій организаторъ или агитаторъ. Она исполняетъ собственный долгъ, какъ то предписываетъ ей ея совѣсть, не стараясь увлечь своимъ примѣромъ другихъ.

Самый ея идеализмъ, столь высокій и плодотворный, заставляющій ее всегда жаждать чего-нибудь великаго, мѣшаетъ ей посвятить себя всей душой повседневной работѣ, всегда мелкой и незначительной.

Это—женщина великихъ рѣшеній и великихъ моментовъ.

Типъ борца неутомимаго и могучаго представляетъ намъ другая женщина, грандіозную фигуру которой я попытаюсь, по мѣрѣ силъ, нарисовать въ слѣдующей главѣ.

Софія Перовская.

Она была хороша собой, хотя наружность ея принадлежала къ тѣмъ, которыя не ослѣпляютъ съ перваго взгляда, но тѣмъ больше нравятся, чѣмъ больше въ нихъ всматриваешься.

Бѣлокурая головка съ парой голубыхъ глазъ, серьезныхъ и проницательныхъ, подъ широкимъ, выпуклымъ лбомъ; мелкія, тонкія черты лица; розовыя, полныя губы, обнаруживавшія, когда она улыбалась, два ряда прелестныхъ бѣлыхъ зубовъ; необыкновенно чистая и нѣжная линія подбородка.

Впрочемъ, очаровывали не столько отдѣльныя черты, сколько вся совокупность ея физіономіи. Было что-то рѣзвое, бойкое и вмѣстѣ съ тѣмъ наивное въ ея кругленькомъ личикѣ. Это была олицетворенная юность. При своей удивительной моложавости, Соня въ двадцать шесть лѣтъ выглядѣла восемнадцатилѣтней дѣвушкой. Маленькая фигурка, стройная и граціозная, и свѣжій, звонкій, какъ колокольчикъ, голосъ увеличивали эту иллюзію, становившуюся почти непреодолимой, когда она начинала смѣяться, что случалось очень часто. Она была очень смѣшлива и смѣялась съ такимъ увлеченіемъ, съ такой беззавѣтной и неудержимой веселостью, что въ эти минуты ее можно было принять за пятнадцатилѣтнюю дѣвочку-хохотушку.

Своей наружностью она рѣшительно не занималась. Одѣвалась она съ величайшей простотой и, можетъ быть, не знала даже, что значитъ быть одѣтой къ лицу или не къ лицу, но любила чистоту до страсти и въ этомъ отношеніи была требовательна и педантична, какъ швейцарская дѣвушка.

Соня очень любила дѣтей и была отличной школьной учительницей. Была, однако, другая роль, которую она выполняла еще лучше, — это

роль сидѣлки. Если какая-нибудь изъ ея пріятельницъ заболѣвала, -- она первая являлась предложить себя на эту тяжелую должность и умѣла ухаживать за больными съ такой заботливостью и такимъ терпѣніемъ, которыя навсегда завоевывали ей сердца ея паціентовъ.

Величайшей привязанностью ея жизни была мать Варвара Сергѣевна, которую она любила со всей трогательной и наивной нѣжностью, какая бываетъ только у дочерей. Не разъ рисковала она собою, чтобы имѣть свиданіе съ нею. Среди тревогъ и заботъ своей бурной жизни она сохранила въ сердцѣ укромный уголокъ, гдѣ теплилось это доброе чувство. Никогда не забывала она о тѣхъ безпрерывныхъ мукахъ, которыя должна была испытывать изъ-за нея мать, и пользовалась малѣйшимъ случаемъ, чтобы дать ей о себѣ вѣсточку. Не разъ, даже въ послѣдній періодъ своей жизни, она оставляла на минуту суровыя конспираціонныя работы, чтобы составить ей посылочку изъ любимыхъ ея гостинцевъ и сластей.

И вотъ эта-то дѣвушка, съ такой скромной и невинной внѣшностью, съ такимъ кроткимъ и нѣжнымъ характеромъ, была однимъ изъ наиболѣе грозныхъ членовъ грозной революціонной партіи. Ей-то было поручено руководство дѣломъ 1-го Марта. На клочкѣ конверта она рисовала карандашомъ планъ мѣстности, распредѣляя заговорщикамъ ихъ мѣста, и въ роковое утро, стоя на полѣ битвы, она получала отъ часовыхъ извѣстія о движеніи императора и указывала заговорщикамъ платкомъ, куда они должны направляться. Она-же въ мрачный день 3-го апрѣля потрясла друзей и враговъ своей истинно геройской кончиной...

Попробуемъ-же очертить, насколько позволятъ намъ наши силы, эту личность, совмѣщавшую въ себѣ столько чисто женской нѣжности, столько

мощи бойца и столько самоотверженной преданности мученика.

I.

Софія Перовская, подобно Кропоткину, происходитъ изъ высшей аристократіи. Перовскіе — младшая вѣтвь фамиліи извѣстнаго Разумовскаго, морганатическаго мужа императрицы Елисаветы Петровны (1709—1762). Дѣдъ ея, Левъ Алексѣевичъ Перовскій, былъ министромъ просвѣщенія; отецъ долго занималъ постъ петербургскаго генералъ-губернатора; родной дядя ея отца, знаменитый графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, завоевалъ императору Николаю нѣсколько провинцій въ центральной Азіи.

Такова семья, откуда вышла женщина, нанесшая такой жестокій ударъ царизму.

Софія родилась въ 1854 году. Печально было ея дѣтство между отцомъ, деспотомъ и самодуромъ, какіе встрѣчаются еще только въ Россіи, и вѣчно унижаемой и оскорбляемой матерью, женщиной высокой нравственности, переносившей все, что только можетъ быть горькаго въ жизни жены русскаго самодура, лишь бы не оставить въ жертву ему беззащитныхъ дѣтей. Такимъ образомъ, уже въ нѣдрахъ семьи научилась Перовская ненависти къ угнетенію и той великодушной любви ко всѣмъ слабымъ и обиженнымъ, которая составляетъ одну изъ наиболѣе трогательныхъ чертъ ея характера.

Исторія жизни С. Перовской представляетъ собою вѣрнѣйшее отраженіе исторіи русской молодежи, а также революціонной партіи.

Подобно всѣмъ женщинамъ своего поколѣнія, С. Перовская начала съ простого желанія учиться.— Когда ей минуло 15 лѣтъ, движеніе въ пользу эмансипаціи женщинъ находилось въ полномъ раз-

гарѣ и увлекло даже ея старшую сестру Марію. Соня начинаетъ учиться, посѣщать курсы, читать. Но что даетъ ей литература того времени? Самую рѣзкую критику всего нашего общественнаго строя, указывая на соціализмъ, какъ на конечную цѣль и единственное лекарство отъ всѣхъ общественныхъ недуговъ. Ея учителя — Чернышевскій и Добролюбовъ, на которыхъ воспитывалось и все современное молодое поколѣніе. При такихъ учителяхъ жажда знанія весьма скоро должна была превратиться у нея въ жажду дѣятельности соотвѣтственно идеямъ, почерпнутымъ въ этомъ чтеніи. Аналогичное стремленіе возникаетъ совершенно самостоятельно во многихъ другихъ дѣвушкахъ, находящихся въ такомъ же положеніи. Общность идей развиваетъ между ними чувство горячей дружбы, а сознаніе, что онѣ не одиноки, порождаетъ желаніе и надежду что-нибудь сдѣлать на пользу своихъ иделовъ.—Вотъ вамъ въ зародышѣ тайное общество, потому что въ Россіи все, что имѣетъ цѣлью благо народа, а не императора, должно дѣлаться тайно.

Бѣгство изъ родительскаго дома, къ которому вынудило Соню вмѣшательство въ ея жизнь отца, оторвавъ ее отъ семьи, заставило еще тѣснѣе сблизиться съ кружкомъ подругъ и товарищей. Перовская очень близко сошлась съ несчастнымъ семействомъ сестеръ Корниловыхъ, составлявшимъ зерно, изъ котораго два года спустя развился кружокъ Чайковцевъ, имѣвшій такое важное значеніе въ первый періодъ движенія.

Перовская вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми студентами, въ томъ числѣ Николаемъ Чайковскимъ, оставившимъ свое имя будущей организаціи, была однимъ изъ первыхъ членовъ этого кружка, имѣвшаго, впрочемъ, вначалѣ скорѣе характеръ братства, чѣмъ политическаго общества.

Кружокъ, задавшійся сперва исключительно

пропагандой среди молодежи, былъ не великъ. Выборъ новыхъ членовъ производился съ разборомъ и всегда единодушно. Устава никакого не существовало, да и не было въ немъ надобности, потому что всѣ рѣшенія принимались не иначе, какъ единогласно. И правило это, столь мало практичное, ни разу не повлекло за собою ни столкновеній, ни даже неудобствъ, потому что любовь и уваженіе, соединившія членовъ кружка, были таковы, что въ немъ достигалось то, что геній Ж. Ж. Руссо провидѣлъ, какъ идеалъ общественныхъ отношеній: меньшинство уступало большинству не по необходимости или принужденію, а добровольно, подъ вліяніемъ внутренняго убѣжденія, что правда должна быть на его сторонѣ.

Отношенія между членами были самыя братскія. Искренность и безусловная прямота составляли ихъ первое основаніе. Всѣ знали другъ друга, какъ члены одной и той же семьи, если не больше, и никто не хотѣлъ скрывать отъ другихъ ни одного своего шага не только въ общественной, но даже и въ частной жизни. Такимъ образомъ, малѣйшая слабость, малѣйшее проявленіе эгоизма или недостаточной преданности дѣлу замѣчались, указывались, иногда вызывали порицаніе, но не менторское, а братское, внушаемое любовью и искреннимъ огорченіемъ и потому дѣйствующее на душу.

Эти идеальныя отношенія, невозможныя при обширной организаціи, обнимающей собою массу людей, соединенныхъ лишь общностью цѣли, дѣйствительно исчезаютъ вмѣстѣ съ расширеніемъ политической дѣятельности упомянутаго кружка. Но они были какъ нельзя болѣе способны вліять на нравственное развитіе личностей. Они-то создали такихъ людей съ сердцами изъ золота и стали, какъ Купріяновъ, Чарушинъ, Сердюковъ и столько

другихъ, которые во всякой другой странѣ были-бы гордостью, украшеніемъ націи. А у насъ гдѣ они, гдѣ?...

Одни переморены въ тюрьмахъ, другіе сами наложили на себя руки; тѣ погребены въ тундрахъ и рудникахъ Сибири или раздавлены подъ бременемъ безграничнаго горя о потерѣ всего, всего, что было для нихъ дороже жизни...

Въ этой-то суровой и вмѣстѣ нѣжной средѣ, проникнутой почти монашескимъ ригоризмомъ, но согрѣтой дыханіемъ энтузіазма и самоотверженія, провела Софія Перовская четыре года первой молодости, когда чистая, нетронутая душа принимаетъ такъ жадно всякое хорошее впечатлѣніе, когда горячее сердце такъ отзывчиво ко всему великому и благородному.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ числѣ вліяній, создавшихъ этотъ характеръ, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ кружку Чайковцевъ. И дѣйствительно, всматриваясь въ нравственную физіономію С. Перовской, мы легко замѣтимъ, что до конца жизни въ ней отражаются всѣ хорошія стороны этого кружка, хотя, благодаря своимъ личнымъ особенностямъ, она сумѣла отбросить его излишнюю семейственность и сантиментальность.

Въ кружкѣ Перовская пользовалась большимъ уваженіемъ и вліяніемъ за свою стоическую строгость къ самой себѣ, за неутомимую энергію и въ особенности за свой обширный умъ. Ясный и проницательный, онъ обладалъ столь рѣдкой у женщинъ философской складкой, проявляющейся въ умѣніи не только прекрасно понять данный вопросъ, но и разобрать его всегда въ соотношеніи со всѣми отъ него проистекающими вопросами. Отсюда происходила у Перовской, съ одной стороны, рѣдкая твердость убѣжденій, которыхъ не могли поколебать ни софизмы, ни преходящія впе-

чатлѣнія дня, — что, при лихорадочной быстротѣ нашей политической жизни, давало поводъ обвинять ее даже въ нѣкоторомъ консерватизмѣ, — съ другой, необыкновенное искусство въ спорахъ, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ. Трудно было встрѣтить болѣе стойкаго и искуснаго діалектика, чѣмъ Перовская. Разсматривая свой предметъ всегда со всѣхъ точекъ зрѣнія, она имѣла большое преимущество передъ своими противниками, потому что обыкновенно каждый разсматриваетъ его съ одной какой-нибудь стороны, указываемой личными склонностями и симпатіями.

Другимъ проявленіемъ той же широты и разносторонности являлась чрезвычайная трезвость ея ума. Она видѣла всѣ вещи въ настоящемъ свѣтѣ, и въ настоящую величину, и своей логикой безъ всякой пощады разбивала иллюзіи своихъ болѣе восторженныхъ товарищей. Черпая въ чувствѣ долга ту твердость и постоянство, которыя людямъ болѣе слабымъ даются фиктивными надеждами, она никогда не преувеличивала ничего и не придавала дѣятельности своей или своихъ товарищей большаго значенія, чѣмъ она имѣла на самомъ дѣлѣ. Поэтому она всегда стремилась расширить ее, отыскивая новые пути и способы дѣйствія, вслѣдствіе чего бывала всегда однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ иниціаторовъ во всѣхъ организаціяхъ, въ которыхъ состояла членомъ. Такъ, переходъ отъ пропаганды среди молодежи къ пропагандѣ среди рабочихъ, совершенный кружкомъ Чайковцевъ въ 1871—72 годахъ, былъ въ значительной степени результатомъ ея настойчивости. Когда же этотъ переходъ былъ осуществленъ, и дѣло пропаганды на столичныхъ фабрикахъ приняло необыкновенно широкіе для того времени размѣры и увлекло весь кружокъ, она была изъ первыхъ, настаивавшихъ на необходимости слѣдующаго шага, — перехода изъ городовъ въ деревни, такъ какъ

понимала, что въ Россіи можетъ имѣть будущность лишь такая партія, которая сумѣетъ сблизиться съ крестьянствомъ. И потомъ, будучи уже членомъ организаціи Народной Воли, она всегда стояла за расширеніе революціонной пропаганды не только въ средѣ городскихъ рабочихъ, что въ значительной степени выполнялось организаціей, но и за распространеніе ея и на деревенское населеніе.

Однако, это вѣчное недовольство, вѣчное исканіе чего-нибудь новаго, лучшаго было въ ней исключительно результатомъ сильной критической мысли, а не черезчуръ пламеннаго воображенія, дѣлающаго человѣка неспособнымъ удовлетворяться какой бы то ни было реальностью, какъ это бываетъ у романтическихъ натуръ. Этого романтизма, способнаго побудить иныхъ людей на великіе подвиги, но обыкновенно заставляющаго тратить жизнь въ безплодныхъ грезахъ, у Перовской не было и слѣда. Она была человѣкъ слишкомъ положительный, чтобы жить въ мірѣ химеръ, и слишкомъ энергичный, чтобы стоять скрестивши руки. Она брала жизнь такою, какова она есть, стараясь сдѣлать наибольшее возможное въ данный моментъ. Бездѣятельность была для нея величайшимъ мученіемъ.

Однако, когда было нужно, она умѣла выносить годы бездѣятельности.

II.

Двадцать пятаго ноября 1873 года Перовская была арестована вмѣстѣ съ группой рабочихъ, среди которыхъ вела пропаганду за Александро-Невской заставой. Ее посадили въ Петропавловскую крѣпость, но за отсутствіемъ уликъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія она была выпущена на поруки къ отцу, который и отправилъ ее съ матерью въ Крымъ, гдѣ находилось ихъ имѣніе.

Цѣлыхъ три года пришлось Перовской ждать процесса и все это время она, вслѣдствіе установленнаго за нею строгаго надзора, должна была почти совершенно отказаться отъ революціонной дѣятельности, кромѣ развѣ пропаганды среди молодежи, по самой своей сущности весьма мало доступной полицейскому контролю. Скрыться же и начать нелегальное существованіе она не могла, потому что этимъ компрометировала бы всѣхъ, кто, подобно ей, былъ выпущенъ на поруки.

Перовская дѣлала, что могла, чтобы и изъ этого мертваго времени извлечь большую пользу. Желая подготовить себя къ пропагандѣ среди крестьянства, къ которой всегда чувствовала особенное влеченіе, она рѣшила изучить фельдшерство. Съ этою цѣлью она отправилась въ Тверскую губернію къ одному знакомому врачу, у котораго и пробыла нѣсколько мѣсяцевъ. Вскорѣ, однако, она вернулась въ Симферополь, убѣдившись въ необходимости прослушать правильный теоретическій курсъ фельдшерства, прежде чѣмъ приступить къ практическому изученію его. Вообще, Перовская ничего не могла дѣлать на скорую руку, какъ-нибудь. Взявшись за самое маленькое дѣло, она исполняла его наилучшимъ образомъ. Въ фельдшерской школѣ своимъ усердіемъ и добросовѣстностью ей удалось пріобрѣсти такое довѣріе врачей-руководителей, что они часто предоставляли ей практику, не смотря на то, что она не окончила курса. Она была любимицей больныхъ. Разсказываютъ, что въ числѣ ея паціентокъ находилась одна страдавшая ракомъ на груди еврейка, къ которой Перовская въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ходила на перевязку. Своими заботами объ этой больной, своей постоянно доброй улыбкой она внушила ей такую любовь къ себѣ, что та увѣряла, будто при одномъ ея видѣ ей дѣлается уже гораздо лучше.

Зимою 1877 года начался, наконецъ, такъ давно

ожидаемый процессъ 193-хъ, въ которомъ вмѣстѣ съ Перовской были замѣшаны почти всѣ члены кружка Чайковцевъ.

Не излишне, быть можетъ, отмѣтить здѣсь нѣкоторыя подробности этого новаго появленія ея передъ публикою, такъ какъ онѣ прекрасно характеризуютъ Перовскую.

Не желая быть игрушкой въ рукахъ правительства, которое составляло приговоры еще до начала судебнаго разбирательства, всѣ почти обвиняемые по этому дѣлу согласились между собой протестовать противъ такой судебной комедіи отказомъ принимать какое бы то ни было участіе въ ней. Послѣ этого-то общаго протеста правительство и рѣшило, во-первыхъ, изгнать публику, поддерживавшую своимъ присутствіемъ подсудимыхъ, и во-вторыхъ, разбить послѣднихъ на 17 группъ, которыя вводились бы по очереди, въ надеждѣ, отчасти оправдавшейся, ослабить такимъ образомъ силу ихъ сопротивленія.

Перовская попала въ первую группу и, какъ единственный членъ ея, находящійся на свободѣ, на другой день утромъ была введена въ залу засѣданія первою. Она не успѣла, разумѣется, снестись съ товарищами и не имѣла никакого понятія, находятъ ли они нужнымъ, цѣлесообразнымъ и, главное, возможнымъ даже въ одиночку продолжать протестъ въ той же формѣ, какъ было рѣшено наканунѣ. Ей приходилось, стало быть, начинать дѣло на свой страхъ, рискуя, если протестъ ея окажется единичнымъ, навлечь на себя очень тяжкую кару, между тѣмъ какъ теперь, въ качествѣ выпущенной на поруки до суда, она не могла ожидать для себя ничего серьезнаго.

Положеніе Перовской было очень затруднительное, но чувство товарищества подсказало выходъ: видя себя совершенно одинокой, послѣ первыхъ минутъ замѣшательства она заявила, что не

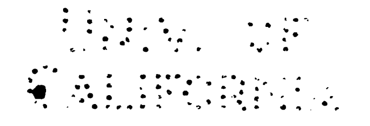
желаетъ принимать какого бы то ни было участія въ судебномъ разбирательствѣ, такъ какъ не видитъ въ залѣ тѣхъ, съ которыми она раздѣляетъ всѣ убѣжденія и съ которыми желаетъ раздѣлить и участь.

Перовская была оправдана. Но, зная очень хорошо, какую цѣну имѣютъ у насъ подобныя оправданія, она заблагоразсудила скрыться, и съ этого времени начинается ея нелегальное существованіе.

Впрочемъ, слишкомъ годъ она по-прежнему остается совершенно въ сторонѣ отъ кипучаго революціоннаго потока, потому что вся сосредоточивается на одномъ дѣлѣ: попыткѣ освободить своихъ товарищей, осужденныхъ на заключеніе въ центральной тюрьмѣ. Для нея эти люди были не только представителями дорогихъ ей идей, — это были друзья, въ которыхъ она вкладывала лучшую часть себя самой, друзья, какія бываютъ только въ революціонныхъ кружкахъ, поглощающихъ человѣка цѣликомъ, со всѣми его чувствами и симпатіями, страстями и помышленіями, гдѣ чувство дружбы, являясь живымъ воплощеніемъ не только нѣжности сердца, но и высшихъ идейныхъ началъ, достигаетъ такой силы и глубины, что далеко оставляетъ за собою узы самаго близкаго родства.

Не удивительна поэтому та страстность, съ какой Перовская, человѣкъ кружка по преимуществу, отдалась дѣлу освобожденія такъ называемыхъ централочныхъ.

Сперва выборъ ея, какъ и всѣхъ друзей, останавливается на Мышкинѣ, могучемъ ораторѣ и героѣ процесса 193-хъ. Устраивается наблюденіе за крѣпостью и дорогой; организуются отряды съ цѣлью отбить его на пути. Но потому ли, что полиція провѣдала о задуманномъ дѣлѣ, или, вѣрнѣе, потому, что догадалась о немъ, такъ какъ толки о необходимости освобожденія Мышкина послѣ его рѣчи сами собой возникали повсюду, — какъ бы

то ни было, правительство приняло нѣкоторыя предосторожности, произвело нѣсколько фальшивыхъ маневровъ, и революціонеры дали себя обмануть. Они просмотрѣли отправку Мышкина и узнали о ней только тогда, когда онъ былъ уже въ центральной тюрьмѣ.

Трудно описать, что сдѣлалось съ Соней послѣ этой неудачи. Попавшагося ей на глаза въ этотъ день участника она ни за что разругала самымъ несправедливымъ образомъ и, успокоившись, просто застыла на мысли—непремѣнно, во что бы то ни стало освободить другихъ. Ходила она злая-презлая и только за своей больной (у нея на попеченіи была беременная г-жа С., страшно слабая и едва не умершая), ухаживала такъ же ласково внимательно, какъ всегда.

Рѣшено было освободить кого нибудь изъ четырехъ другихъ централочныхъ, во время слѣдованія на почтовыхъ изъ Харькова до тюрьмы: Рогачева, Ковалика, Войнаральскаго или Муравскаго,—кого удастся прослѣдить. Первый и второй были пропущены. Войнаральскаго удалось захватить. Повозка съ арестантомъ, сопровождаемымъ двумя жандармами, была оставлена Б-мъ, переодѣтымъ офицеромъ, ѣдущимъ изъ Харькова въ собственной кибиткѣ. Двое его спутниковъ верховыхъ подъѣхали къ перекладной. Неожиданный выстрѣлъ изъ револьвера положилъ одного изъ жандармовъ; но въ ту же минуту испуганные пальбою кони понеслись во весь опоръ. Верховые поскакали за ними, продолжая стрѣлять на ходу въ оставшагося жандарма и лошадей. Бричка мчалась слѣдомъ. Но ни одинъ изъ девяти выстрѣловъ не попалъ въ жандарма, и хотя нѣсколько пуль засѣло въ тѣлѣ лошадей, но онѣ только бѣшенѣе неслись впередъ. Почти до самой станціи гналисъ наши, презирая опасность, и остановились только, когда всѣ заряды револьверовъ были выпущены,

и ихъ дрянныя клячи окончательно выбились изъ силъ.

Жандармъ съ арестантомъ ускакали. Причина неудачи заключалась въ томъ, что стрѣльбу начали, не вырвавъ у ямщика вожжей, или не подрѣзавъ постромокъ. Но ошибку эту, не предусмотрѣнную къ тому же раньше, исполнители этого дѣла искупили своей послѣдующей храбростью, чуть не стоившей имъ головы. Нѣсколько минутъ спустя со станціи выѣхала повозка съ шестью жандармами, возвращавшимися изъ Бѣлгородской тюрьмы послѣ доставки туда предыдущихъ арестантовъ. Погонись наши еще полверсты, они погибли бы всѣ неминуемо.

Но Перовская была безпощадна: она осыпала жестокими упреками своихъ и безъ того убитыхъ товарищей, называя это дѣло „постыднымъ и позорнымъ для революціи“. Никакихъ оправданій не хотѣла она признать: „Зачѣмъ давали промахи?... Зачѣмъ не гнались дальше?...“

Однако, нужно было уѣзжать изъ Харькова какъ можно скорѣй, потому что, благодаря возвращавшейся повозкѣ съ жандармами, полиція прослѣдила нашихъ по горячимъ слѣдамъ. Не имѣя возможности сняться разомъ въ тотъ же день, заговорщики уѣхали двумя партіями. Первая, большая, оставила городъ безъ всякихъ задержекъ; но когда, два или три дня спустя, на вокзалъ явилась вторая, состоявшая изъ трехъ человѣкъ, всѣ входы были уже заняты разными служителями съ постоялаго двора и брошенныхъ ими квартиръ. По указанію одного изъ нихъ былъ арестованъ Фоминъ. Двумъ другимъ, оставшимся не узнанными, удалось уѣхать благополучно. Что же касается Перовской, то, не взирая на жестокіе полицейскіе розыски, она рѣшила не уѣзжать вовсе, увѣряя, что ничего опаснаго нѣтъ, и что надо продолжать дѣло.

Вообще, слѣдуетъ сказать, что въ дѣлахъ Перовская рѣшительно не берегла себя. Эта маленькая, граціозная, вѣчно смѣющаяся дѣвушка удивляла своимъ безстрашіемъ самыхъ смѣлыхъ мужчинъ. Природа, казалось, лишила ее способности чувствовать страхъ, и потому она просто не замѣчала опасности тамъ, гдѣ ее видѣли другіе. Чтобы показать, до какой степени она бывала неосторожна, достаточно сказать, что, напримѣръ, послѣ московскаго взрыва, желая поскорѣе узнать о его результатахъ, она замѣшалась въ толпу желѣзнодорожныхъ рабочихъ, тѣснившихся вокругъ мины, находившейся, какъ извѣстно, у самаго Сухоруковскаго дома. Впрочемъ, Перовская никогда не признавала себя неосторожной. Къ счастью, необыкновенная находчивость выручала ее изъ самыхъ, повидимому, отчаянныхъ положеній. Особенно хороша она была въ подобныхъ случаяхъ въ роляхъ простыхъ женщинъ — бабъ, мѣщанокъ, горничныхъ, которыя очень любила и въ которыхъ доходила до виртуозности.

Примѣровъ ея чрезвычайной ловкости можно насчитать множество. Мы приводимъ два изъ нихъ, забѣгая, однако, немного впередъ. Они относятся къ интересному періоду ея участія въ московскомъ подкопѣ и не вошли въ печатавшіеся объ этомъ дѣлѣ отчеты.

Однажды купецъ-сосѣдъ зашелъ къ Сухорукову по дѣлу о закладѣ дома. Хозяина не оказалось на ту пору. Перовской очень не хотѣлось допустить нежданнаго посѣтителя до осмотра дома и во всякомъ случаѣ нужно было оттянуть время, чтобы дать товарищамъ возможность убрать все подозрительное.

Она внимательно выслушала купца и переспросила. Тотъ повторилъ. Перовская съ самымъ наивнымъ видомъ опять переспрашиваетъ. Купецъ старается объяснить какъ можно вразуми-

тельнѣе, но безтолковая хозяйка съ недоумѣніемъ отвѣчаетъ:

— Ужъ и не знаю! Ужо какъ скажетъ Михайло Иванычъ.

Купецъ опять силится объяснить, а Перовская все твердитъ:

— Да вотъ Михайло Иванычъ прійдетъ. Я ужъ не знаю!

Долго шли у нихъ эти объясненія. Нѣсколько товарищей, спрятанныхъ въ коморкѣ за тонкой перегородкой и смотрѣвшихъ сквозь щели на всю эту сцену, просто душились отъ подавленнаго смѣха: до такой степени естественно играла она роль дуры-мѣщанки. Даже ручки на животикѣ сложила по-мѣщански.

Купецъ махнулъ наконецъ рукой:

— Нѣтъ ужъ, матушка, я ужъ лучше послѣ зайду!

Онъ, дѣйствительно, махнулъ рукой и ушелъ, къ великому удовольствію Перовской.

Въ другой разъ гдѣ-то въ двухъ шагахъ случился пожаръ. Сбѣжались сосѣди выносить вещи. Разумѣется, войди они въ домъ, все бы погибло. А между тѣмъ какая возможность не пустить? Однако, Перовская нашлась: она схватила икону, выбѣжала во дворъ и со словами: „Не трогайте, не трогайте, Божья воля!“ стала противъ огня и простояла, пока не былъ потушенъ пожаръ, не впустивъ никого въ домъ подъ предлогомъ, что отъ Божьей кары слѣдуетъ защищаться молитвой.

III.

Недѣли три послѣ неудачной попытки къ освобожденію Войнаральскаго, случилось маленькое приключеніе, оторвавшее на минуту Перовскую отъ дорогого ей дѣла. Полагаясь на оправдательный приговоръ, или скорѣе—на нерасторопность

полиціи, она заѣхала въ Крымъ, въ Приморское повидаться съ матерью; но почти тотчасъ она была арестована и отправлена административнымъ порядкомъ въ Повѣнецъ, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Но теперь ее не стѣсняло уже никакое нравственное обязательство, какъ было передъ процессомъ, и потому она рѣшилась бѣжать, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, и, дѣйствительно, бѣжала, сама, безъ всякой посторонней помощи, не предупредивъ даже никого изъ своихъ. И прежде чѣмъ распространилась вѣсть о ея побѣгѣ, она, какъ ни въ чемъ не бывало, явилась въ Петербургъ, разсказывая со смѣхомъ подробности этой своей продѣлки—простой, невинной и почти граціозной, составляющей такой же контрастъ съ трагическими событіями ея жизни, какъ веселенькій горный цвѣтокъ среди дикихъ и угрюмыхъ утесовъ швейцарскаго Diableret. Она попросту воспользовалась избыткомъ предосторожностей, употребляемыхъ сторожившими ее жандармами, которые, не спуская съ нея глазъ днемъ, ночью легли спать въ одной съ ней комнатѣ: одинъ — у окна, другой — у двери. Въ своемъ рвеніи они не обратили однако вниманія, что дверь отворяется не во внутрь, а наружу, такъ что, когда жандармы захрапѣли, Перовская тихонько отворила дверь, не обезпокоивъ своего цербера, и, спокойно перешагнувъ черезъ него, незамѣтно выскользнула изъ вокзала. Прождавъ нѣсколько времени въ рощѣ, она сѣла въ первый ночной поѣздъ, не взявъ билета, чтобы жандармы не могли справиться о ней у кассира. Притворившись безтолковой деревенской бабой, не знающей никакихъ порядковъ, она, не возбудивъ ни малѣйшаго подозрѣнія, получила отъ кондуктора билетъ и преспокойно доѣхала до Петербурга, тѣмъ временемъ какъ въ Чудовѣ проснувшіеся жандармы метались, какъ угорѣлые, отыскивая ее повсюду.

Какъ интересную для характеристики С. Перовской подробность, упомянемъ, что не смотря на твердое рѣшеніе бѣжать, она долго не приводила своего намѣренія въ исполненіе, пропуская очень удобные случаи, потому что во всю дорогу отъ самаго Симферополя ей, какъ нарочно попадались жандармы, что называется—„добрые", предоставлявшіе ей всякую свободу, и она не хотѣла ихъ „подводить". Только подъ самымъ почти Петербургомъ, къ счастью для русской революціи, ей попались чистокровные церберы.

Въ Петербургѣ Перовская пробыла, однако, очень недолго. Всѣ предыдущія неудачи не только не сломили, но, казалось, даже усилили въ ней жажду осуществить свой завѣтный планъ освобожденія. Она ѣдетъ снова въ Харьковъ и, не смотря на опасность своего положенія въ этомъ городѣ, приступаетъ къ самой дѣятельной работѣ. Теперь она замышляетъ уже произвести массовое освобожденіе—если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ значительной части заключенныхъ. Дѣло было неимовѣрно трудно и затруднялось для нея еще ея нелегальнымъ положеніемъ. Перовская преодолѣла, однако, первыя препятствія и подготовила очень многое: ей удалось подыскать людей, устроить наблюденіе за центральной тюрьмой и завести сношенія съ заключенными. Относящіяся къ этому періоду письма, которыя она писала въ Петербургъ, дышатъ вѣрой въ возможность осуществленія ея плана. Она просила только поддержки—людьми и деньгами. Деньги посылались въ достаточномъ количествѣ, но въ людяхъ почти всегда приходилось отказывать по множеству другихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, главную массу работы Перовской приходилось нести на своихъ плечахъ. Сверхъ разнообразныхъ конспираціонныхъ работъ по своему предпріятію, она взяла на себя столь хлопотливое дѣло снабженія заключенныхъ прови-

зіей, книгами, платьемъ и исполняла это съ обычной своей добросовѣстностью и усердіемъ: одна ея пріятельница разсказываетъ, какъ по нѣсколько дней расхаживала она по магазинамъ, прежде чѣмъ купить ту или другую вещь для централочныхъ, объясняя, что, молъ, тѣ чулки или фуфайки кажутся ей недостаточно прочными или теплыми. Всѣ эти занятія не помѣшали ей поступить подъ фальшивымъ паспортомъ на акушерскіе курсы; пройти ихъ въ 8 мѣсяцевъ до конца, отлично выдержать экзаменъ и получить дипломъ — все съ цѣлью устроиться когда-нибудь въ деревнѣ для пропаганды среди крестьянства. При всемъ томъ у нея хватало еще времени на обширную пропаганду среди молодежи, гдѣ она имѣла массу знакомствъ и организовала мѣстный кружокъ, просуществовавшій болѣе двухъ лѣтъ.

Возможность такой необыкновенной разносторонности объясняется самымъ характеромъ С. Перовской: въ революціонную дѣятельность она вносила ту же серьезную дѣловитость, которую вноситъ въ свои дѣла англійскій банкиръ, создавшій поговорку „time is money (время — деньги)“. Она не была дилетантомъ или артистомъ революціи, а именно ея работникомъ, дѣльцомъ. Вскормленная и вспоенная, можно сказать, на лонѣ „дѣла“, она проникласъ имъ вся, вполнѣ, и потому всему. прочему почти не отдавала ни мыслей, ни временна Рѣдкая минута пропадала у нея даромъ. Если оно приходила къ кому-нибудь, то не иначе какъ по какому-нибудь дѣлу или въ виду будущаго дѣла. Посидѣвъ сколько нужно, она уходила, не тратя никогда часовъ и вечеровъ для одного только удовольствія быть въ обществѣ пріятныхъ людей. Впрочемъ, дѣловитость никогда не переходила у Перовской въ деревянность, въ казенную сухость въ ея отношеніяхъ къ людямъ. Напротивъ, она очень любила и людей и общество, но только

„дѣло“ она любила еще больше. Пріятельская болтовня, послѣ нѣкоторой, весьма умѣренной дозы, становилась ей скучной, и безъ малѣйшей тѣни рахметовской угловатости, съ такой же простотой и естественностью, съ какой шутила и смѣялась сама, она уходила и мчалась куда-нибудь на другой конецъ города своей быстрой ровной походкой неутомимаго скорохода, засунувъ руки въ рукава пальто или маленькую муфточку, наклонивъ немного впередъ свою гладко причесанную русую головку и не поднимая глазъ съ земли, серьезная, сосредоточенная и слегка насупленная, точно и дорогою она продолжала думать о „дѣлахъ“, чтобы не тратить понапрасну времени. — И подобный образъ жизни она могла вести безъ малѣйшаго утомленія мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ, потому что она слѣдовала влеченію собственной натуры, не насилуя себя ни въ ту, ни въ другую сторону.

Однако, даже при ея энергіи, ея способностяхъ и упрямствѣ, не было никакой возможности довести до конца колоссальное дѣло, задуманное ею. Мало-по-малу организація „Земли и Воли“ совершенно перестала поддерживать ее. Борьба съ правительствомъ, разгоравшаяся все болѣе и болѣе, поглощала всѣ наличныя силы. Перовская дѣлала все возможное и невозможное, чтобы привлечь коекого къ своему предпріятію. Но мѣсяца два спустя послѣ Мезенцевскаго дѣла, общество „Земля и Воля“ должно было вынести жесточайшій погромъ: наиболѣе дѣятельные изъ членовъ были арестованы, связи подорваны, а съ ними сокращены и денежныя средства. Оставшимся на свободѣ приходилось работать за четверыхъ, чтобы только сохранить цѣлость организаціи. При такихъ условіяхъ нечего было думать о попыткѣ освободить централочныхъ. Перовская поняла это. На видъ спокойная и даже не особенно грустная, по ночамъ она ры-

дала, уткнувшись головой въ подушки: ей приходилось бросать на произволъ судьбы своихъ несчастныхъ товарищей и друзей, которыхъ она такъ безгранично любила, бросать навсегда, безвозвратно, потому что она видѣла ясно, что невозможное теперь сдѣлается потомъ еще болѣе невозможнымъ.

III.

Въ концѣ 1878 г. Перовская пріѣхала въ Петербургъ, и только съ этого времени начинается ея дѣятельное участіе въ движеніи. Но когда послѣ такого долгаго отсутствія она снова явилась на поле битвы, все здѣсь перемѣнилось: люди, тенденціи, способы дѣйствія. Безъ нея, безъ ея вѣдома назрѣло новое направленіе, оформившееся впослѣдствіи окончательно въ „Народной Волѣ". Политическая революція, признаваемая безплодной и безполезной старымъ революціоннымъ поколѣніемъ, была провозглашена теперь необходимой ступенью къ революціи соціальной.

Долго колебалась Перовская, прежде чѣмъ примкнуть къ этому направленію, отодвигавшему на второй планъ чисто социалистическую дѣятельность. Народовольцамъ, желавшимъ, разумѣется, привлечь на свою сторону такую силу, пришлось сломать не мало копій въ диспутахъ съ ней.

— Ничего съ этой бабой не подѣлаешь! — не разъ восклицалъ Желябовъ.

Но нѣтъ ничего безпощаднѣе факта, и ни предъ чѣмъ не склонявшаяся Перовская должна была положить оружіе. Она примкнула, наконецъ, къ новому направленію, такъ какъ, дѣйствительно, оно было единственное фактически возможное при условіяхъ, созданныхъ правительствомъ. А разъ примкнувши, она отдалась ему всецѣло, безъ оглядки, какъ всѣ цѣльныя натуры, и именно въ борьбѣ и обнаружила во всемъ блескѣ свои дарованія и энергію.

Не станемъ излагать исторіи дѣятельности Перовской за послѣдніе два года ея жизни: при ея умѣньи работать это доступно лишь для обширной біографіи, а не для краткаго очерка.

Она принимаетъ дѣятельное участіе почти во всѣхъ выплывшихъ наружу покушеніяхъ и во многихъ другихъ, оставшихся неизвѣстными, и она была самымъ полезнымъ человѣкомъ во всѣхъ организаціонныхъ работахъ, потому что при своемъ холодномъ, проницательномъ умѣ, умѣла предвидѣть, оцѣнить и взвѣсить самыя ничтожныя мелочи, отъ которыхъ часто зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ предпріятій наиболѣе грандіозныхъ. Она же была членомъ кружка, руководившаго съ рѣдкимъ у насъ успѣхомъ рѣдкимъ дѣломъ въ Петербургѣ. Не довольствуясь собственной кипучей дѣятельностью, она организовала вспомогательныя группы для частныхъ функцій. Она заводила обширныя связи съ молодежью, и послѣ своихъ чисто конспираціонныхъ работъ наибольшую часть времени посвящала дѣятельности именно въ этой средѣ, откуда революція до сихъ поръ черпаетъ свои главныя силы.

Перовская горячо любила эту среду; и едва ли можно указать въ нашей партіи человѣка, дѣятельность котораго здѣсь была бы до такой степени плодотворна. Она завоевывала себѣ всѣ симпатіи молодежи своей простотой, отсутствіемъ какого бы то ни было желанія рисоваться и импонировать своимъ прошлымъ; она очаровывала ее своимъ умомъ, покоряла непреодолимо убѣдительной рѣчью и, главное, умѣла одушевить, увлечь собственной заразительной преданностью дѣлу, сквозившею изъ всего ея существа. Любовь и энтузіазмъ къ ней во всѣхъ кружкахъ, гдѣ ей приходилось дѣйствовать достаточно долго, — въ Харьковѣ, Петербургѣ, Симферополѣ, — переходили въ настоящій культъ. Вліяніе ея на молодыя души

было неизгладимо именно потому, что она своей личностью дѣйствовала на самыя глубокія нравственныя стороны человѣческой натуры.

Вслѣдствіе такой долгой жизни въ революціонномъ мірѣ, она научилась отлично узнавать и выбирать людей и умѣла управлять ими, какъ немногіе. Вообще, мало кто ввелъ въ революціонную партію такую массу свѣжихъ, здоровыхъ и надежныхъ силъ, какъ С. Перовская.

Однако, этими частными трудами не исчерпываются услуги, оказанныя Перовской революціонному дѣлу. Рядомъ съ ними слѣдуетъ поставить массу мелкихъ, неуловимыхъ, ежедневныхъ, можно сказать, ежечасныхъ услугъ, которыя ускользаютъ и отъ историка, и отъ біографа.

По натурѣ своей она принадлежала къ числу тѣхъ людей, пріобрѣтеніе которыхъ всего драгоцѣннѣе для какихъ бы то ни было организацій, и Желябовъ, знавшій толкъ въ людяхъ, недаромъ былъ въ „необычайной радости", когда сообщалъ своимъ противникамъ—чернопередѣльцамъ, о томъ, что Софья Львовна формально присоединилась, наконецъ, къ организаціи „Народной Воли".

Различны и многообразны типы людей, которыхъ должна имѣть въ своихъ нѣдрахъ живая, воинствующая революціонная партія, чтобы быстро и неуклонно шествовать по своему тернистому пути.—Ей нужны мыслители, которые умѣли бы угадать потребности минуты, понять негодность старыхъ путей и во время указать новые; ей нужны поэты и пророки, которые въ трудныя годины испытаній и сомнѣній сумѣли бы влить въ души товарищей свою вдохновенную вѣру въ будущее партіи и въ самихъ себя; ей нужны воины, которые рвались бы къ бою изъ любви къ бою, нейтрализуя вліяніе скептиковъ и медлителей; ей нужны агитаторы, ораторы, финансисты.

Но все это частныя функціи, которыя могутъ быть соединены въ гармоническое цѣлое только подъ условіемъ присутствія въ организаціи людей совершенно особаго типа, которыхъ можно назвать людьми революціоннаго долга, организаціонной дисциплины и исполнительности. Благодаря имъ - то ведется хорошо, правильно и аккуратно скучная, повседневная революціонная работа, отъ которой, въ сущности, зависитъ успѣхъ исключительныхъ, блестящихъ дѣяній, подобно тому, какъ отъ темныхъ физіологическихъ процессовъ зависятъ факты высшаго проявленія человѣческаго духа, или отъ ничтожныхъ, чисто матеріальныхъ вопросовъ продовольствія и экипировки арміи—участь великихъ сраженій. Эти-то суровые, сварливые цензоры блюдутъ за храненіемъ революціонной тайны, составляющей двѣ трети успѣха въ конспираціонныхъ дѣлахъ; топча безъ всякой пощады самыя нѣжныя, сердечныя струны своихъ товарищей, они-то не даютъ организаціи расплыться въ окружающемъ революціонномъ мірѣ, сохраняя ее цѣльнымъ, рѣзко обособленнымъ, крѣпкимъ и живымъ организмомъ, способнымъ развить до максимальной величины и свою силу нападенія, и силу сопротивленія ударамъ враговъ. Отнимите этихъ людей, и самая лучшая организація распадется, превратится въ груду развалинъ, въ безформенную массу, какъ зданіе, въ которомъ вода внезапно растворила весь цементъ, или какъ тѣло, изъ котораго вдругъ вынутъ весь костный остовъ.

Не удивительны поэтому примѣры, что люди такого типа пріобрѣтаютъ въ организаціяхъ огромное значеніе и вліяніе, не будучи даже одарены ни особенными талантами, ни выдающимся умомъ. Если же природа надѣлила ихъ тѣмъ и другимъ, то изъ нихъ-то выходятъ основатели кружковъ и организацій, нравственные диктаторы, имена которыхъ передаются отъ одного революціоннаго по-

колѣнія къ другому, много лѣтъ спустя послѣ того, какъ и они сами, и основанныя ими организаціи сошли съ исторической сцены.

Софія Перовская принадлежала къ числу наиболѣе цѣльныхъ и яркихъ представителей этого типа революціонныхъ дѣятелей. Трудно было найти человѣка, болѣе дисциплинированнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе строгаго. Во всемъ, касающемся дѣла, она была требовательна до жестокости, и о ней говорили недаромъ, что она способна довести человѣка до самоубійства за малѣйшій промахъ. Но, строгая къ другимъ, она была еще строже къ себѣ самой. Чувство долга было самой выдающейся чертой ея характера. Она культивировала въ себѣ эту суровую добродѣтель, точно желая вытѣснить ею всѣ прочія стороны своей натуры, казавшіяся ей вылитыми изъ слишкомъ непрочнаго металла. И дѣйствительно, при своей желѣзной волѣ она сумѣла выработать изъ себя истиннаго стоика, способнаго выносить, не согнувшись, самые ужасные удары судьбы. Никогда никто не слыхалъ отъ нея ни одной жалобы, ни одного стона. Она все умѣла таить въ себѣ, подавляя нравственную боль, презирая физическія страданія. Больная, едва держащаяся на ногахъ, съ адомъ въ душѣ, потому что наканунѣ погибъ человѣкъ, бывшій ея великой, первой и единственной любовью, она твердо беретъ въ свои руки руководство дѣломъ 1 марта и безъ минуты слабости ведетъ его до конца. Узнавъ о близкой, неминуемой, ничѣмъ неотвратимой казни дорогого человѣка, она ни на мгновеніе не оставляетъ строя: она рыскаетъ по городу, имѣя по семи свиданій въ день; спокойная и бодрая, она ведетъ по-прежнему дѣла, и никому изъ видѣвшихъ ее въ эти ужасные дни не приходитъ въ голову, какая безконечная мука таится въ ея груди.

И однако, подъ стоически спокойной внѣшностью въ этой героической натурѣ скрывалась другая

сторона, которая лишь изрѣдка, какъ молнія на темномъ грозовомъ небѣ, прорывалась сквозь одѣвавшее ее спокойствіе, но которая одна давала такую мощь ея слову и такую силу ея рукѣ.

Духъ ея былъ настолько же могучъ, какъ и умъ. Ужасная работа непрерывной конспираціи при русскихъ условіяхъ, эта работа, истощающая, сожигающая, какъ на адскомъ огнѣ, самые сильные темпераменты, потому что безпощадный богъ Революціи требуетъ въ жертву не жизнь, не кровь своихъ служителей, — о, если бы онъ требовалъ только этого! — а лучшій сокъ ихъ нервовъ и мозга, душу ихъ души: энтузіазмъ, вѣру — иначе онъ отвергаетъ, отталкиваетъ ихъ презрительно, безжалостно, — эта ужасная работа не могла надломить душу Софіи Перовской.

Въ теченіе одиннадцати лѣтъ стоитъ она на бреши, присутствуя при огромныхъ потеряхъ и огромныхъ разочарованіяхъ, и все-таки вновь и вновь бросается она въ самую жестокую сѣчу. Она сумѣла сохранить въ груди нетронутою искру божественнаго огня. Ея стоицизмъ и суровый культъ долга были лишь мантіей, дѣлавшей ее похожей на античныхъ героевъ, а не мрачнымъ и унылымъ саваномъ, подъ которымъ благородныя и несчастныя души хоронятъ свои разбитыя вѣрованія и надежды. Не смотря на весь свой стоицизмъ, не смотря на видимую холодность, въ глубинѣ души она остается вдохновенной жрицей, потому что подъ ея сверкающей стальной броней все же билось сердце женщины. А женщины,—должно сознаться въ этомъ,— много-много богаче мужчинъ этимъ божественнымъ даромъ. Вотъ почему имъ прежде всего обязано русское революціонное движеніе своимъ почти религіознымъ пыломъ; вотъ почему, пока въ немъ останутся женщины, оно будетъ непобѣдимымъ.

* *
*

Софія Перовская была не только руководителемъ и организаторомъ: она первая шла въ огонь, жаждая наиболѣе опасныхъ постовъ. Это-то и давало ей, быть можетъ, такую власть надъ сердцами. Когда, устремивъ на человѣка свой пытливый взглядъ, проникавшій, казалось, въ самую глубину души, она говорила со своимъ серьезнымъ видомъ: пойдемъ! — кто могъ отвѣтить ей: не пойду?... Она сама шла съ увлеченіемъ, съ энтузіазмомъ крестоносца, идущаго на завоеваніе гроба Господня. Съ бою отнимаетъ она мѣсто хозяйки дома въ московскомъ подкопѣ у другой женщины-бойца Якимовой, требовавшей, чтобы оно было дано ей. Лишь послѣ долгаго сопротивленія соглашается она уступить мѣсто хозяйки сыроварни въ подкопѣ на Садовой. Когда въ московскомъ покушеніи участники рѣшаютъ оставить ее въ домѣ, чтобы слѣдить за прибытіемъ императорскаго поѣзда и дать сигналъ къ взрыву, прощаясь со своими товарищами по работѣ, покидавшими роковой домъ, она говоритъ, на-единѣ одному изъ нихъ, что „счастлива, очень счастлива“, что это порученіе выпало на ея долю.

Что же касается до рѣшительности и хладнокровія въ исполненіи, то трудно, а можетъ быть —и невозможно, найти слова, достаточно сильныя, чтобы выразить ихъ. Довольно вспомнить, что въ московскомъ покушеніи всѣ шесть или восемь мужчинъ-рабочихъ, которые, конечно, не были первыми встрѣчными, поручили именно Перовской воспламенить выстрѣломъ изъ револьвера бутылку съ нитроглицериномъ, чтобы взорвать все и всѣхъ, въ случаѣ, если бы полиція явилась ихъ арестовать.

Не будемъ говорить о ея роли въ дѣлѣ 1 марта, потому что это значило бы повторять то, что всѣмъ извѣстно.

Приведемъ, однако, одну подробность, о которой не могли знать газеты. Рѣшенія Исполнительнаго Комитета относительно предстоящаго покушенія должны были по необходимости ограничиться самыми общими чертами. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что, въ виду недостаточнаго изслѣдованія недавно изобрѣтенныхъ бомбъ Кибальчича, метальщиковъ рѣшено было употребить лишь въ видѣ резерва, на случай неудачи взрыва на Садовой, — и только въ крайнемъ случаѣ отдѣльно.

Подробности примѣненія этого плана были предоставлены Перовской, и когда, стоя на своемъ посту, она узнала, что царь направился новой дорогой, она поняла, что этотъ крайній случай наступилъ, и уже по собственной инціативѣ, какъ опытный полководецъ по глазомѣру, перемѣнила передъ лицомъ непріятеля фронтъ, выбрала новую позицію и быстро заняла ее своимъ резервомъ — метальщиками. Этому-то рѣшительному маневру и обязаны революціонеры своей побѣдой.

Прокуроръ, желая показать безсиліе Исполнительнаго Комитета, сказалъ, что лучшимъ доказательствомъ можетъ служить порученіе руководства предпріятіемъ такой важности слабой рукѣ женщины. Исполнительный Комитетъ, очевидно, понималъ лучше, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и Перовская доказала, что онъ не ошибся.

* * *

Она была арестована недѣлю спустя послѣ дѣла на Екатерининскомъ каналѣ, потому что ни за что не хотѣла покинуть столицу...

Спокойная и серьезная, безъ малѣйшей тѣни рисовки предстала она предъ судомъ, не думая объ оправданіи, ни о самовосхваленіи, — простая и скромная, какъ жила, возбудивъ удивленіе даже враговъ.

Въ краткой рѣчи она просила только не отдѣлять ее, какъ женщину, отъ прочихъ ея товарищей по дѣлу; и просьба эта была исполнена...

Шесть безконечныхъ дней казнь все откладывалась и откладывалась, хотя законный срокъ для кассаціи и просьбъ о помилованіи назначенъ всего въ три дня.

Какова была причина этого непонятнаго промедленія? Что дѣлалось въ это время съ осужденными?

Никому не извѣстно.

Слухи самые зловѣщіе упорно носились по городу. Увѣряли, что по азіатски-хитрому совѣту Лорисъ-Меликова, осужденные были подвергнуты пыткѣ, съ цѣлью вырвать у нихъ признанія,— не до суда, а послѣ него, потому что тогда никто уже больше не могъ услышать ихъ голоса.

Были ли то пустыя выдумки или чьи-нибудь нескромныя разоблаченія?

Никому не извѣстно.

Не имѣя прямыхъ и положительныхъ свидѣтельствъ, мы не хотимъ возводить подобныхъ обвиненій даже противъ нашихъ враговъ. Есть, однако, одинъ несомнѣнный фактъ, значительно усиливающій правдоподобность этихъ упорныхъ слуховъ: голосъ осужденныхъ, дѣйствительно, никѣмъ болѣе услышанъ не былъ.

Посѣщенія родныхъ, которыя по исконному гуманному обычаю дозволяются всѣмъ ожидающимъ смерти, упорно запрещались осужденнымъ, неизвѣстно по какой причинѣ и съ какою цѣлью. Правительство не постыдилось даже прибѣгнуть къ недостойнымъ уловкамъ, чтобы избавиться отъ докучливыхъ просителей.

Мать Софіи Перовской, обожавшая дочь, примчалась изъ Крыма по первому извѣстію о ея арестѣ. Она видитъ ее въ послѣдній разъ въ день приговора. Всѣ остальные пять дней, подъ тѣмъ

или другимъ предлогомъ, ее каждый разъ отсылали изъ дома Предварительнаго заключенія. Наконецъ, ей сказали, что она можетъ видѣть дочь утромъ 3 апрѣля.

Она пришла: но въ ту минуту, когда она подходила къ тюрьмѣ, ворота распахнулись, и она, дѣйствительно, увидѣла дочь,—но уже на роковой колесницѣ...

То былъ мрачный поѣздъ осужденныхъ къ мѣсту казни.

Не стану описывать отвратительныхъ подробностей этой бойни...

„Я присутствовалъ,—говоритъ корреспондентъ „Kölnische Zeitung",— на дюжинѣ казней на Востокѣ, но никогда не видалъ подобной живодерни (Schinderei)."

Всѣ осужденные умерли мужественно.

„Кибальчичъ и Желябовъ очень спокойны. Тимофей Михайловъ блѣденъ, но твердъ. Лицо Рысакова мертвенно-блѣдно. Софія Перовская высказываетъ поразительную силу духа. Щеки ея сохраняютъ даже розовый цвѣтъ, а лицо ея, неизмѣнно серьезное, безъ малѣйшаго слѣда чего-нибудь напускного, полно истиннаго мужества и безграничнаго самоотверженія. Взглядъ ея ясенъ и спокоенъ, въ немъ нѣтъ и тѣни рисовки...".

Все это говоритъ не революціонеръ, даже не радикалъ, а корреспондентъ той же „Kölnische Zeitung" (16 апрѣля 1881 г.), котораго никакъ нельзя заподозрить въ избыткѣ симпатій къ русскимъ „нигилистамъ".

Въ девять часовъ съ четвертью Софія Перовская была уже трупомъ...

Прилагаемъ, какъ драгоцѣнный документъ, единственное дошедшее до насъ письмо С. Перовской къ матери, писанное наканунѣ приговора съ цѣлью приготовить ее по возможности къ ужасному удару.

Вся Перовская со своей чистой душой отражается въ немъ. Не будемъ же портить его комментаріями.

„Дорогая моя, неоцѣненная мамуля! Меня все давитъ и мучитъ мысль, что съ тобой. Дорогая моя, умоляю тебя, успокойся, не мучь себя изъ-за меня, побереги себя ради всѣхъ окружающихъ тебя и ради меня также. Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встрѣчаю ее, такъ какъ давно знала и ожидала, что рано или поздно, а такъ будетъ. И право же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила такъ, какъ подсказывали мнѣ мои убѣжденія; поступать же противъ нихъ я была не въ состояніи; поэтому со спокойной совѣстью ожидаю все, предстоящее мнѣ. И единственно, что тяжелымъ гнетомъ лежитъ на мнѣ, это твое горе, моя неоцѣненная; это одно меня терзаетъ, и я не знаю, что бы я дала, чтобы облегчить его. Голубонька моя, мамочка, вспомни, что около тебя есть еще громадная семья, и малые, и большіе, для которыхъ для всѣхъ ты нужна, какъ великая своей нравственной силой. Я всегда отъ души сожалѣла, что не могу дойти до той нравственной высоты, на которой ты стоишь; но во всякія минуты колебанія твой образъ меня всегда поддерживалъ. Въ своей глубокой привязанности къ тебѣ я не стану увѣрять, такъ какъ ты знаешь, что съ самаго дѣтства ты была всегда моею самой постоянной и высокой любовью. Безпокойство о тебѣ было для меня всегда самымъ большимъ горемъ. Я надѣюсь, родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что я тебѣ причиняю, и не станешь меня сильно бранить: твой упрекъ—единственно для меня тягостный.

„Мысленно крѣпко и крѣпко цѣлую твои ручки, и на колѣняхъ умоляю не сердиться на меня. Мой горячій привѣтъ всѣмъ роднымъ. Вотъ и просьба

къ тебѣ есть, дорогая мамуля: купи мнѣ воротничокъ и рукавчики съ пуговками, потому запонокъ не позволяютъ носить, и воротничокъ поуже, а то нужно до суда нѣсколько поправить свой костюмъ: тутъ онъ очень разстроился. До свиданія же, моя дорогая, опять повторяю свою просьбу: не терзай и не мучь себя изъ-за меня: моя участь вовсе не такая плачевная, и тебѣ изъ-за меня горевать не стоитъ.

„Твоя Соня".

22 марта 1881 г.

ОЧЕРКИ
изъ
ЖИЗНИ РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

МОСКОВСКІЙ ПОДКОПЪ.

I

Отшельники.

На одной изъ окраинъ первопрестольной русской столицы, тамъ, гдѣ этотъ полуазіатскій городъ, не уступающій по величинѣ древнему Вавилону или Ниневіи, побѣжденный, наконецъ, пространствомъ, сливается съ огородами, садами и пустырями, которые со всѣхъ сторонъ облегаютъ Москву,—въ этой почти уже сельской части города стоитъ или по крайней мѣрѣ когда-то стоялъ ветхій одноэтажный домикъ съ мезониномъ, почернѣвшій отъ времени и полуразрушенный. Однако, хотя мы и въ столицѣ, это убогое обиталище не поражаетъ контрастомъ съ окружающими строеніями. Большинство сосѣднихъ домовъ имѣетъ такой же жалкій и дряхлый видъ, и весь этотъ кварталъ похожъ скорѣе на деревушку, затерявшуюся гдѣ-нибудь среди безбрежныхъ русскихъ полей, чѣмъ на предмѣстье одной изъ обширнѣй-

шихъ столицъ Европы. Лѣтомъ трава растетъ на его широкихъ улицахъ, похожихъ скорѣе на площади, гдѣ свободно могли бы маневрировать цѣлые эскадроны кавалеріи, а осенью, во время дождей, эти улицы превращаются сплошь въ болота и озера, въ которыхъ мирно плещутся стаи домашнихъ гусей и утокъ.

Тишина здѣсь мертвая. Движенія никакого. Рѣдко-рѣдко по досчатому тротуару раздаются шаги одинокаго пѣшехода, и, если онъ не принадлежитъ къ мѣстнымъ обывателямъ, кучка ребятишекъ непремѣнно повылѣзаетъ изъ подворотенъ и долго будетъ глазѣть ему вслѣдъ. Если же въ кои-то вѣки сюда случится заѣхать какому-нибудь захудалому „ванькѣ“, то всѣ эти зеленыя, голубыя, красныя рамы поспѣшно открываются и изъ оконъ высовываются головы любопытныхъ бабъ и дѣвушекъ, которыя никакъ не могутъ пропустить такого необыкновеннаго зрѣлища.

Всѣ обитатели этого укромнаго уголка знаютъ другъ друга, ибо всѣ они тутъ родились, тутъ же и выросли. Народъ они простой, патріархальный, ничего не знающій и не вѣдающій о современной культурѣ. Почти все это старовѣры — потомки тѣхъ, которые двѣсти лѣтъ тому назадъ возстали противъ никоновыхъ новшествъ и терпѣли и кнутъ, и дыбу, и костры, и Сибирь за двуперстный крестъ и сугубое аллилуія.

Но, не взирая на страшныя преслѣдованія, расколъ разлился, какъ извѣстно, широкимъ потокомъ по всей Россіи и прочно засѣлъ въ Первопрестольной. Преображенская и Рогожская части, получившія свое названіе отъ двухъ раскольничьихъ „кладбищъ“, могутъ быть названы столицами старовѣровъ, гдѣ тайно проживаютъ ихъ священники и епископы и собираются ихъ „вселенскіе“ соборы.

Правда, суета мірская начинаетъ проникать

даже въ эти послѣднія убѣжища древняго благочестія. Въ праздники по вечерамъ, когда старъ и малъ высыпаетъ на улицу, и старики располагаются, по восточному обычаю, на завалинкахъ своихъ домиковъ поболтать часъ-другой съ сосѣдями, теперь уже не рѣдкость встрѣтить молодого щеголя фабричнаго, съ гармоникой вмѣсто стародѣдовской балалайки въ рукахъ и въ жакеткѣ съ блестящими пуговицами, смѣнившей старинный длиннополый кафтанъ, не говоря о сапогахъ съ высокими каблуками, строго запрещенными правовѣрнымъ, какъ нѣмецкія выдумки.

Ходятъ даже слухи, что нѣкоторые изъ нихъ покуриваютъ тайкомъ, не страшась, такимъ образомъ, уподобиться самому дьяволу, который всегда изображается въ „Житіяхъ Святыхъ“ съ клубами дыма, выходящими изъ его нечистаго рта. Старики печально покачиваютъ головами, вздыхаютъ и говорятъ, что приближается конецъ міра, ибо оскудѣло древнее благочестіе.

Впрочемъ, хозяева домика съ мезониномъ, о которомъ мы упомянули выше, не принадлежатъ къ кореннымъ обитателямъ этого патріархальнаго уголка. Они поселились здѣсь очень недавно, но уже успѣли пріобрѣсти расположеніе сосѣдей, какъ люди добрые, простые, богобоязненные.

Семья состоитъ пока только изъ мужа съ женой, но они ожидаютъ со дня на день пріѣзда стариковъ-родныхъ.

Жена еще очень молодая женщина, но она прекрасная, домовитая хозяйка; мужъ—саратовскій мѣщанинъ, лѣтъ тридцати двухъ-трехъ, тоже человѣкъ хорошій и для своего возраста очень основательный. Повидимому, онъ также раскольникъ: табаку не куритъ, не брѣется, знаетъ грамоту. Правда, онъ носитъ сапоги съ каблучками и сюртукъ нѣмецкаго покроя. Но это, быть можетъ, только „страха ради іудейска“, или, пожалуй, по-

тому, что онъ принадлежитъ къ какой-нибудь сектѣ, допускающей подобныя вольности.

Было одно обстоятельство, превращавшее это пріятельское подозрѣніе въ совершенную увѣренность.

Семья, какъ уже сказано, состояла всего изъ двухъ человѣкъ. Между тѣмъ, не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ домѣ жило много: провизія закупалась въ такомъ количествѣ, что, какъ бы ни были ненасытны утробы богобоязненныхъ супруговъ, сами они никоимъ образомъ не могли потреблять всего. Къ тому-же, старухамъ-сосѣдкамъ случалось въ безсонницу слышать скрипъ воротъ и стукъ подъѣзжавшихъ къ загадочному домику извозчиковъ, привозившихъ, видно, кого-то издалека. Кто-бы это могъ быть? Навѣрное, „братья“,—таинственно сообщали другъ другу старожилы. Никто изъ нихъ, конечно, не обмолвится объ этомъ словомъ въ присутствіи городового, отъ котораго все должно быть шито и крыто.

И благочестивые рогожане не ошибались, предполагая, что тутъ дѣло не спроста.

Домъ, дѣйствительно, былъ занятъ цѣлой компаніей отшельниковъ — минеровъ по профессіи. Извозчики, подъѣзжавшіе сюда по ночамъ, привозили съ вокзала рабочихъ, динамитъ и орудія, необходимыя для взрыва.

Изъ этого домика велся Московскій подкопъ.

II.

Подкопъ.

Подкопъ подъ полотно Московско-Курской желѣзной дороги для взрыва царскаго поѣзда, начатый около половины сентября 1879 года и оконченный въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, былъ лишь

частью обширнаго плана пятерного покушенія, который предполагалось осуществить во время обратнаго путешествія Александра II изъ Крыма въ Петербургъ (считая только предпріятія, гдѣ употреблялся динамитъ).

Желѣзная дорога на пути слѣдованія поѣзда была минирована въ трехъ пунктахъ, — около Москвы, Александровска и около Одессы. Предполагалось, что на этотъ разъ будетъ удача. Однако, дѣло не удалось благодаря стеченію непредвидѣнныхъ случайностей. Оба одесскіе подкопа — одинъ подъ желѣзной дорогой, другой въ самомъ городѣ, на Итальянской улицѣ, по которой царь долженъ былъ ѣхать въ экипажѣ, пришлось бросить, такъ какъ онъ въ Одессу вовсе не поѣхалъ. Около Александровска, гдѣ покушеніе было организовано подъ руководствомъ Желябова и Окладскаго, взрывъ не послѣдовалъ, вслѣдствіе какихъ-то недостатковъ въ системѣ запаловъ. Хотя цѣпь была сомкнута въ надлежащій моментъ. императорскій поѣздъ прошелъ благополучно надъ пропастью, на дно которой онъ неминуемо долженъ былъ скатиться при малѣйшемъ толчкѣ. Два другихъ покушенія также потерпѣли неудачу. Попытка взорвать каменный мостъ въ Петербургѣ, организованная тѣмъ же Желябовымъ и Тетеркой, не удалась, потому что послѣдній не во время явился на мѣсто; что же касается попытки взорвать императорскую яхту въ Николаевѣ, предпринятой Логовенко, то она была открыта полиціей заранѣе, вслѣдствіе случайнаго обыска въ той самой квартирѣ, откуда была проведена проволока гальванической батареи, соединенной съ миной.

Только въ Москвѣ удалось, по крайней мѣрѣ, совершить покушеніе, хотя, казалось, здѣсь было всего меньше вѣроятія что-нибудь сдѣлать.

Домишка, который удалось купить, отстоялъ отъ желѣзнодорожной насыпи такъ далеко, что

землянныя работы были по-истинѣ египетскія. Требовалась масса людей, которыхъ скрывать было невѣроятно трудно въ виду усиленнаго полицейскаго надзора.

Не стану разсказывать подробностей предпріятія: ихъ можно найти въ журналахъ и газетахъ того времени. Укажу лишь на двѣ особенности, весьма характерныя не только для даннаго случая, но и вообще для дѣятельности русскихъ революціонеровъ.

Многіе думаютъ, что русскіе революціонеры располагаютъ громадными денежными средствами. Это большая ошибка, и московское покушеніе служитъ тому лучшимъ доказательствомъ. Террористическая борьба обходится такъ дорого, что нигилисты принуждены бѣгать, высунувъ языкъ, за каждой сторублевой бумажкой. Поэтому имъ приходится быть крайне экономными во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, хотя бы и на счетъ собственной безопасности.

Вся колоссальная работа по прорытію московскаго подкопа вмѣстѣ съ двумя другими желѣзнодорожными покушеніями, подготовлявшимися къ тому же ноябрю, обошлась всего отъ 30.000 до 40.000 рублей, включая сюда разъѣзды. Другія, менѣе крупныя предпріятія стоили еще дешевле. Попытка освобожденія Войнаральскаго, одного изъ осужденныхъ по процессу 193-хъ, во время его препровожденія изъ Петербурга въ Харьковскую централку, была не легкимъ дѣломъ. Пришлось купить пять лошадей, телѣгу, оружіе: нужно было содержать множество людей въ Петербургѣ, Москвѣ, Курскѣ и Харьковѣ, чтобы слѣдить за движеніями полиціи. Тѣмъ не менѣе, это предпріятіе, на основаніи точнѣйшихъ отчетовъ, доставленныхъ организаціи лицами, которымъ оно было поручено, обошлось въ 4.500 рублей съ чѣмъ-то. Стараясь сокращать по возможности расходы, тер-

рористы часто должны затыкать, такъ сказать, собственной шкурой трещины и прорѣхи, являющіяся результатомъ излишней экономіи. Такъ, въ Москвѣ къ концу работъ не хватило денегъ, и потому пришлось дѣлать заемъ подъ залогъ того самаго дома, изъ котораго рылся подкопъ. Но при закладѣ недвижимости всегда происходитъ осмотръ и оцѣнка закладываемаго имущества, при чемъ неизмѣнно присутствуютъ чины полиціи. Представляемъ каждому судить объ опасности подобной финансовой операціи.

Въ расходахъ по производству работъ экономія доводилась до послѣдней крайности. Сверлильную машину, напримѣръ, пріобрѣли только въ самое послѣднее время, когда уже люди дошли до полнаго изнеможенія. Вначалѣ же все дѣлалось простыми лопатами. А между тѣмъ, вслѣдствіе непрерывныхъ дождей, минная галлерея была всегда на-половину залита водой, которая просасывалась черезъ верхъ и собиралась на днѣ: приходилось копать, стоя на колѣняхъ въ водѣ, а иногда лежа въ пронизывающей до костей ледяной грязи. При этомъ ни у кого изъ рабочихъ не было непромокаемаго костюма, который предохранилъ бы ихъ отъ столькихъ страданій.

Для того, чтобы вести подкопъ въ надлежащемъ направленіи, употреблялись приборы и инструменты, съ которыми не сталъ бы работать ни одинъ саперъ. Не было ни астролябіи, ни компаса съ квадрантомъ. Приходилось довольствоваться обыкновеннымъ путевымъ компасомъ, употребляющимся для военныхъ съемокъ.

При помощи этого-то примитивнаго инструмента удалось болѣе или менѣе точно намѣтить главное направленіе подкопа, которое передавалось во внутрь галлереи при помощи простыхъ самодѣльныхъ отвѣсовъ.

Не смотря на все это, когда послѣ взрыва подкопъ былъ изслѣдованъ инженерами, оказалось, что онъ былъ сдѣланъ очень хорошо. Люди брали усердіемъ тамъ, гдѣ не хватало орудій для работы, а бодрое настроеніе духа поддерживало силы.

Глубоко ошибается тотъ, кто станетъ воображать себѣ это страшное сборище такимъ, какими обыкновенно рисуютъ заговорщиковъ на сценѣ. Всѣ собранія нигилистовъ отличаются необычайной простотой и полнѣйшимъ отсутствіемъ той помпы, которая такъ несвойственна русскому характеру вообще, а „нигилистамъ" въ особенности.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда людямъ приходится рисковать головою или прямо нести ее на плаху, все у насъ дѣлается просто, безъ малѣйшей тѣни риторики. Никакихъ одушевляющихъ рѣчей. Къ чему? Онѣ вызвали бы развѣ что улыбку, какъ вещь, совершенно неумѣстная. Публики при нашихъ засѣданіяхъ нѣтъ. Рисоваться не передъ кѣмъ. Собираются люди все свои, знающіе другъ друга вдоль и поперекъ. Къ чему же упражняться въ краснорѣчіи? Къ чему тратить время на разглагольствованія о томъ, что ясно, какъ божій день? Изрѣдка только какое-нибудь слово прозвучитъ горячимъ, страстнымъ тономъ, или искра энтузіазма блеснетъ въ чьемъ-нибудь взорѣ.

Не въ мѣру краснорѣчивые, ходульные герои, какими любятъ изображать „нигилистовъ" иностранные романисты, вызвали бы у насъ не энтузіазмъ, какъ это имъ приписывается, а подозрѣніе въ своей искренности и серьезности: извѣстно, что разъ собака залаетъ—она уже не укуситъ. Если бы на какой-нибудь изъ подобныхъ сходокъ, гдѣ рѣчь идетъ подчасъ о предпріятіяхъ самыхъ ужасныхъ, пришлось присутствовать человѣку, не понимающему по-русски, онъ легко могъ бы принять ее за мирное собраніе, на которомъ люди спокойно

и просто бесѣдуютъ о безобиднѣйшихъ вещахъ въ мірѣ.

Возвращаясь къ московскому подкопу, врядъ-ли можно преувеличить опасность, грозившую обитателямъ рокового дома. По русскимъ законамъ, въ случаѣ покушенія на жизнь царя, всѣ соучастники. безъ различія степеней, вплоть до тѣхъ, кто только зналъ объ этомъ и не донесъ, приговариваются къ смертной казни. Смерть висѣла надъ головами всѣхъ, работавшихъ въ подкопѣ, и по временамъ они уже чувствовали ея холодное дыханье и видѣли, і ъ она вотъ-вотъ готова настигнуть ихъ. Всего за нѣсколько дней до проѣзда императора полиція, по какому-то ничтожному поводу, посѣтила домъ. Землекоповъ успѣли спрятать въ подпольѣ, такъ что околоточный нашелъ только хозяевъ; все оказалось въ порядкѣ и не вызвало никакого подозрѣнія. А, вѣдь, достаточно было малѣйшаго замѣшательства, одной дрожащей нотки въ голосѣ, чтобы возбудить подозрѣніе и повести къ болѣе тщательному обыску, который открылъ-бы все.

Въ другихъ случаяхъ, какъ это видно изъ отчета о процессѣ 16-ти, приходилось отклонять любопытство богомольныхъ сосѣдей, что такъ искусно умѣла дѣлать Перовская.

Всѣ участники подкопа прекрасно знали, какая участь ждетъ ихъ въ случаѣ открытія: въ одномъ углу стояла бутылка съ нитроглицериномъ, которая должна была быть взорвана въ ту минуту, какъ полиція станетъ ломиться въ двери.

Однако, не взирая на всѣ опасности, самая искренняя веселость царила въ страшномъ домикѣ. За обѣдомъ, когда всѣ сходились вмѣстѣ, болтали и шутили, какъ ни въ чемъ не бывало. Чаще всѣхъ раздавался серебристый смѣхъ Софьи Перовской, хотя у нея-то въ карманѣ лежалъ заряженный револьверъ, которымъ она, въ случаѣ необходимости, должна была взорвать все и всѣхъ на воздухъ.

Одинъ изъ работниковъ сочинилъ даже что-то въ родѣ комической поэмы, въ которой описываются въ шутливомъ тонѣ всѣ превратности и злоключенія жизни въ подкопѣ.

Два побѣга.

I.

Однажды вечеромъ, въ половинѣ января 1880 года -точнаго дня не помню—нѣсколько жившихъ въ Женевѣ русскихъ эмигрантовъ собрались за стаканомъ чая у своего товарища Г***.

Собраніе было довольно многолюдно—человѣкъ въ семь или восемь—и довольно веселое, чтó рѣдко въ эмигрантскихъ собраніяхъ. Красавица Ревекка Г., наша хозяйка, сѣла за фортепьяно, на которомъ играла очень мило и выразительно, и спѣла нѣсколько украинскихъ пѣсенъ. Всѣ были возбуждены музыкой. Шутили, смѣялись. Главнымъ предметомъ разговоровъ было бѣгство изъ Сибири одного нашего товарища, о которомъ мы узнали какъ разъ въ этотъ день.

Когда были пересказаны всѣ дошедшія до насъ подробности этого побѣга и истощены всѣ замѣчанія, комментаріи, догадки и предположенія, наступила минута того мертваго, тупого молчанія, когда въ Россіи говорятъ: „Дуракъ народился“ или „тихій ангелъ пролетѣлъ“,— смотря по вкусамъ.

Тогда, подъ вліяніемъ разговоровъ о бѣгствѣ нашего товарища, мнѣ пришла въ голову мысль предложить присутствующимъ, въ числѣ которыхъ былъ Кропоткинъ и Бохановскій, разсказать другъ другу собственныя бѣгства. Почти у каждаго были свои приключенія, такъ что вечеръ обѣщалъ быть интереснымъ. Мое предложеніе было принято съ шумнымъ одобреніемъ.

Кропоткинъ долго отговаривался, утверждая, что ему уже столько разъ приходилось разсказывать про свое бѣгство, что оно надоѣло ему пуще горькой рѣдьки. Но мы такъ пристали къ нему, что онъ, наконецъ, долженъ былъ уступить.

„Твердое намѣреніе бѣжать во что бы то ни стало,—началъ онъ,—не покидало меня съ перваго дня моего ареста. Но если есть на свѣтѣ что-нибудь невозможное, такъ это бѣгство изъ Петропавловской крѣпости. Я строилъ планы или—лучше—воздушные замки, такъ какъ не могъ не сознавать самъ, до какой степени они фантастичны. Три года прошло такимъ образомъ. Тюрьма настолько разстроила мое здоровье, которое было всегда довольно слабымъ, что я не могъ почти ничего ѣсть и едва держался на ногахъ. Но, къ счастью, въ началѣ 1876 года меня перевели въ Николаевскій госпиталь. Въ нѣсколько мѣсяцевъ я тамъ значительно поправился, но употреблялъ всѣ силы, чтобы казаться умирающимъ. Я еле передвигалъ ноги, говорилъ чуть слышнымъ шепотомъ, какъ-будто мнѣ было трудно пошевельнуть языкомъ. Дѣло въ томъ, что мысль о побѣгѣ проснулась во мнѣ съ новой силой, а такъ какъ въ госпиталѣ надзоръ несравненно слабѣе, чѣмъ въ крѣпости, то нужно было сдѣлать все, чтобы остаться тамъ какъ можно дольше.

„Докторъ предписалъ мнѣ ежедневныя прогулки, и каждый день въ часъ пополудни меня выводили на большой госпитальный дворъ. Часовой съ ружьемъ ни на минуту не оставлялъ меня. Я началъ внимательно наблюдать за всѣмъ окружающимъ, имѣя въ виду все ту же неотступную мысль о побѣгѣ.

„Дворъ былъ великъ. Ворота, обыкновенно запертыя, были на этотъ разъ открыты, потому что въ эту пору (дѣло происходило въ іюлѣ) госпиталь запасался на зиму дровами. Но такъ какъ

9*

возка должна была кончиться въ недѣлю-двѣ, то у воротъ часового не поставили. Это было большое счастье.

„Я гулялъ въ глубинѣ двора какъ разъ насупротивъ воротъ. Часовой постоянно торчалъ возлѣ, держась между мною и воротами. Но такъ какъ я ходилъ медленнѣе черепахи, что, какъ извѣстно, утомляетъ здороваго человѣка больше самой быстрой ходьбы, то солдатъ прибѣгалъ къ слѣдующей уловкѣ: онъ ходилъ по линіи, параллельной моей, но шаговъ на пять ближе къ воротамъ. Такимъ образомъ, онъ могъ удлинить свой путь на десять шаговъ противъ моего, безъ всякой опасности для охраны, такъ какъ, находясь на каждомъ изъ концевъ своей линіи, онъ оставался на такомъ-же разстояніи отъ воротъ, какъ и я. Этотъ разсчетъ, который часовой, очевидно, дѣлалъ на глазъ, былъ совершенно вѣренъ теоретически. Но я соображалъ, что, когда мы оба бросимся бѣжать, солдатъ инстинктивно захочетъ схватить меня какъ можно скорѣй и потому бросится на меня, вмѣсто того, чтобы бѣжать прямо къ воротамъ и перерѣзать мнѣ дорогу. Такимъ образомъ, онъ сдѣлаетъ двѣ стороны треугольника, я же только одну.

„Итакъ, здѣсь преимущество было на моей сторонѣ. Я могъ разсчитывать добѣжать до воротъ раньше часового при равной быстротѣ бѣга. Правду сказать, я надѣялся бѣжать быстрѣе, но не былъ въ этомъ увѣренъ, такъ какъ все еще былъ очень слабъ.

„Если,—думалъ я,—у воротъ будетъ ждать меня экипажъ, въ который было бы легко вскочить, то, можетъ быть и убѣгу.

„Когда я собирался послать друзьямъ письмо съ первымъ абрисомъ плана, я получилъ отъ нихъ записку, гдѣ говорилось, что и они задумываютъ нѣчто подобное-же.

„Началась переписка. Не стану разсказывать планы и проекты, которые предлагались и отбрасывались: ихъ была такая масса!—Предстояло разрѣшить нѣсколько вопросовъ: войдетъ-ли кто-нибудь изъ нашихъ во дворъ, какъ предлагали нѣкоторые, чтобы остановить такъ или иначе часового? Гдѣ будетъ стоять экипажъ: у воротъ или у угла госпиталя, гдѣ не будетъ такъ бросаться въ глаза? Будетъ-ли тамъ сидѣть кто-нибудь изъ своихъ кромѣ кучера?

„Я предложилъ планъ самый простой и естественный, который и былъ, наконецъ, принятъ. Во дворъ никто входить не будетъ. Экипажъ будетъ ждать меня у самыхъ воротъ, такъ какъ я чувствовалъ себя слишкомъ слабымъ, чтобы бѣжать до угла. Одинъ изъ моихъ близкихъ друзей, покойный Орестъ Веймаръ, предложилъ сидѣть тамъ за барина, чтобы, если понадобится, помочь мнѣ влѣзть скорѣе, а главное, чтобы одѣть меня лишь только я вскочу, потому что бѣжать мнѣ приходилось въ одномъ бѣльѣ.

„Въ госпиталѣ намъ ничего не давали кромѣ длиннаго больничнаго халата. Это былъ неуклюжій балахонъ, широкій, неудобный и до такой степени длинный, что, гуляя, я долженъ былъ носить на рукѣ свой собственный хвостъ. Бѣжать въ такомъ нарядѣ нечего было и думать. Необходимо было скинуть его, прежде чѣмъ броситься къ воротамъ, но нужно было сдѣлать это съ быстротой молніи, потому что одна секунда могла погубить все. Въ теченіе многихъ дней упражнялся я въ своей камерѣ, изучая наилучшій способъ исполнить эту операцію.

„Я нашелъ, что для того, чтобы совершить ее съ наибольшей быстротой, необходимо раздѣлить ее на три элементарныя движенія, какъ это дѣлаютъ солдаты при ружейныхъ пріемахъ: разъ, два, три.

„Оставалось самое трудное—выборъ момента.

Это, очевидно, зависѣло отъ состоянія улицъ, по которымъ намъ нужно было проѣзжать. Обозъ съ дровами, полицейскій патруль, верховой касакъ— все это могло погубить дѣло, тѣмъ болѣе, что улицы, по которымъ приходилось проѣзжать, были очень узки и извилисты. Итакъ, слѣдовало внимательно наблюдать за всей линіей пути, увѣдомивъ меня, когда она свободна отъ всякихъ препятствій. Съ этою цѣлью въ четырехъ различныхъ пунктахъ были поставлены часовые. Пятый часовой, получая сигналы отъ четырехъ предыдущихъ, долженъ былъ дать рѣшительный сигналъ мнѣ. Для послѣдняго сигнала выбрали красный воздушный шаръ, какіе покупаются для дѣтей. Онъ долженъ былъ взлетѣть на воздухъ изъ-за высокой госпитальной стѣны, за которой стоялъ часовой.

„Съ своей стороны я предложилъ поставить немного подальше шестого часового у наружнаго конца одного изъ маленькихъ переулковъ, потому что по моимъ разсчетамъ этотъ узкій переулокъ былъ такой длины, что возъ, въѣхавшій въ него въ моментъ, когда нашъ экипажъ тронется, неминуемо загородилъ бы намъ дорогу: онъ не успѣлъ бы добраться до конца переулка, пока мы проѣзжали бы нашъ путь отъ воротъ госпиталя до головы того же переулка. Но такъ какъ людей было мало, то этотъ шестой часовой поставленъ не былъ.

„Въ назначенный день я отправился на гулянье сильно возбужденный и полный надеждъ. Но смотрю, смотрю на то мѣсто стѣны, откуда долженъ былъ взлетѣть шаръ — ничего! Прогулка моя близится уже къ концу — ничего! Вотъ она кончилась, а съ нею кончились и всѣ мои надежды. При той впечатлительности, какая свойственна всѣмъ заключеннымъ, я строилъ предположенія одно мрачнѣе другого и не сомнѣвался ни минуты, что все погибло безвозвратно.

„На самомъ же дѣлѣ оказалось, что это былъ сущій вздоръ. По какой-то странной случайности наши не могли найти краснаго воздушнаго шара ни въ одной изъ игрушечныхъ лавокъ, которыя обѣгали за это утро. Всюду оказывались только шары бѣлые и синіе, которыхъ наши брать не хотѣли и совершенно справедливо, потому что при сигналахъ не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ допускать измѣненій, хотя бы и самыхъ ничтожныхъ. Они побѣжали второпяхъ въ гутаперчевый магазинъ, купили красный резиновый пузырь и наполнили его газомъ собственнаго приготовленія. Но сдѣланный такимъ образомъ воздушный шаръ оказался до такой степени сквернымъ, что когда часовой выпустилъ шнурокъ, шаръ вмѣсто того, чтобы взвиться къ облакамъ, поднялся всего на нѣсколько аршинъ и упалъ на землю, не достигнувъ королька госпитальной стѣны. Часовой въ бѣшенствѣ схватилъ шаръ и попробовалъ бросить его вверхъ прямо рукою. Но это удалось ему еще менѣе.

„Этой-то случайности обязанъ я столькими часами мученій и вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ спасеніемъ, потому что какъ разъ въ ту самую минуту, когда выпущенъ былъ шаръ, обозъ съ дровами выѣзжалъ въ тотъ длинный переулокъ, гдѣ не было поставлено часового. Онъ загородилъ бы намъ дорогу, и все погибло бы безъ малѣйшаго сомнѣнія.

„Произошелъ перерывъ для переписки о необходимыхъ измѣненіяхъ. Новый часовой былъ, разумѣется, поставленъ у наружнаго конца длиннаго переулка. Но это потребовало видоизмѣненія всего плана, потому что не было возможности видѣть сигналы всѣхъ пятерыхъ часовыхъ, стоя за стѣной, откуда слѣдовало дать мнѣ окончательный сигналъ. Приходилось либо ввести прибавочныхъ часовыхъ для простой передачи сигналовъ, либо измѣнить окончательный сигналъ.

„Было выбрано послѣднее.

„Одинъ изъ нашихъ нанялъ комнату въ третьемъ этажѣ насупротивъ госпиталя. Изъ ея оконъ можно было видѣть не только всѣхъ пятерыхъ часовыхъ, но и дворъ, на которомъ я гулялъ. Для подачи сигналовъ должна была служить скрипка, на которой нашъ товарищъ долженъ былъ играть, когда всѣ сигналы были благопріятны, прекращая музыку каждый разъ, когда одинъ изъ нихъ становился неблагопріятнымъ. Этотъ способъ представлялъ еще ту выгоду, что указывалъ цѣликомъ все время удобное для бѣгства, представляя мнѣ самому выборъ наиболѣе благопріятнаго момента.

„Въ первый день, когда все было готово, и экипажъ ждалъ меня у воротъ, уже я самъ заставилъ друзей провести нѣсколько скверныхъ минутъ: болѣзнь моя усилилась, и я чувствовалъ себя до такой степени слабымъ, что не рѣшался на окончательную попытку. Поэтому я вовсе не вышелъ гулять, и наши думали, что полиція что-нибудь открыла и потому меня не вывели на дворъ.

„Два дня спустя я отправился и рѣшился воспользоваться этимъ промежуткомъ въ моей болѣзни.

„Я приготовилъ все: подвязалъ башмаки, подрѣзалъ кое-гдѣ халатъ, чтобы легче его сбросить, однимъ словомъ—все.

„Меня повели гулять. Лишь только я вышелъ во дворъ, тотчасъ-же слышу скрипку. Музыка продолжалась минутъ пять, но я не хотѣлъ воспользоваться этимъ первымъ удобнымъ временемъ, потому что инстиктивно вначалѣ надзоръ всегда немного внимательнѣе. Но вотъ скрипка замолкаетъ: минуты двѣ спустя нѣсколько повозокъ съ дровами въѣзжаетъ на дворъ. Скрипка заиграла снова.

„На этотъ разъ я рѣшилъ воспользоваться минутой. Я взглянулъ на часового: онъ шелъ по

своей обычной линіи въ пяти шагахъ разстоянія между мной и воротами. Взглянулъ я и на его ружье. Оно было заряжено, я это зналъ. Выстрѣлитъ или нѣтъ? Вѣроятно, нѣтъ, потому что, будучи на такомъ маломъ разстояніи, онъ будетъ все надѣяться поймать меня. Штыкъ былъ опаснѣе въ случаѣ, если въ этомъ отчаянномъ бѣгѣ силы измѣнятъ мнѣ. Но разсчетъ мой былъ сдѣланъ и на этотъ случай. Если я останусь въ тюрьмѣ, то вѣдь умру навѣрное.—„Теперь или никогда!“—проговорилъ я про себя. Хватаю халатъ: разъ!...

„Но вдругъ скрипка замолкла.

„Я опустилъ руки и почувствовалъ такую усталость, точно поднялъ большую тяжесть.

„По одному изъ переулковъ прошелъ полицейскій обходъ. Но черезъ минуту скрипка заиграла снова.

„Ну, теперь уже пора!

Часовой дошелъ до конца своей линіи. Я за халатъ: разъ два, три. Халата какъ не бывало, и я стрѣлой къ воротамъ... Крикъ, гиканье часового раздается за моей спиной. Онъ кинулся хватать меня, какъ я предвидѣлъ, вмѣсто того, чтобы бѣжать къ воротамъ на-перерѣзъ, и далъ мнѣ такимъ образомъ шага два впередъ. Но я былъ такъ слабъ, что наши съ замираніемъ сердца смотрѣвшіе сверху на эту бѣшеную гонку, говорили, что часовой былъ въ трехъ шагахъ разстоянія отъ меня, и что штыкъ, который онъ совалъ впередъ, чуть-чуть не касался меня.—Ничего этого я не видѣлъ. Я слышалъ только его дикіе крики и также крики погонщиковъ, складывавшихъ дрова въ глубинѣ двора.

„Подбѣжавъ къ воротамъ, я увидѣлъ дрожки, но въ первую минуту меня взяло сомнѣніе—наши ли это, потому что я не могъ узнать моего пріятеля въ офицерѣ, сидѣвшемъ въ нихъ. Чтобы

заставить его обернуться, я хлопнулъ въ ладоши, къ большому удивленію нашихъ, слѣдившихъ за всей сценой и принявшимъ это за выраженіе радости! Офицеръ оборачивается, я узнаю его и въ ту же секунду я уже въ дрожкахъ. Лошадь понеслась съ быстротой вѣтра, и я чувствую на своихъ плечахъ военную николаевскую шинель, которую мой пріятель держалъ наготовѣ вмѣстѣ съ офицерской фуражкой.

„Въ госпиталѣ, какъ я узналъ потомъ, произошелъ невообразимый переполохъ. Караульный офицеръ со всѣмъ карауломъ выбѣжалъ на крикъ часового, и, узнавъ въ чемъ дѣло, потерялъ окончательно голову, рвалъ на себѣ волосы, повторяя:

„—Я пропалъ, я пропалъ! Бѣгите, ловите его, ловите!

„Но онъ былъ неспособенъ отдать ни малѣйшаго приказанія. Одинъ изъ нашихъ, сигнальщикъ, тотъ самый, который игралъ на скрипкѣ, поспѣшно сбѣжалъ внизъ и, подойдя къ офицеру, сталъ сокрушаться съ нимъ вмѣстѣ объ его участи, спрашивая: что случилось? кто бѣжалъ? какъ? куда? и т. п., и офицеръ, внѣ себя отъ отчаянія, отвѣчалъ ему, теряя такимъ образомъ драгоцѣнное время.

„Одна старуха дала было ужасный совѣтъ:

„— Да что—сказала она,—покружатъ, покружатъ, да и выѣдутъ на Невскій. Это ужъ навѣрняка. Отпрягите лошадей вонъ отъ конки (у госпиталя какъ разъ стояла конка) и скачите имъ на-перерѣзъ. Чего же проще!

„И мы, дѣйствительно, такъ именно ѣхали. Къ счастью, совѣту проницательной вѣдьмы никто не послѣдовалъ“.

II.

Когда Кропоткинъ кончилъ свой разсказъ, наступилъ чередъ Ивана Бохановскаго, прозваннаго казакомъ, потому что, будучи родомъ изъ Украйны, онъ, дѣйствительно, походилъ на старинныхъ казаковъ этой земли по своей храбрости, ничѣмъ ненарушимому хладнокровію, а также и по своей молчаливости.

Всѣ обратились къ нему. Онъ вынулъ изо рта свою маленькую деревянную трубку.

— Да право же мнѣ нечего разсказывать, — воскликнулъ онъ.—Михайло пришелъ, взялъ насъ и вывелъ, вотъ и все.

— Нѣтъ, нѣтъ,—накинулись на него мы,—разсказывай все по порядку.

Казакъ, видя, что ему никакъ не увернуться, медленно набилъ свою трубку съ видомъ человѣка, собирающагося въ дальній путь, зажегъ ее, попробовалъ хорошо-ли тянетъ и началъ свой разсказъ, содержавшій въ себѣ, быть можетъ, больше словъ, чѣмъ онъ произносилъ за полгода.

„Михайло", сказалъ онъ,—„поступилъ въ тюрьму мѣсяца за два до нашего бѣгства. Нелегкое было дѣло ввести его туда. Но, наконецъ, ему удалось поступить на службу въ тюремный замокъ съ фальшивымъ паспортомъ Фоменко, сперва—чернорабочимъ, потомъ—сторожемъ.

„Здѣсь своимъ усердіемъ въ исполненіи обязанностей и безупречнымъ поведеніемъ ему удалось заслужить такое расположеніе всего начальства, что черезъ мѣсяцъ онъ уже былъ произведенъ въ ключники въ корридорѣ уголовныхъ.

„Чтобы дать смотрителю блестящее доказательство своихъ прекрасныхъ душевныхъ качествъ, Михайло, по совѣту Стефановича, отправился однажды къ нему съ доносомъ, тѣмъ временемъ какъ Стефановичъ у себя въ клѣткѣ нарочно писалъ какую-то пустую записку.

„— Ваше благородіе, — сказалъ Михайло, — у насъ неблагополучно.

„— Что такое?—испугался смотритель.

„— Кто да кто? спросилъ смотритель.

„— Стефановичъ.

„— Ну и пускай себѣ пишетъ,—сказалъ смотритель, махнувъ рукою.

Слѣдуетъ сказать, что въ то время въ кіевской тюрьмѣ положеніе политическихъ арестантовъ было совсѣмъ особое. Террорь, поражавшій въ первое время низшихъ чиновниковъ, наполнилъ Кіевъ такимъ паническимъ страхомъ, что всѣ, начиная съ прокурора и кончая тюремнымъ смотрителемъ, плясали передъ нами на заднихъ лапкахъ, потому что боялись быть убитыми по первому нашему знаку. Вотъ почему, узнавъ, что пишущій не кто иной какъ Стефановичъ, котораго боялись больше всѣхъ, смотритель не хотѣлъ дѣлать у него обыска. Но съ этого дня Михайло покорилъ себѣ сердце своего начальника.

„Намъ, политическимъ, чтобы по возможности не раздражать насъ, смотритель назначилъ въ ключники нѣкоего Никиту, отличнаго человѣка, добраго, какъ ягненокъ. Однако, нужно было отдѣлаться отъ него во что бы то ни стало, потому что на его мѣсто почти навѣрное попалъ-бы Михайло.

„Но добиться смѣны Никиты было дѣло не легкое. Этотъ добрякъ никогда не дѣлалъ намъ ни малѣйшей обиды. Тогда мы принялись нахально взводить на него всякую напраслину, жаловались на него смотрителю, который бранилъ его, угрожалъ, хотя тотъ не былъ виноватъ ни душой, ни тѣломъ. Но нашъ Никита, вмѣсто того, чтобы обозлиться на насъ и совершить какую-нибудь неосторожность, какъ мы надѣялись, переносилъ все съ кротостью, повторяя;

„— Христосъ терпѣлъ, буду терпѣть и я.

„Мы были просто въ отчаяніи. Наконецъ Вале-

ріанъ Осинскій, организовавшій наше бѣгство извнѣ, догадался пойти въ трактиръ, куда ходилъ Никита, и, какъ будто случайно познакомившись съ нимъ, сказалъ, что ищетъ конторщика для сахарной фабрики въ деревнѣ. Условія были выгодныя и Никита попался на удочку. Получивъ деньги на дорогу и мѣсяцъ платы впередъ, онъ оставилъ службу въ тюремномъ замкѣ, потому что нужно было ѣхать тотчасъ-же. Но тутъ случилась какая-то задержка, потомъ другая, третья, пока не совершилось наше бѣгство и тогда ему вернули его паспортъ съ запиской, что, молъ, теперь отъ него больше ничего не нужно. Почему,—онъ, конечно, самъ догадался.

„Когда его мѣсто освободилось, смотритель пришелъ къ Стефановичу и Дейчу поговорить съ ними по-дружески относительно его замѣстителя.

„— Неправда-ли, Фоменко (Михайло) человѣкъ для этого подходящій?

„Стефановичъ сдѣлалъ гримасу и пробормоталъ сквозь зубы:

„— Шпіонъ, какъ кажется.

„— Что вы! Онъ отличный человѣкъ, защищалъ его смотритель.

„Михайло былъ назначенъ ключникомъ въ коридорѣ политическихъ.

„Самое важное было сдѣлано, но еще не все. Михайло могъ отворить намъ двери нашихъ клѣтокъ, но какъ выйти вчетверемъ изъ тюрьмы, окруженной военнымъ карауломъ?

„Однако, нельзя было терять ни минуты времени. Положеніе Михайлы было въ высшей степени опасно. Тюрьма была биткомъ набита политическими всѣхъ сортовъ и категорій, начиная съ молодыхъ людей, взятыхъ по легкому подозрѣнію, и кончая революціонерами, серьезно скомпрометированными. Народъ былъ самый разнообразный и многіе узнали Михайлу, такъ какъ сталкивались

съ нимъ раньше. Прямого доноса бояться было, конечно, нечего, потому что Михайло, будучи уже много лѣтъ нелегальнымъ, вращался только въ средѣ своихъ. Но кто могъ гарантировать противъ незлонамѣренной болтовни, особенно въ такомъ пикантномъ случаѣ.

„Мы сидѣли, какъ на угольяхъ.

„Нужно было воспользоваться поскорѣе выгоднымъ положеніемъ, которымъ мы были обязаны Михайлѣ, и потому, лишь только онъ освоился со своей новой должностью, мы назначили ночь для побѣга.

„Выйти изъ тюрьмы всего проще было переодѣвшись часовыми, которые уходятъ со смѣны. Михайло досталъ для двухъ изъ насъ солдатскіе костюмы, но два другихъ должны были идти въ чемъ были. На всѣхъ четырехъ была всего одна шапка, но мы рѣшились не откладывать дальше.

„Вечеромъ назначеннаго дня Михайло принесъ намъ солдатскіе костюмы. Мы переодѣлись, подѣлавъ изъ оставляемаго платья чучела и положили ихъ въ постели, чтобы утромъ, взглянувъ въ окошечко, сторожа подумали, будто мы спимъ.

„Въ полночь Михайло пришелъ за нами. Но тутъ случилось неожиданное препятствіе. Дежурный сторожъ, обязанный не спать всю ночь, пришелъ какъ разъ въ нашъ корридоръ, не показывая ни малѣйшаго желанія уходить.

„Тогда Стефановичъ выронилъ, какъ будто нечаянно, расшитую книгу въ садъ. Упавши, она разсыпалась по землѣ, и Стефановичъ обратился къ Михайлѣ съ просьбой тотчасъ-же принести ее. Михайло отправилъ за ней сторожа и пока тотъ собиралъ листы, мы безъ шума вышли изъ клѣтокъ и направились къ выходу.

„Когда мы проходили по нижнему корридору, случилась ужасная вещь: тамъ висѣла веревка колокола, въ который звонили тревогу. Проходя у

самой стѣны, въ глубокой темнотѣ, я нечаянно споткнулся. Вытягиваю инстинктивно руки впередъ, чувствую что-то касается моихъ пальцевъ, хватаюсь, чтобы не упасть и вдругъ громкій звонъ оглашаетъ всю тюрьму. Эта была веревка сигнальнаго колокола!... Ужасъ, позоръ, комизмъ нашего несчастія, какъ молнія мелькнули передъ моими глазами. Мы были увѣрены, что все погибло. Уже слышенъ былъ въ корридорѣ шумъ часовыхъ, торопливо встававшихъ солдатъ. Но Михайло не растерялся. Онъ велѣлъ попрятаться кто куда можетъ, а самъ побѣжалъ въ кордегардію сказать, что веревку нечаянно зацѣпилъ онъ. Понемногу все стихло. Но тутъ случилась новая бѣда: такъ какъ мы попрятались куда попало, то выходя, чуть-чуть не заблудились въ темнотѣ. Михайло долженъ былъ довольно долго бѣгать изъ конца въ конецъ, чтобъ собрать насъ снова въ кучу.

„Наконецъ, мы опять выстроились въ два ряда и пошли дальше. Осталось однако самое трудное: пройти сквозь тюремныя ворота мимо сторожа и часового. Но это удалось намъ какъ нельзя лучше. На крикъ Михайлы сторожъ подалъ намъ ключи отъ калитки, а часовой, стоявшій въ будкѣ не обратилъ вниманія ни на нашъ странный костюмъ, ни на неурочный часъ нашего выхода, такъ какъ новая смѣна еще не входила.

„Не успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ точно изъ подъ земли выростаетъ передъ нами черная фигура въ офицерской шапкѣ. Но шинель распахнулась и мы увидѣли прекрасную голову Валеріана Осинскаго, который весь сіяя, протягивалъ намъ обѣ руки. Онъ ждалъ насъ съ повозкой, которая отвезла насъ къ берегу Днѣпра: тамъ колыхалась лодка, приготовленная къ долгому путешествію и наполненная всевозможными припасами.

„Минуту спустя мы плыли по срединѣ широкой

рѣки, направляясь къ югу. Это водное путешествіе продолжалось съ недѣлю. На ночь мы вытягивали лодку въ кусты, растущіе по берегамъ, и ложились отдохнуть на нѣсколько часовъ. Днемъ мы гребли, что есть мочи, и если случалось завидѣть на горизонтѣ дымъ парохода, прятались въ высокіе камыши, окаймляющіе Днѣпръ.

„Прибывъ въ Кременчугъ, мы застали тамъ Валеріана Осинскаго, пріѣхавшаго по желѣзной дорогѣ съ паспортами и всѣмъ нужнымъ.

„Отъ него мы узнали, что въ Кіевѣ все перевернули вверхъ дномъ, отыскивая насъ, такъ какъ полиція была увѣрена, что мы прячемся въ городѣ.

„Что же касается тюрьмы, то тамъ наше бѣгство было замѣчено только поздно утромъ. Видя, что съ нами вмѣстѣ пропалъ и Михайло, никто не догадался, въ чемъ дѣло. Довѣріе, которое онъ сумѣлъ внушить къ себѣ, было таково, что смотритель и всѣ служащіе были увѣрены, что мы убили его, чтобы имѣть возможность бѣжать, и повсюду напрасно искали его трупъ.

„Только когда стали провѣрять его паспортъ, и оказалось, что онъ фальшивый, всѣ поняли непонятную до тѣхъ поръ тайну нашего исчезновенія.

„Смотритель нѣсколько дней ходилъ какъ сумасшедшій и только и твердилъ:

„— А ларчикъ просто открывался!...“

Такъ кончилъ свою рѣчь казакъ. Другіе говорили послѣ него, но такъ какъ ихъ приключенія мало интересны, а мѣста у насъ немного, то передавать ихъ разсказовъ не будемъ.

Укрыватели.

Мы снова въ Петербургѣ. Время было трудное. Полиція преслѣдовала меня по пятамъ. Уже два раза мнѣ пришлось перемѣнить квартиру и паспортъ.

Но я не могъ уѣхать куда-нибудь въ провинцію, такъ какъ у меня на рукахъ было дѣло, котораго некому было передать. Къ тому-же мнѣ жаль было покинуть этотъ чудный городъ, съ его нервной, кипучей жизнью, подъ спокойною, холодною внѣшностью.

Я надѣялся, что травля, которой періодически подвергается почти каждый нелегальный, постепенно прекратится, и что мнѣ можно будетъ переждать бурю и отсидѣться, не прибѣгая къ помощи „укрывателей".

Но что такое „укрыватели"?

Это обширный классъ людей всевозможныхъ положеній, отъ аристократовъ и всякаго рода тузовъ, до мелкихъ чиновниковъ, включая сюда и служащихъ въ полиціи, которые, сочувствуя революціоннымъ идеямъ, не принимаютъ по разнымъ причинамъ активнаго участія въ борьбѣ, но пользуются своимъ общественнымъ положеніемъ, чтобы скрывать у себя, въ случаѣ надобности, какъ опасныхъ людей, такъ и опасныя бумаги. Потребовалась бы цѣлая книга, чтобы описать подробно этотъ оригинальный въ своемъ родѣ мірокъ, довольно многочисленный и, пожалуй, гораздо болѣе пестрый, чѣмъ міръ настоящихъ революціонеровъ. Разскажу кое-что о тѣхъ изъ укрывателей, съ которыми мнѣ пришлось столкнуться въ описываемые дни.

I.

Я сидѣлъ за утреннимъ чаемъ, когда ко мнѣ въ комнату вошелъ „Дворникъ",—не настоящій дворникъ, а одинъ изъ милѣйшихъ и наиболѣе дѣятельныхъ членовъ нашего кружка и мой большой пріятель,—Александръ Михайловъ, получившій въ шутку кличку „Дворника" за то, что усердно блюлъ за исполненіемъ нами всѣхъ правилъ предосторожности, предписанныхъ нашимъ уставомъ.

— Что случилось?—спросилъ я, предлагая ему чашку чаю. Я зналъ прекрасно, что „Дворникъ" не явился бы ко мнѣ безъ дѣла.

— За тобой сильно слѣдятъ,—отвѣтилъ онъ.— Необходимо положить этому конецъ. Я пришелъ препроводить тебя въ безопасное мѣсто.

Я такъ и думалъ. Но такъ какъ всякому хочется остаться по возможности дольше на свободѣ, я сдался не сразу и попросилъ у своего гостя объясненій.

Прихлебывая чай, онъ сталъ излагать результаты своихъ наблюденій. Отъ времени до времени я задавалъ ему маленькіе вопросы, чтобы составить себѣ надлежащее понятіе о степени угрожавшей мнѣ опасности. Жизнь революціонера такъ переполнена ею, что, если обращать вниманіе на всякую мелочь, то ужъ лучше сразу покончить съ собой. Собственно говоря, ничего особеннаго не было и въ данномъ случаѣ. За мной, правда, слѣдили, но все еще могло обойтись благополучно, и, явись ко мнѣ вмѣсто „Дворника" кто-нибудь другой, я бы запротестовалъ и, вѣроятно, остался бы на своей квартирѣ еще нѣсколько времени. Но „Дворникъ" шутить не любилъ, и послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ сопротивленія, я принужденъ былъ сдаться.

— Куда же ты меня поведешь?—спросилъ я.

— Къ Буцефалу.

Этого только не доставало! Я тяжело вздохнулъ при мысли о предстоявшей мнѣ горькой участи. „Буцефалъ" былъ нѣкій коллежскій совѣтникъ Таракановъ [1]), служившій по министерству внутреннихъ дѣлъ. Онъ былъ прозванъ „Буцефаломъ", потому что, подобно коню Александра Македонскаго, пугался своей собственной тѣни.

---

[1]) Имена и нѣкоторыя подробности въ этомъ разсказѣ измѣнены по понятнымъ причинамъ.

Онъ былъ труслив, какъ заяцъ, и боялся рѣшительно всего. Онъ боялся подойти къ открытому окну, опасаясь сквозника; не ѣздилъ на пароходѣ, боясь утонуть; не ѣлъ никогда рыбы, боясь подавиться; не женился, изъ страха измѣны.

Но, будучи горячимъ поклонникомъ Чернышевскаго, онъ всей душой сочувствовалъ революціонному движенію и, зная лично многихъ изъ революціонеровъ, охотно бралъ на себя роль „укрывателя" и, надо сказать, былъ однимъ изъ надежнѣйшихъ. Его общественное положеніе, а еще больше его всѣмъ извѣстная робость, устранявшая малѣйшее подозрѣніе въ склонности къ „потрясенію основъ", дѣлала его квартиру совершенно безопасной.

Таракановъ зналъ отлично, что ему ничто не угрожаетъ, но тѣмъ не менѣе считалъ необходимымъ всегда принимать строжайшія мѣры предосторожности и всюду видѣлъ шпіоновъ. Легко вообразить себѣ, насколько пріятна была участь тѣхъ, кто попадалъ подъ опеку подобнаго аргуса.

Я замѣтилъ „Дворнику", что, пожалуй, лучше было бы обождать вечера, когда шпіоны, которыхъ онъ видѣлъ возлѣ моей квартиры, поуходятъ. Но онъ отвѣтилъ лаконическимъ „нѣтъ", присовокупивъ, что за шпіоновъ онъ отвѣчаетъ.

Дѣлать было нечего. По окончаніи чаепитія, мы приступили къ „очисткѣ" квартиры, т. е. къ уничтоженію всего, чѣмъ такъ или иначе жандармы могли бы воспользоваться. Затѣмъ я вызвалъ хозяйку и сказалъ, что отправляюсь на короткое время въ деревню, что напишу ей въ случаѣ, если мнѣ тамъ придется остаться. Мы вышли.

Едва успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ я увидѣлъ у окна одного магазина двухъ молодцовъ, пристально разглядывавшихъ выставленные въ витринѣ товары. Дворникъ мотнулъ головой въ ихъ сторону: — они, молъ; затѣмъ дер-

нулъ впередъ подбородкомъ, что означало, что намъ не мѣшаетъ прибавить шагу.

Началась гонка, — явленіе мало интересное, чтобы его стоило описывать, и слишкомъ обычное въ жизни революціонера, чтобы смущаться имъ, — въ особенности въ компаніи съ такимъ опытнымъ охотникомъ, какъ мой спутникъ.

„Дворникъ", какъ говорится, собаку съѣлъ почасти всего, что относилось къ войнѣ съ полиціей и шпіонами. Въ этой области онъ обладалъ обширными свѣдѣніями, добытыми путемъ продолжительнаго и неутомимаго изученія. Нанявши разъ квартиру напротивъ дома начальника тайной полиціи, онъ долгое время посвящалъ цѣлые дни наблюденіямъ надъ всѣми входящими и выходящими оттуда, и потому зналъ въ лицо изрядное количество петербургскихъ шпіоновъ. Онъ тщательно изучилъ ихъ ухватки и распредѣлилъ ихъ по характеру, манерѣ слѣдить, и т. п., и могъ поразсказать обо всемъ этомъ не мало интереснаго. Шпіона онъ умѣлъ распознать съ перваго взгляда, часто по признакамъ, повидимому, совершенно неуловимымъ, напоминая собою куперовскихъ краснокожихъ въ борьбѣ съ враждебнымъ племенемъ. Вдобавокъ онъ зналъ Петербургъ, какъ свои пять пальцевъ, и помнилъ наперечетъ всѣ проходные дворы, которые въ теченіе нѣкотораго времени были предметомъ его спеціальнаго изученія.

Пересѣкши нѣсколько такихъ дворовъ и сдѣлавъ нѣсколько крюковъ, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ на извозчикѣ, мы, черезъ какія-нибудь полчаса, „замели нашъ слѣдъ", т. е. окончательно отдѣлались отъ шпіоновъ. Тогда только мы направились къ Тараканову взаправду. Съ массой всевозможныхъ предосторожностей, знаковъ и сигналовъ, къ которымъ „Дворникъ" питалъ слабость, мы вошли, наконецъ, въ его квартиру.

Таракановъ, мужчина лѣтъ подъ 35, невысокаго роста, толстенькій и круглолицый, уже поджидалъ насъ, такъ какъ его заранѣе увѣдомили о нашемъ приходѣ.

Онъ самъ открылъ дверь и ввелъ насъ въ одну изъ заднихъ комнатъ. Это была излишняя предосторожность, такъ какъ онъ былъ совершенно одинъ въ своей маленькой квартирѣ; но Таракановъ не могъ обойтись безъ предосторожностей.

Мы были уже раньше немного знакомы другъ съ другомъ, и потому въ представленіи не оказалось надобности. Таракановъ прежде всего спросилъ, не видѣлъ ли насъ кто-нибудь, когда мы всходили по лѣстницѣ.

— Вы знаете,—прибавилъ онъ многозначительно,—тамъ внизу живетъ дѣвица, смуглянка съ такими глазищами, что страсть, — цвѣточница или модистка, Богъ ее знаетъ. Всегда смотритъ на меня, когда я прохожу мимо. Я увѣренъ, что она шпіонка.

Нашъ отрицательный отвѣтъ, повидимому, успокоилъ его, тѣмъ не менѣе, повернувшись въ мою сторону, онъ сказалъ съ серьезнымъ выраженіемъ лица:

— Во всякомъ случаѣ, вамъ не слѣдуетъ выходить. Днемъ вы можете попасться на глаза этой дѣвицѣ, вечеромъ — швейцару, а этотъ ужъ навѣрное на службѣ у полиціи. Тутъ очень опасно. Все, что вамъ понадобится, я буду приносить самъ.

Я покорно кивнулъ головою, тѣмъ болѣе, что чувствовалъ на себѣ строгій взглядъ „Дворника".

Когда послѣдній удалился, Таракановъ проводилъ меня въ предназначенную мнѣ комнату, гдѣ я нашелъ маленькій письменный столикъ, нѣсколько книгъ по политической экономіи и диванъ, который долженъ былъ служить мнѣ кроватью.

Таракановъ разсчиталъ свою кухарку нѣсколько дней тому назадъ: шутники говорили, будто бы онъ

и ее заподозрилъ въ шпіонствѣ. Но Таракановъ отрицалъ это, утверждая, что все это вздоръ, и что онъ удалилъ ее просто, потому что она его обворовывала. Однако, онъ и не пытался искать другой прислуги и получалъ обѣдъ изъ сосѣдняго ресторана. Вѣрный разъ заведенному порядку, мой хозяинъ вскорѣ ушелъ изъ дому, обѣщая къ вечеру вернуться. Но на улицахъ позажигали уже фонари, а его все еще не было. Я уже началъ безпокоиться, какъ вдругъ дверь отворилась, и онъ предсталъ предо мною, здравъ и невредимъ.

Я привѣтствовалъ его съ чувствомъ живѣйшей радости и сообщилъ о своихъ опасеніяхъ.

— Видите ли, я никогда не возвращаюсь домой прямо, — отвѣтилъ онъ:—боюсь, какъ-бы не прослѣдили, и потому всегда дѣлаю маленькій крюкъ. Ну, а сегодня для такого случая, понятно, я сдѣлалъ крюкъ побольше.

Я не могъ не улыбнуться, слушая признанье этого почтеннаго чудака. Въ своей предусмотрительности онъ походилъ на доктора, который пичкалъ бы себя собственными микстурами, чтобы вылечить своего паціента.

Весь вечеръ мы провели вмѣстѣ, бесѣдуя о разныхъ разностяхъ. При всякомъ малѣйшемъ шорохѣ, Таракановъ пугался и настораживалъ уши. Я пытался было успокоить его, говоря, что опасаться рѣшительно нечего.

— Знаю, батенька,—отвѣтилъ онъ простодушно, — иначе я бы васъ не пригласилъ къ себѣ; но что-же подѣлаешь? Боюсь.

Часовъ около двѣнадцати мы разошлись. Все время, пока я не заснулъ, я слышалъ шаги своего хозяина, ходившаго взадъ и впередъ по комнатѣ.

На слѣдующій день, когда онъ, послѣ чаю, ушелъ на службу, явился „Дворникъ“ съ порученіемъ для меня — написать маленькій листокъ по поводу одного недавняго событія, и принесъ необходимые матеріалы, газеты и книги. Я отъ души

поблагодарилъ его какъ за посѣщеніе, такъ и за доставленную мнѣ работу, и просилъ прійти снова, если можно, завтра же или послѣ завтра, обѣщая окончить къ этому времени свою работу.

Весь вечеръ и добрую часть ночи я усердно писалъ и слышалъ отъ времени до времени, какъ Таракановъ переворачивался съ боку на бокъ въ своей постели.

Пробило два часа, три, четыре, — онъ все еще не спалъ. Что за оказія? Не могъ же я безпокоить его шумомъ, такъ какъ нарочно надѣлъ его туфли. Не могъ мѣшать ему также и свѣтъ, потому что дверь моей комнаты была плотно заперта. Ужъ не захворалъ ли онъ? Я вспомнилъ, что наканунѣ онъ выглядѣлъ довольно плохо, но тогда я не обратилъ на это вниманія.

Утромъ меня разбудилъ звонъ посуды, которую хозяинъ приготовлялъ для чая. Я поспѣшилъ одѣться и вышелъ въ столовую.

Видъ у бѣдняги, дѣйствительно, былъ неказистый: онъ весь осунулся, поблѣднѣлъ, даже пожелтѣлъ; глаза впали, выраженіе лица было самое унылое.

— Что съ вами?—спросилъ я его.

— Ничего.

— Какъ ничего? Да вы посмотрите на себя въ зеркало: краше въ гробъ кладутъ. Да и не спали вы до четырехъ часовъ.

— Скажите лучше: не спалъ всю ночь.

— Ну, такъ, значитъ, вы больны.

— Нѣтъ. Я просто не могу спать, когда кто-нибудь есть у меня.

Тутъ я все понялъ.

— Я вамъ сердечно благодаренъ,—сказалъ я, крѣпко пожимая ему руку,—но не хочу больше причинять вамъ столько безпокойства и немедленно же ухожу отъ васъ.

— Что вы? Что вы? Нѣтъ, пожалуйста, не дѣлайте этого. Знай я, что вы такъ это пріймете, я

не сказалъ бы вамъ ни слова. Вы должны оставаться у меня. Все это пустяки.

— Но вѣдь, вы можете серьезно заболѣть.

— Не безпокойтесь. Во-первыхъ, я могу спать днемъ, а, наконецъ, еще лучше, принять что-нибудь на ночь.

Потомъ мнѣ сообщили, что въ подобныхъ случаяхъ, онъ, дѣйствительно, принималъ хлоралъ, когда ужъ ему становилось не въ моготу.

Разговоръ на этомъ прекратился.

Я смотрѣлъ на Тараканова со смѣшаннымъ чувствомъ изумленія и глубокаго уваженія. Этотъ человѣкъ былъ забавенъ своей трусостью, но какъ поразительно было зато его самоотверженіе.

Мнѣ было извѣстно, что дверь его дома всегда была открыта для всѣхъ, находившихся въ моемъ положеніи, и нѣкоторыхъ изъ нашихъ онъ удерживалъ по цѣлымъ недѣлямъ. Сколько нравственнаго мужества долженъ былъ имѣть этотъ человѣкъ, чтобы добровольно идти навстрѣчу этой пыткѣ страха?

Когда на слѣдующій день „Дворникъ" пришелъ за рукописью, я заявилъ ему, что ни за что не хочу оставаться здѣсь больше и попросилъ отыскать мнѣ поскорѣе другое убѣжище.

Къ моему большому изумленію, „Дворникъ" согласился на это безъ особенныхъ возраженій.

— Сегодня я видѣлъ Сѣрова,—сказалъ онъ; — онъ про тебя спрашивалъ. Если хочешь, я переговорю съ нимъ.

Ничего лучше этого нельзя было придумать. Дѣло вскорѣ было улажено, и дня черезъ два я уже получилъ утвердительный отвѣтъ отъ Сѣрова.

Тараканову я сказалъ, что долженъ на время уѣхать по дѣламъ изъ Петербурга, и распрощался съ нимъ самымъ дружескимъ образомъ.

— До свиданья! До свиданья!—повторялъ онъ на прощаніе. — Счастливаго пути. Жду васъ по

возвращеніи. Не забывайте, я всегда къ вашимъ услугамъ.

Подъ покровомъ ночной темноты я покинулъ его жилище. На этотъ разъ меня никто не сопровождалъ, такъ какъ я зналъ адресъ Сѣрова, съ которымъ издавна мы были большіе пріятели.

II.

Въ залитой яркимъ свѣтомъ комнатѣ, вокругъ большого стола, на которомъ сверкалъ кипящій самоваръ, сидѣло нѣсколько человѣкъ—вся семья Сѣрова и два-три близкихъ пріятеля. При моемъ появленіи хозяинъ дома всталъ мнѣ навстрѣчу и радушно протянулъ мнѣ обѣ руки.

Борисъ Сѣровъ былъ человѣкъ уже пожилой. Его длинные густые волосы были почти совершенно бѣлы. Но не годы посеребрили эту львиную голову, такъ какъ Сѣрову едва перевалило за пятый десятокъ. Онъ былъ замѣшанъ еще въ движеніи первыхъ лѣтъ царствованія Александра II. Около 1861 года, занимая постъ военнаго врача въ Казани, онъ принялъ дѣятельное участіе въ военномъ заговорѣ Иваницкаго и Черника—этомъ замѣчательномъ эпизодѣ русскаго революціоннаго движенія, къ сожалѣнію, почти позабытомъ нынѣшнимъ поколѣніемъ. Сѣрову, который только какимъ-то чудомъ спасся самъ, суждено было видѣть собственными глазами безпощадную расправу правительства надъ всѣми его товарищами. Вскорѣ послѣ этого онъ переѣхалъ въ Петербургъ. Однако, съ тѣхъ поръ онъ навсегда остался на примѣтѣ у полиціи, которая почти ежегодно являлась къ нему съ обыскомъ. Разъ десять его арестовывали и сажали въ крѣпость, но арестъ всегда ограничивался нѣсколькими днями. Сѣровъ былъ травленый волкъ, и жандармамъ никогда не удавалось найти какихъ-нибудь уликъ противъ него. Правда, онъ-

больше не принималъ активнаго участія въ движеніи, такъ какъ годы постоянныхъ попытокъ, оканчивавшихся неудачами, погасили въ немъ то, что составляетъ душу всякой революціонной дѣятельности,—вѣру. Отъ пылкаго энтузіазма юныхъ лѣтъ онъ перешелъ къ тому разъѣдающему скептицизму, который является язвой образованныхъ людей въ Россіи, гдѣ поэтому такъ мало зрѣлыхъ людей, а всѣ—либо юноши, либо старики. Но никакой скептицизмъ не могъ вытравить изъ сердца Бориса Сѣрова горячей любви и своего рода культа къ тѣмъ, кому посчастливилось удержаться въ рядахъ борцовъ. Это чувство, при его рыцарской, безгранично отважной натурѣ, заставляло его оказывать всякаго рода услуги революціонерамъ. Благодаря долголѣтнему опыту, онъ прекрасно овладѣлъ всей техникой конспираціи. Онъ умѣлъ превосходно организовать корреспонденцію, отыскивалъ мѣста для храненія запрещенныхъ изданій, собиралъ пожертвованія, подписки и мѣсячные взносы. Но въ чемъ ему не было равныхъ, это — въ трудной и важной роли „укрывателя". Онъ подвизался въ ней много лѣтъ и разъ даже устроилъ маленькую пирушку, чтобы отпраздновать десятилѣтній юбилей своего благополучнаго пристанодержательства. Будучи человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова безстрашнымъ, онъ ничего не преувеличивалъ, никогда не принималъ созданные чьимъ-нибудь живымъ воображеніемъ миражи за дѣйствительную опасность. Но гдѣ опасность существовала, тамъ ужъ онъ ея не просмотритъ. Онъ издали чуялъ приближеніе жандармовъ и даже, подобно охотничьей собакѣ, обнаруживалъ слѣды ихъ пребыванія, когда ихъ самихъ уже не было на мѣстѣ.

По осанкѣ стоявшаго на углу городового, онъ угадывалъ, было ли ему приказано слѣдить за его домомъ или нѣтъ. По нѣкоторымъ едва уловимымъ

интонаціямъ въ голосѣ дворника, по тому виду, съ какимъ онъ снималъ шапку при встрѣчѣ съ нимъ, Сѣровъ рѣшалъ безошибочно, былъ ли у того разговоръ съ полиціей и въ какомъ смыслѣ. На основаніи какихъ-то таинственныхъ признаковъ, онъ могъ опредѣлить, грозитъ ли дому обыскъ или нѣтъ.

Тотъ, кого онъ бралъ подъ свое покровительство, былъ поэтому какъ у Христа за пазухой. Чтобы дать понятіе о его репутаціи какъ „укрывателя", достаточно сказать, что именно у него помѣстили Вѣру Засуличъ послѣ суда, въ то время, какъ жандармы рыскали по всему городу, разыскивая ее, и когда для партіи было въ нѣкоторомъ родѣ вопросомъ чести не дать ея имъ въ руки.

Софія Перовская, большая пріятельница Сѣрова, говаривала, что, разъ она видитъ въ окнѣ его квартиры сигналъ безопасности, она входитъ туда съ гораздо большей увѣренностью, чѣмъ императоръ—въ свой дворецъ.

Таковъ былъ человѣкъ, на попеченіе котораго я переходилъ теперь.

Присоединившись къ компаніи, сидѣвшей вокругъ стола, я очень весело провелъ вечеръ, какъ и все остальное время, которое пробылъ тамъ. Это было не только самое безопасное, но и самое пріятное изъ убѣжищъ. Сѣровъ никогда не налагалъ на человѣка излишнихъ стѣсненій, которыя бываютъ столь тягостны, а иногда просто невыносимы. Днемъ я обыкновенно работалъ въ одной изъ заднихъ комнатъ, чтобъ не попасться на глаза кому-нибудь изъ случайныхъ посѣтителей или паціентовъ Сѣрова; по вечерамъ мнѣ разрѣшалось даже выходить изъ дому. Но чаще я проводилъ вечера дома, среди его семьи, которой украшеніемъ были двѣ милыя дѣвушки, его дочери; съ ними у меня очень скоро завязалась самая тѣсная дружба, явленіе столь обычное у насъ въ Россіи, и столь

естественное въ данномъ случаѣ, принимая во вниманіе наши относительныя роли—покровительствуемаго и покровительницъ. Однако, мое пребываніе здѣсь продлилось не больше недѣли.

Разъ какъ-то, вернувшись домой къ обѣду, Сѣровъ обратился ко мнѣ и, улыбаясь, произнесъ, съ легкимъ кивкомъ головы, свое обычное:

— Что-то пахнетъ!

— Что такое? что такое?—воскликнули въ одинъ голосъ дамы.

— Пока еще ничего особеннаго, но, — что-то пахнетъ.

— Ждете обыска или что?—спросилъ я.

— Какъ-бы вамъ сказать,—отвѣтилъ Сѣровъ задумчиво, точно взвѣшивая что-то про себя.—Немедленнаго обыска я не жду, а на-дняхъ, вѣроятно, заглянутъ. Во всякомъ случаѣ вамъ слѣдовало бы перекочевать отсюда.

Возражать было нечего: Сѣровъ зналъ, что говоритъ.

Послѣ обѣда онъ отправился предупредить нашихъ, и въ тотъ же вечеръ я съ огорченіемъ распрощался съ его радушной семьей и, въ сопровожденіи одного пріятеля, снова пошелъ колесить по городу.

Черезъ нѣсколько дней я узналъ, что у Сѣрова, дѣйствительно, былъ обыскъ,—„санитарный визитъ", какъ онъ называлъ эти періодическія нашествія полиціи; но, ничего не найдя, жандармы принуждены были убраться, какъ всегда, не солоно хлебавши.

III.

Оттилія Густавовна Горнъ была старуха лѣтъ семидесяти. Она была датчанка родомъ и даже плохо говорила по-русски. Во всякомъ случаѣ, ей не было никакого дѣла до нашихъ „проклятыхъ"

вопросовъ. И тѣмъ не менѣе, это была „нигилистка", мало того—ярая террористка.

Исторія ея обращенія въ нигилизмъ настолько оригинальна, что заслуживаетъ того, чтобы разсказать о ней.

Еще молодой женщиной Оттилія Густавовна перебралась съ мужемъ въ Ригу, гдѣ вскорѣ осталась вдовою. Спустя нѣкоторое время, она сочеталась законнымъ бракомъ съ однимъ русскимъ и переѣхала въ Петербургъ, гдѣ ея новый супругъ получилъ какое-то мѣстечко при полиціи. Безъ сомнѣнія, она мирно дожила бы здѣсь свои дни, ни разу даже не задумавшись о нигилизмѣ, терроризмѣ и т. под., если бы судьбѣ не было угодно сдѣлать датскую принцессу Дагмару женой наслѣдника русскаго престола.

Какъ это ни странно, именно это обстоятельство толкнуло Оттилію Густавовну въ ряды недовольныхъ. Вотъ какъ это случилось.

Какъ датчанка и женщина довольно фантастическая, она задалась честолюбивой мечтой доставить своему благовѣрному одну изъ многочисленныхъ придворныхъ должностей въ штатѣ цесаревны. Для приведенія въ исполненіе своего проекта, Оттилія Густавовна отправилась лично къ датскому посланнику, прося его употребить свое вліяніе въ пользу ея мужа, на томъ основаніи, что ея первый супругъ, съ полъ-столѣтія тому назадъ, былъ не то поставщикомъ чего-то, не то маленькимъ чиновникомъ при копенгагенскомъ дворѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, посланникъ попросту выпроводилъ ее. Но Оттилія Густавовна не такъ-то скоро разставалась съ однажды засѣвшей ей въ голову мыслью. Черезъ нѣкоторое время она снова явилась въ посольство съ тѣми же приставаніями. На этотъ разъ посланникъ оказался настолько неучтивымъ, что расхохотался ей прямо въ лицо.

Такая кровная обида возбудила въ пылкомъ

сердцѣ Оттиліи Густавовны чувство неумолимой ненависти къ злополучному дипломату.

Но какъ отплатить ему за оскорбленіе? Къ сожалѣнію, ничего не оставалось, какъ хранить въ глубочайшихъ тайникахъ души свои планы мести, безъ малѣйшей надежды когда-либо осуществить ихъ. Такъ прошли годы.

Между тѣмъ, началось революціонное движеніе, и первые террористическіе факты, какъ громомъ, поразили умы благополучныхъ россіянъ.

Тогда блестящая мысль внезапно осѣнила голову пылкой старухи.

— Вотъ, вотъ, что нужно,—повторяла она себѣ изо дня въ день и кончила тѣмъ, что воспылала безграничнымъ энтузіазмомъ къ нигилистамъ. Быть можетъ, она надѣялась, что, начавши съ Трепова, Мезенцева и Кропоткина, они доберутся, наконецъ и до ея смертельнаго врага и ужъ, навѣрное, величайшаго негодяя въ мірѣ,—датскаго посланника; а можетъ быть, и попросту ненависть къ одному изъ представителей высшихъ сословій, мало по малу, распространялась на всѣхъ ему равныхъ по положенію. Трудно разгадать психологію взбалмошной семидесятилѣтней старухи. Одно только не подлежало сомнѣнію: Оттилія Густавовна стала ярой террористкой.

Она держала меблированныя комнаты, занимаемыя преимущественно студентами, которые всѣ почти были болѣе или менѣе „сочувствующими“, если не прямо членами партіи. Сначала они посмѣивались надъ нѣсколько запоздалымъ политическимъ пыломъ своей хозяйки. Но понемногу они стали относиться къ ней серьезнѣе. Во время обысковъ, которыхъ не избѣгаетъ ни одна почти студенческая квартира, Оттилія Густавовна обнаруживала рѣдкую смѣлость и находчивость. Она уносила изъ-подъ самаго носа жандармовъ разныя компрометирующія бумаги, письма, книги, пользуясь

тѣмъ, что ея преклонный возрастъ ставилъ ее внѣ всякихъ подозрѣній. А на допросахъ держала себя съ тактомъ и осторожностью, достойной всяческой похвалы.

Студенты познакомили ее съ нѣкоторыми изъ членовъ организаціи, и, такимъ образомъ, она начала свою революціонную карьеру храненіемъ у себя запрещенныхъ изданій, конспиративной переписки, и т. д., пока, наконецъ, не сдѣлалась одной изъ лучшихъ укрывательницъ нелегальнаго люда. Довѣрять ей можно было безусловно, такъ какъ она была воплощеніемъ честности и осторожности, что доказала не разъ.

Всѣ эти черты изъ ея біографіи и характеристики мнѣ сообщилъ мой спутникъ, пока мы шагали съ нимъ по улицамъ столицы, направляясь къ маленькому домику на Каменноостровскомъ проспектѣ, принадлежавшему Оттиліи Густавовнѣ.

Хозяйка уже поджидала насъ. Это была высокая, крѣпко сложенная женщина, съ энергической, почти воинственной осанкой; на видъ вы бы дали ей не больше 55—60 лѣтъ.

Хотя мы видѣлись въ первый разъ, она приняла меня съ распростертыми объятіями, какъ родственника, возвратившагося послѣ долгаго отсутствія.

Тотчасъ появился на столѣ самоваръ съ цѣлымъ подносомъ всевозможныхъ булочекъ и печеній. Она показала мнѣ мою комнату, гдѣ я нашелъ рѣшительно все, что мнѣ могло понадобиться для моего удобства и комфорта.

За чаемъ Оттилія съ живостью освѣдомилась о двухъ-трехъ изъ моихъ пріятелей, которымъ пришлось пользоваться ея гостепріимствомъ. Очевидно, познакомившись лично съ террористами, которыми вначалѣ она восторгалась только издали, она полюбила ихъ съ материнской нѣжностью. Кстати же сказать, она была бездѣтна. Но вся сила ея привязанности сосредоточивалась на тѣхъ,

кто находился въ данную минуту на ея попеченіи. Мнѣ стоило большого труда уговорить ее не тормошиться изъ-за меня безъ всякой нужды. Но съ мужемъ она рѣшила познакомить меня во что бы то ни стало.

Старикъ уже раздѣлся и лежалъ въ постели, но Оттилія Густавовна приказала ему встать, и черезъ нѣсколько минутъ онъ со смущеннымъ видомъ вошелъ въ мою комнату, наскоро натянувъ на сухія плечи изорванный халатъ и шаркая истоптанными туфлями.

Съ виноватой, кроткой улыбкой на беззубомъ ртѣ онъ протянулъ мнѣ руку, кивая своей лысой головкой.

Почтенный старикъ былъ въ полномъ послушаніи у грозной супруги.

— Если нужно, — сказала Оттилія, сверкнувъ очами, — я пошлю его завтра въ полицію навести кое-какія справки.

Старичокъ, улыбаясь, продолжалъ кивать головой.

Энергическая Оттилія и его совратила въ нигилизмъ.

* * *

У этой-то доброй женщины провелъ я все время, пока не прошла гроза, и полиція, погнавшись за другими не позабыла, наконецъ, обо мнѣ, послѣ чего я могъ снова вынырнуть на волю, подъ другимъ именемъ и въ другой части города.

Тайная типографія.

Устроить тайную типографію, дать свободной мысли такое могучее орудіе, какъ печатный станокъ, — было страстнымъ желаніемъ всѣхъ организацій, лишь только онѣ почувствовали себя въ силахъ предпринимать что-нибудь серьезное.

Еще съ 1860 г., когда стали появляться первыя тайныя общества, имѣвшія цѣлью вызвать крестьянскую революцію, какъ „Земля и Воля“, „Молодая Россія“, мы встрѣчаемъ у нихъ въ зачаточной формѣ нѣчто въ родѣ типографій, которыя держались, однако, всего лишь по нѣсколько недѣль.

Ясно, что вольная пресса, существовавшая въ ту пору за границей, даже съ такимъ писателемъ во главѣ, какъ Герценъ, уже не удовлетворяла партіи дѣйствія въ Россіи.

За послѣднія 10 или 15 лѣтъ, когда движеніе пріобрѣло небывалые дотолѣ размѣры и силу, недостаточность вольныхъ станковъ, работавшихъ въ Швейцаріи и Лондонѣ день ото дня становилась очевиднѣе, и потребность въ мѣстной подпольной печати, которая бы могла немедленно отвѣчать на всякія злобы дня, дѣлалась все болѣе и болѣе настоятельной.

Вотъ почему всѣ быстро смѣнявшія другъ друга революціонныя организаціи старались имѣть свои типографіи.

Но, казалось, какой-то злой рокъ тяготѣлъ надъ попытками этого рода: всѣ онѣ оказывались крайне недолговѣчными. Полиція открывала типографіи, лишь только онѣ успѣвали чѣмъ-нибудь заявить о своемъ существованіи.

Такъ, типографія Каракозовцевъ продержалась всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Нечаевцы также

завели свой печатный станокъ, но должны были держать его все время закопаннымъ гдѣ-то, и только полиція, послѣ разгрома организаціи, вынесла его на свѣтъ Божій. Типографія Долгушинцевъ была захвачена немедленно послѣ выпуска двухъ первыхъ и единственныхъ листковъ. Чайковцы тоже не разъ пытались устроить типографію и уже пріобрѣли шрифтъ и превосходный станокъ. Но приступить къ работѣ имъ не удалось, и пять лѣтъ всѣ типографскія принадлежности валялись безъ употребленія гдѣ-то на чердакѣ.

Дѣйствительно, трудности, съ которыми сопряжено устройство тайной типографіи въ странѣ, гдѣ слѣдятъ за каждымъ шагомъ, казались непреоборимыми, потому что онѣ связаны съ самымъ характеромъ типографской работы. Можно прятать книги, газеты, людей: но какъ скрыть печатный станокъ, когда онъ самъ даетъ о себѣ знать, во-первыхъ, шумливой и сложной работой, требующей довольно большого количества людей, и затѣмъ постоянной привозкой и увозкой массы бумаги,—то чистой, то печатной.

Послѣ многочисленныхъ попытокъ, терпѣвшихъ одна за другой жестокую неудачу, устройство тайной типографіи всѣми было признано дѣломъ не только труднымъ, но прямо невозможнымъ, праздной мечтой, ведущей лишь къ безцѣльной тратѣ денегъ и гибели лучшихъ силъ. Мысль о тайной типографіи была отброшена окончательно. Люди „серьезные" просто не хотѣли больше объ этомъ слушать.

Нашелся, однако, мечтатель, фантазеръ, который ни за что не соглашался признать непреложность общепринятаго мнѣнія и съ жаромъ доказывалъ, что даже въ самомъ Петербургѣ можно устроить типографію, и что онъ ее устроитъ, если только его снабдятъ необходимыми средствами.

Мечтателя этого звали Аарономъ Зунделеви-

чемъ: онъ былъ виленскій уроженецъ, сынъ одного мелкаго лавочника-еврея.

Въ организаціи, къ которой онъ принадлежалъ (принявшей впослѣдствіи имя „Земли и Воли“), надъ планами Зунделевича посмѣивались, какъ надъ фантазіями неисправимаго оптимиста.

Но вода точитъ и камень. Послѣ многихъ усилій Зунделевичу удалось побороть недовѣріе товарищей и получить на свою затѣю около 4,000 рублей. Съ этими деньгами онъ отправился за границу, закупилъ тамъ и доставилъ въ Петербургъ все необходимое, и, наконецъ, выучившись набирать самъ и преподавъ это искусство еще четыремъ изъ своихъ друзей, онъ устроилъ съ ними въ 1877 г. въ Петербургѣ тайную типографію, первую, которая была достойна этого имени, такъ какъ она правильно работала и выпускала въ свѣтъ довольно порядочныя брошюрки, а впослѣдствіи и газетку.

Планъ Зунделевича былъ такъ простъ, естественъ и уменъ, что цѣлыхъ четыре года, не смотря на упорнѣйшіе розыски, полиція не могла напасть на слѣдъ типографіи, которая была открыта, благодаря глупой случайности: смѣшавъ фамиліи, полиція явилась, по ошибкѣ, въ ту именно квартиру, гдѣ помѣщались народовольческіе станки.

Гипографія погибла, но за проваломъ первой возникали другія, устраиваемыя по тому же образцу и работавшія безъ перерыва.

. . . .

Но какъ объяснить изумительный фактъ существованія тайныхъ типографій, почти подъ самымъ носомъ полиціи, въ странѣ, подобной Россіи?— Это объясняется исключительно преданностью своему дѣлу со стороны тѣхъ, кому въ нихъ приходилось работать, и той чрезвычайной заботливостью, съ какой принимались малѣйшія предосто-

рожности, чтобы оберечь типографію отъ всякихъ опасностей.

Никто не ходилъ туда: никто, кромѣ тѣхъ, кому это было необходимо, не зналъ даже, гдѣ она помѣщалась. Осторожность доходила до того, что не только члены организаціи, которой типографія принадлежала, но даже редакторы и сотрудники печатавшагося тамъ органа не знали, гдѣ она находилась. Обыкновенно, только одинъ изъ нихъ посвящался въ тайну, и затѣмъ уже онъ велъ всѣ сношенія, избѣгая по возможности личныхъ посѣщеній.

Во время моего участія въ редакціи „Земли и Воли" эта роль выпала на мою долю. Сношенія наши съ типографіей устраивались въ нейтральныхъ пунктахъ, изъ самыхъ надежныхъ. Тамъ я сдавалъ рукописи, получалъ корректуры и назначалъ время и мѣсто слѣдующаго свиданія. Въ случаѣ чего-нибудь непредвидѣннаго, или когда личныя сообщенія почему-нибудь прерывались, я посылалъ обыкновенно открытку, назначая условнымъ способомъ срокъ слѣдующаго свиданія.

Одинъ только разъ мнѣ пришлось побывать самому въ типографіи, и вотъ по какому случаю.

Это было 30 ноября, въ тотъ самый день, когда долженъ былъ выйти первый номеръ нашей газеты. Утромъ ко мнѣ пришелъ Александръ Михайловъ и разсказалъ, что, зайдя по дѣлу въ домъ Трощинскаго, онъ едва не угодилъ въ ловушку, устроенную тамъ жандармами, и спасся, только благодаря своей находчивости и ловкости. Въ то время, какъ цѣлая свора полицейскихъ съ крикомъ гналась за нимъ по пятамъ, онъ самъ сталъ кричать, показывая рукой впередъ: „Держи! держи!" и тѣмъ сбилъ съ толку и толпу, и полицейскихъ, мимо которыхъ ему приходилось бѣжать.

Мнѣ очень хотѣлось помѣстить это извѣстіе въ номерѣ, главнымъ образомъ, чтобъ подразнить Зурова, тогдашняго градоначальника, который клялся, что типографія не могла быть въ Петербургѣ, такъ какъ въ подобномъ случаѣ онъ непремѣнно бы открылъ ее.

Этимъ-то поводомъ я и воспользовался, чтобы самому посмотрѣть нашу типографію и познакомиться съ наборщиками, которые давно меня звали въ свою берлогу.

Типографія помѣщалась на Николаевской улицѣ, въ двухъ шагахъ отъ Невскаго. Со всевозможными предосторожностями я добрался до квартиры и позвонилъ условнымъ образомъ. Мнѣ отворила Марія Крылова, и я вошелъ съ чувствомъ благоговѣнія, какое долженъ испытывать правовѣрный, переступая порогъ храма.

Въ типографіи работало четыре человѣка: двое мужчинъ и двѣ женщины.

Марія Крылова, хозяйка квартиры, женщина лѣтъ 45, была однимъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе заслуженныхъ членовъ партіи. Она привлекалась еще по дѣлу Каракозова и была сослана на житье въ одну изъ сѣверныхъ губерній. Въ 1874 году ей удалось бѣжать изъ ссылки. Съ тѣхъ поръ она была „нелегальной“, не переставая работать для революціи всѣми возможными способами вплоть до 1880 года, когда она была арестована въ типографіи „Чернаго Передѣла“, какъ солдатъ на своемъ посту. Такимъ образомъ, въ продолженіе шестнадцати лѣтъ она оставалась въ рядахъ революціонеровъ, работая безъ устали въ самыхъ скромныхъ и въ то же время опасныхъ роляхъ. Она перебывала во всѣхъ типографіяхъ, начиная съ первой, и была одной изъ лучшихъ наборщицъ, не смотря на то, что отъ развившейся у нея прогрессивной близорукости она почти ничего не видѣла.

Василій Бухъ, сынъ генерала и племянникъ сенатора, жилъ у Крыловой въ качествѣ квартиранта. У него былъ паспортъ чиновника какого-то министерства, и онъ ежедневно выходилъ изъ дому въ опредѣленное время съ гигантскимъ портфелемъ подъ мышкой, въ которомъ онъ уносилъ номера газеты и приносилъ бумагу для печатанія. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 26—27, блѣдный, съ изящной, аристократической наружностью, и до такой степени молчаливый, что иногда по цѣлымъ днямъ рѣшительно не открывалъ рта. Онъ-то и служилъ посредникомъ между типографіей и внѣшнимъ міромъ.

Фамилія третьяго изъ обитателей квартиры такъ и осталась тайной. Уже больше трехъ лѣтъ онъ находился въ рядахъ партіи и пользовался всеобщей любовью и уваженіемъ; но его настоящаго имени никто не зналъ, потому что тотъ, кто ввелъ его въ организацію, умеръ, а всѣ остальные звали его не иначе какъ „Птицей"—прозвище, данное ему за голосъ. Когда послѣ отчаяннаго, четырехчасового сопротивленія, типографія „Народной Воли", гдѣ онъ работалъ, принуждена была сдаться и солдаты ворвались въ домъ, онъ покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ револьвера. Такъ безыменнымъ онъ жилъ, безыменнымъ сошелъ и въ могилу.

Его положеніе въ типографіи было едва ли не самымъ тяжелымъ. Дѣло въ томъ, что въ видахъ осторожности онъ вовсе не прописывался въ полиціи, такъ какъ каждый предъявленный паспортъ, хотя бы самый лучшій, все же лишняя опасность. Поэтому ему приходилось постоянно скрываться и по цѣлымъ мѣсяцамъ не показывать носа за порогъ квартиры, чтобы не попасться на глаза дворнику. Вообще, всѣ работавшіе въ тайныхъ типографіяхъ, порывали почти всякія сношенія съ внѣшнимъ міромъ и вели жизнь отшельниковъ. Но бѣд-

ной „Птицѣ“ пришлось обречь себя на положенiе настоящаго узника, замурованнаго навсегда въ четырехъ стѣнахъ. Это былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ лѣтъ 22—23, высокiй, тонкiй, съ худощавымъ лицомъ, обрамленнымъ прядями длинныхъ изъ-синя черныхъ волосъ, оттѣнявшихъ еще больше его мертвенную блѣдность — результатъ долгаго лишенiя свѣжаго воздуха и свѣта и постояннаго пребыванiя въ атмосферѣ, наполненной ядовитой пылью свинца. Живыми оставались только глаза, большiе и черные какъ у газели, лучистые и безконечно добрые и грустные. У него была чахотка, и онъ зналъ это, но все-таки не хотѣлъ покинуть свой постъ, потому что былъ опытнымъ наборщикомъ, и замѣнить его было некѣмъ.

Четвертымъ наборщикомъ была дѣвушка, жившая подъ видомъ служанки Крыловой. Я забылъ ея фамилiю. Это была миловидная блондинка, 18 или 19 лѣтъ, съ голубыми глазами, которую можно было бы назвать очень красивой, если бы не тяжелое. угнетающее нервное напряженiе, никогда не сходившее съ ея блѣднаго лица. Она казалась живымъ воплощенiемъ тѣхъ непрерывныхъ мукъ, которыхъ стоитъ людямъ долгая жизнь въ этомъ роковомъ мѣстѣ, подъ угрозой ежечасной, ежеминутной гибели.

Послѣ обычныхъ привѣтствiй я объяснилъ цѣль своего посѣщенiя и спросилъ, можно ли будетъ помѣстить въ номерѣ замѣтку о забавномъ утреннемъ происшествiи съ Михайловымъ. Мнѣ отвѣтили, что можно, и всѣмъ мое предложенiе очень понравилось. Мы тотчасъ принялись за работу. Номеръ былъ уже сверстанъ, и нужно было выбросить что-нибудь, чтобы очистить мѣсто для моей замѣтки, которую я тутъ же и набросалъ на клочкѣ бумаги. Меня провели по всѣмъ комнатамъ и объяснили, какъ происходитъ работа. Самая типографiя была крайне несложной: нѣсколько

кассъ съ разными шрифтами, маленькій цилиндръ, только что отлитый изъ какой-то темнобурой, упругой массы, очень похожей на столярный клей и сладковатой на языкѣ; большой, тяжелый цилиндръ, покрытый сукномъ и служившій въ качествѣ пресса; нѣсколько пропитанныхъ чернилами щетокъ и губокъ въ корзинкѣ; двѣ-три банки типографскихъ чернилъ. Все было расположено такимъ образомъ, что въ четверть часа могло быть убрано въ большой шкафъ, стоявшій тутъ же въ углу.

Мнѣ объяснили технику работы и разсказали о нѣкоторыхъ маленькихъ уловкахъ, къ которымъ прибѣгали, чтобы отвратить подозрѣнія со стороны дворника, приносившаго ежедневно въ квартиру воду, дрова и пр. Основнымъ правиломъ было не прятаться, насколько возможно, а напротивъ показывать всю квартиру какъ можно чаще. Наборщики пользовались всякимъ поводомъ, чтобы пустить дворника во внутреннія комнаты, конечно, предварительно убравъ оттуда все подозрительное. Когда повода не было, его сочиняли. Такъ, долго не могли придумать, подъ какимъ бы предлогомъ залучить его въ одну изъ заднихъ комнатъ. Наконецъ, Крылова пошла разъ къ дворнику и сказала, что туда забѣжала крыса, которую нужно убить. Дворникъ явился; понятно, ничего не нашелъ, но дѣло было сдѣлано: теперь онъ побывалъ во всѣхъ комнатахъ и могъ засвидѣтельствовать, что нигдѣ не видѣлъ ничего подозрительнаго. Разъ въ мѣсяцъ въ квартиру обязательно являлись полотеры.

Наборщики весело шутили и смѣялись, припоминая всѣ свои хитрости. Но мнѣ было не до смѣха.

Глубокая грусть овладѣла мною при видѣ этихъ людей. Невольно я сравнилъ ихъ ужасную жизнь съ нашей, и мнѣ стало стыдно. Вся наша дѣятель-

ность при дневномъ свѣтѣ, среди возбуждающей обстановки борьбы, въ кругу товарищей и друзей, развѣ не была она праздникомъ по сравненію съ поистинѣ каторжнымъ существованіемъ, на которое эти люди обрекали себя въ своей унылой, темной норѣ.

Мы распрощались. Я медленно спустился по лѣстницѣ и вышелъ на улицу возбужденный, взволнованный. Мысли самыя противоположныя тѣснились въ моей головѣ. Я думалъ объ этихъ людяхъ, о революціонной борьбѣ, ради которой они такъ беззавѣтно жертвовали собой, думалъ о нашей партіи.

Вдругъ меня озарила мысль, объяснившая мнѣ мое волненіе. Не они ли, эти высоко-самоотверженные люди,—истинные представители нашей партіи? Эта типографія, не есть ли она живое олицетвореніе всей революціонной борьбы въ Россіи? Чувство, противоположное тому, которое до сихъ поръ давило меня, зажглось въ моей груди. Нѣтъ, мы непобѣдимы, думалось мнѣ, пока еще не изсякъ родникъ этого скромнаго, анонимнаго героизма, величайшаго изъ всѣхъ героизмовъ; мы непобѣдимы, пока у насъ будутъ такіе люди.

Поѣздка въ Петербургъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Громкій и продолжительный стукъ въ дверь заставилъ меня вскочить съ постели.

Что бы такое могло быть? Будь я въ Россіи, первою моей мыслью было бы, что явились жандармы. Но дѣло происходило въ Швейцаріи, и, слѣдовательно, съ этой стороны опасаться было нечего.

— Qui est là,—спросилъ я по-французски.

— Я,— отвѣчалъ на русскомъ языкѣ хорошо знакомый голосъ.—Отпирайте скорѣй.

Я зажегъ свѣчу, такъ какъ было еще темно, и сталъ поспѣшно одѣваться. Сердце у меня сжалось недобрымъ предчувствіемъ.

Недѣли двѣ передъ тѣмъ одинъ изъ самыхъ близкихъ моихъ друзей (*), серьезно замѣшанный въ послѣднемъ покушеніи на царя, послѣ непродолжительнаго пребыванія за границей, отправился обратно въ Россію, и вотъ уже нѣсколько дней мы ждали съ безпокойствомъ извѣстія о его переходѣ черезъ границу.

Страшное подозрѣніе, котораго я не рѣшался формулировать даже самому себѣ, мелькнуло у меня въ головѣ. Я наскоро накинулъ платье и отворилъ дверь. Въ комнату стремительно вошелъ Андрей, не снимая шляпы, даже не здороваясь.

(*) Николай Морозовъ, по слухамъ умершій въ Шлиссельбургской крѣпости.

Примѣч. редакціи: Слухъ невѣрный. Арестованный въ 1881 г. Морозовъ, послѣ 24 лѣтъ заключенія въ Петропавловской и Шлиссельбургской крѣпостяхъ, выпущенъ на свободу въ ноябрѣ 1905 г.

— Николай арестованъ,— сказалъ онъ вдругъ надломленнымъ голосомъ и упалъ на стулъ.

Николай былъ нашъ общій другъ. Нѣсколько мгновеній я смотрѣлъ на него упорнымъ, неподвижнымъ взглядомъ, точно не понимая, что онъ говоритъ. Затѣмъ я повторилъ про себя эти ужасныя два слова, сначала механически, едва слышно, точно эхо, а потомъ—съ страшной, раздирающей душу отчетливостью.

Мы оба молчали. Казалось, что-то холодное, неумолимое, роковое, надвинулось на насъ со всѣхъ сторонъ, заполнило всю комнату, все пространство и проникло въ самую глубь нашего существа, леденя кровь и парализуя мысль.

То былъ призракъ смерти.

Однако, отчаяніемъ дѣлу не поможешь. Прежде всего слѣдовало удостовѣриться, точно ли все погибло, или еще можно предпринять что-нибудь.

Я сталъ разспрашивать подробности. Оказалось, что Николай арестованъ на границѣ. и—что всего хуже—со времени его ареста прошло уже четыре дня: вмѣсто того, чтобы увѣдомить насъ о случившемся телеграммой, контрабандистъ послалъ ради экономіи простое письмо.

— Гдѣ-же письмо? спросилъ я Андрея.

— У Владиміра *). Онъ только что пріѣхалъ и ждетъ васъ у меня. Идемъ.

Мы вышли.

Заря только что занялась на востокѣ и блѣднымъ свѣтомъ заливала пустынныя улицы спящаго города. Молча, понуривъ голову, двигались мы впередъ, погруженные каждый въ свои мрачныя думы. Владиміръ поджидалъ насъ. Мы были съ нимъ пріятели и давно уже не видались. Но не весела была наша встрѣча. Ни дружескаго привѣтствія, ни вопроса, ни улыбки. Молчаливо и грустно пожали мы другъ другу руку. Такъ встрѣчаются люди въ домѣ, гдѣ есть покойникъ.

*) Іохельсона.

Владиміръ прочелъ вслухъ письмо контрабандиста. Николай былъ арестованъ на прусской границѣ, около Вержболова и заключенъ пока въ мѣстную тюрьму. Что произошло дальше, никто не зналъ, такъ какъ контрабандистъ со страху немедленно перебрался въ Германію, и сообщаемыя имъ дальнѣйшія извѣстія были въ высшей степени сбивчивы: сначала думали, что Николай взятъ, какъ дезертиръ, но потомъ прошелъ слухъ, что въ дѣло вмѣшались жандармы, — это уже пахло политикой.

Что касается самаго ареста, то ясно было только одно: кондрабандистъ тутъ былъ совершенно ни при чемъ. Онъ всячески оправдывался въ письмѣ и, выразивъ свое душевное огорченіе по поводу случившагося, просилъ прислать не медля слѣдуемыя ему деньги. Арестъ, очевидно, произошелъ, благодаря неосторожности самого Николая: просидѣвъ цѣлый день гдѣ-то на чердакѣ, онъ не вытерпѣлъ, наконецъ, и вышелъ прогуляться. Это была непростительная, ребяческая оплошность.

— И что за глупость, что за мальчишество, — воскликнулъ я.—Вылѣзать на улицу въ маленькой деревушкѣ, гдѣ всякаго новаго человѣка тотчасъ же замѣтятъ. Забавляться въ такую минуту! Всякій дуракъ теперь границу переходитъ. Такъ вотъ же нѣтъ, ему нарочно нужно было совать голову въ петлю. Въ тридцать лѣтъ—немысленочекъ! Ну, и по дѣломъ, по дѣломъ ему... Будетъ знать теперь, какъ куражиться!

Меня душило бѣшенство и вмѣстѣ съ тѣмъ я до крови кусалъ себѣ губы, чтобы удержаться отъ рыданій.

Андрей, точно раздавленный горемъ, сидѣлъ подлѣ стола, переваливши сь всѣмъ тѣломъ на правый локоть, почти лежа на столѣ. Его долговязая фигура, освѣщенная тусклымъ мерцающимъ пламенемъ свѣчи, казалась точно безжизненной.

Я остановился передъ нимъ.

— Ну, такъ что же теперь дѣлать,—вдругъ спросилъ онъ меня.

Я только что хотѣлъ самъ задать ему этотъ вопросъ. Ничего не отвѣчая, я быстро повернулся отъ него и снова зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Что-же теперь дѣлать?—спрашивалъ я себя.— Что дѣлать въ такомъ безнадежномъ положеніи? Принимая въ разсчетъ путешествіе Владиміра, со времени ареста должно было пройти дней пять. Добраться отсюда до русской границы—возьметъ еще дня три. А въ теченіе семи дней жандармы сто разъ смогутъ открыть настоящее имя Николая и подъ сильнымъ конвоемъ препроводить его въ Петербургъ. Положеніе безвыходное! Но почемъ знать?—Можетъ быть, они оставили его въ Вержболовѣ или гдѣ-нибудь по сосѣдству. Онъ такъ глупо попался, что, чего добраго, они пріймутъ его за невиннаго подлетка. Но нѣтъ, не можетъ быть. До насъ дошли слухи, что жандармы поджидали кого-то изъ-за границы. Положеніе безнадежное. Но что-нибудь нужно же предпринять.

— Надо послать Рину, сказалъ я,—наконецъ, со вздохомъ. Если еще можно сдѣлать что-нибудь, то сдѣлаетъ только она.

—Да, да, пошлемте Рину,—воскликнулъ Андрей, и лучъ надежды, казалось, оживилъ его мертвенно-блѣдное лицо.

— Да, надо послать Рину,—съ жаромъ подхватилъ Владиміръ.—Если еще не все потеряно, она навѣрное что-нибудь сдѣлаетъ.

Рина была полька, дочь одного изъ многочисленныхъ мучениковъ за свободу своей несчастной родины. Дѣтство свое она провела въ маленькомъ пограничномъ городкѣ, главный и почти единственный промыселъ котораго составляла контрабанда.

Отправившись въ Петербургъ учиться, она познакомилась тамъ съ идеями соціализма, примкнула къ революціонному движенію, которое тогда только что началось, и вскорѣ заняла спеціальный постъ въ организаціи: она, какъ тогда выражались, „держала границу“, т. е. завѣдывала сообщеніемъ между Россіей и заграницей, гдѣ въ то время печаталась почти вся русская революціонная литература.

Происхожденіе ея и та практическая жилка, которой отличаются польскія женщины, въ соединеніи съ свойственнымъ ей тонкимъ чутьемъ и ловкостью, дѣлали ее не только въ высшей степени подходящей для сношеній съ контрабандистами, но даже создали ей среди нихъ своего рода популярность. Она говаривала иногда полу-серьезно, полу-шутя, что на границѣ она можетъ сдѣлать больше самого губернатора; и это была правда, потому что тамъ можно купить все и всѣхъ, начиная съ солдата пограничной стражи и таможеннаго чиновника и кончая представителями городской магистратуры и администраціи. Нужно только знать, какъ къ нимъ подступиться.

Съ концомъ періода пропаганды и наступленіемъ кровавой эпохи террора, Рина перестала принимать участіе въ движеніи, не вѣря въ возможность успѣха при такихъ средствахъ борьбы. Она уѣхала за границу, училась въ Парижѣ, а потомъ, въ виду разстроеннаго здоровья, поселилась въ Швейцаріи.

Я отправился къ ней, попросивши своихъ пріятелей подождать моего возвращенія.

На мой звонокъ немедленно вышла служанка, такъ какъ день уже наступилъ, а въ Швейцаріи народъ встаетъ рано.

— Барышня спитъ,—сказала она.

— Да, я знаю, но дѣло въ томъ, что пріѣхалъ ея родственникъ, котораго она рада будетъ увидѣть поскорѣе,—отвѣтилъ я по русскому обычаю скрывать отъ постороннихъ всякія „конспираціи“.

Подойдя къ двери ея комнаты, я громко постучался.

— Мнѣ необходимо немедленно переговорить съ вами,—сказалъ я по-русски.

— Сейчасъ, сейчасъ, — послышался нѣсколько встревоженный голосъ Рины.

Минутъ черезъ пять она вышла ко мнѣ, не успѣвши даже привести въ порядокъ свои прекрасныя длинныя косы, черныя, какъ воронье крыло.

— Въ чемъ дѣло?—спросила она, съ безпокойствомъ устремляя на меня свои большіе, сѣрые глаза.

Въ двухъ словахъ я разсказалъ ей о томъ, что случилось.

Несмотря на смуглый цвѣтъ ея кожи, видно было, какъ она поблѣднѣла при этой роковой вѣсти. Не произнося ни слова въ отвѣтъ, она склонила голову. Вся ея маленькая, почти дѣтская фигурка выражала въ эту минуту одну безграничную скорбь.

Я не рѣшался нарушить ея безмолвія и ждалъ, пока она сама заговоритъ.

—Если бы мы узнали объ этомъ во время,—начала она, наконецъ, тихо, точно говоря сама съ собой,— все бы еще можно было, пожалуй, уладить, но теперь...

— Кто знаетъ,—возразилъ я.—Быть можетъ, они еще держатъ его на границѣ.

Она съ сомнѣніемъ покачала головой.

— Во всякомъслучаѣ,—настаивалъ я,—необходимо попытаться. Я пришелъ просить васъ съѣздить туда.

Рина продолжала стоять молча и неподвижно, точно не слышала моихъ словъ, или они не къ ней относились. Она не подняла даже своихъ длинныхъ рѣсницъ, совершенно закрывавшихъ ея глаза, и взглядъ ея былъ устремленъ внизъ.

— О, что до меня,—проговорила, она, наконецъ вполголоса, то я, конечно, поѣду, но...

Она встряхнулась и стала разбирать вопросъ съ практической точки зрѣнія. Приходилось согласиться, что съ этой стороны дѣло обстояло очень плохо. Но тѣмъ не менѣе, она тоже признала, что попытаться нужно. Въ пять минутъ все было улажено.

Нѣсколько часовъ спустя, Рина, снабженная нѣсколькими стами франковъ, собранными между товарищами, мчалась уже съ курьерскитъ поѣздомъ къ русской границѣ, унося съ собой всѣ наши надежды.

Какъ она и предвидѣла, дѣло не выгорѣло. По пріѣздѣ на границу, она принуждена была потерять дня два на розыски контрабандиста, отъ котораго только и можно было получить точныя свѣдѣнія. Тотъ прятался, оттягивалъ и въ заключеніе удралъ въ Америку, забравъ съ собой деньги, которыя мы послали ему на случай какихъ-либо непредвидѣнныхъ расходовъ,

Узнавъ объ этомъ, Рина сама перебралась черезъ границу, безъ всякаго опредѣленнаго плана, и подвергая себя очень серьезной опасности, лишь бы только не терять ни минуты времени. Къ несчастью, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, Николай былъ увезенъ изъ Вержболова. Его узнали и перевезли сначала въ губернскій городъ, а потомъ въ Петербургъ.

Тогда Рина поѣхала въ Петербургъ, частью ради того, чтобы попытаться предпринять еще что-нибудь для освобожденія Николая, но больше — изъ простого желанія посѣтить этотъ городъ и повидаться со старыми друзьями, разъ ей пришлось быть такъ близко отъ нихъ.

Пріѣхала она туда за нѣсколько дней до 1 марта и провела три недѣли въ томъ адѣ кромѣшномъ, какой представлялъ изъ себя Петербургъ въ то время

Когда я задумалъ свои очерки, мнѣ пришло въ голову, что не безынтересно было бы присоединить къ нимъ и ея воспоминанія объ этихъ дняхъ. Я написалъ ей объ этомъ, и въ результатѣ получился слѣдующій разсказъ.

I.

По пріѣздѣ въ Петербургъ,—такъ начинаетъ Рина свое повѣствованіе,—я тотчасъ принялась за поиски одной своей землячки и старой подруги Дубровиной. Я знала, что она не принимаетъ активнаго участія въ движеніи; но у нея было нѣчто въ родѣ революціоннаго салона, и потому я надѣялась получить отъ нея всѣ нужныя мнѣ свѣдѣнія и разыскать Ольгу, жену Николая, которая была тогда въ Петербургѣ. Надеждамъ моимъ не суждено было, однако, осуществиться. Дубровина сказала мнѣ, что, дѣйствительно, изрѣдка ее посѣщаютъ нѣкоторые изъ террористовъ, не что объ Ольгѣ она рѣшительно ничего не знаетъ.

Оставивши давно уже Петербургъ, я воображала, что въ послѣднее время жизнь революціонеровъ должна быть ужасна. Дубровина, напротивъ, увѣряла, что хотя, дѣйствительно, послѣ каждаго новаго покушенія становится на нѣкоторое время трудновато, но буря проносится, и все вступаетъ снова въ обычную колею. Теперь,—заключила она,—у насъ совершенное затишье.

Вопросомъ далеко не послѣдней важности являлось для меня также отсутствіе паспорта. Но Дубровина утверждала, что это пустяки, и что я прекрасно обойдусь безъ него.

Между тѣмъ, надо было разыскивать Ольгу,—задача не особенно легкая, такъ какъ революціо-

неры тщательно скрываютъ свои адреса. Мнѣ разсказывали, напримѣръ, что нѣкто Д. былъ принужденъ для того, чтобы найти пріятеля, жившаго, такъ же какъ и онъ самъ, въ Петербургѣ, отправиться въ Кіевъ исключительно затѣмъ, чтобы узнать тамъ его адресъ.

Не мало мнѣ пришлось пошататься по Петербургу, навѣдываясь къ разнымъ лицамъ, отъ которыхъ я предполагала узнать что-нибудь объ Ольгѣ. Но все оказывалось напрасно.

Такъ прошло два дня. Я рѣшительно не знала, что мнѣ дѣлать. Но Дубровина, хорошо знавшая нравы и обычаи радикальскаго міра, совѣтовала не приходить въ отчаяніе и положиться на волю Божью.

Дѣло въ томъ, что всѣ новости, даже самыя незначительныя распространяются среди революціонеровъ съ поразительной быстротой. Поэтому Дубровина была увѣрена, что вѣсть о моемъ пріѣздѣ изъ Швейцаріи немедленно разнесется повсюду, и что, услышавъ объ этомъ, Ольга догадается отъ кого я пріѣхала, и сама постарается найти меня.

Такъ и случилось.

На третій день моего пріѣзда, послѣ обѣда мы весело болтали о чемъ-то съ Дубровиной и одной ея пріятельницей, какъ вдругъ дверь отворилась, и на порогѣ показался Факиръ—тотъ самый, который изъ любознательности четыре раза чуть не отравился разными ядами, дѣлая надъ собой опыты,—и таинственно произнесъ, обращаясь ко мнѣ:

— Мнѣ нужно съ вами пройтись. Не доставите ли вы мнѣ удовольствія быть вашимъ кавалеромъ?

Произнесено это было съ такой торжественной миной, что всѣ мы покатились со смѣху. Онъ же, преисполненный самой невозмутимой серьезности, спокойно застегивалъ свои перчатки. Его высокая, сухощавая фигура торчала прямо, какъ столбъ.

Сопровождаемая всеобщимъ хохотомъ, я подня-

лась съ мѣста и взяла его подъ руку, показывая, какъ я буду изображать изъ себя свѣтскую даму, идя съ нимъ по улицѣ. Факиръ даже не улыбнулся. По-прежнему важный, съ своей лысой головой, откинутой немного назадъ, съ безбровымъ лбомъ бронзоваго цвѣта и крайне худощавой физіономіей, онъ напоминалъ не то Рыцаря Печальнаго Образа, не то какого-нибудь индійскаго идола.

Не было никакой надобности сообщать мнѣ, куда мы идемъ. Я знала, что Факиръ—пріятель Ольги и Николая, который любилъ его за рѣшительный характеръ, хотя не мало подтрунивалъ надъ его пристрастіемъ ко всякаго рода конспираціямъ. Пройдя шаговъ около двухсотъ подъ руку, мы взяли извозчика на Пески. Путь предстоялъ не близкій. Къ тому же лошаденка везла насъ кое-какъ, и мнѣ казалось, что мы никогда не доѣдемъ.

—Какъ это далеко, однако, —обратилась я къ своему спутнику.

— Да,—согласился онъ;—притомъ замѣтьте, что теперь мы двигаемся въ направленіи, противоположномъ цѣли нашей поѣздки.

Я возмутилась не на шутку противъ такой траты времени, заявляя, что хочу ѣхать прямо къ Ольгѣ; но мой путеводитель былъ неумолимъ.

Пріѣхавъ на Пески, мы снова прошлись немного пѣшкомъ, послѣ чего взяли другого извозчика, который повезъ насъ къ Технологическому Институту.

Едва успѣли мы сойти, какъ нашего извозчика взялъ какой-то офицеръ,—обстоятельство, обезпокоившее моего кавалера. На тротуарѣ стояло двое дѣтей-нищихъ, мальчикъ и дѣвочка, лѣтъ восьми.. Ребятишки были такія хорошенькія, что я невольно остановилась передъ ними.

— Дай копеечку, барыня,—воскликнули дѣти, протягивая руки. Я потрепала ихъ по щекѣ и дала каждому по копейкѣ.

— Ну, къ чему вы это дѣлаете,—проговорилъ Факиръ встревоженнымъ голосомъ, когда мы отошли.—Развѣ вы не знаете, кто это? Полиція держитъ на службѣ сотни такихъ оборванцевъ. Они только притворяются нищими, а, въ сущности, занимаются шпіонствомъ.

Я улыбнулась. Возражать ему было безполезно. Мы продолжали наше путешествіе еще съ добрый часъ, такъ что на улицахъ стали уже зажигать фонари, когда мы добрались, наконецъ, до дома, гдѣ меня ждала Ольга.

Видъ у бѣдной женщины былъ самый ужасный. Съ трудомъ я могла узнать ее, такъ она поблѣднѣла, похудѣла и вообще измѣнилась. Мнѣ хотѣлось заговорить съ ней о Николаѣ, но мы были не одни. Понемногу комната, гдѣ мы сидѣли, стала наполняться народомъ. Большинство приходившихъ было въ блузахъ и неизмѣнныхъ студенческихъ пледахъ. Вскорѣ вошла хозяйка, молодая, красивая брюнетка, и, уведя Ольгу въ сторону, сообщила ей, что комната нынѣшній вечеръ занята для студенченской сходки.

Она приглашала насъ оставаться, но намъ было не до сходки. Однако я не удержалась, чтобы не выразить своего удивленія и въ то же время удовольствія, что, послѣ цѣлаго ряда покушеній, въ Петербургѣ живется сравнительно такъ свободно.

— Да,—отвѣтила Ольга.—Народъ распустился, и это очень плохо; но, вѣдь, вы знаете: громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится.

Намъ предложили сойти внизъ, гдѣ были свободныя комнаты. Тамъ мы и провели остальную часть вечера, толкуя о своихъ дѣлахъ. Я разсказала Ольгѣ о своихъ попыткахъ и приключеніяхъ на границѣ. Она же сообщила мнѣ обо всемъ, что успѣла сдѣлать въ Петербургѣ. Сдѣлано было, въ сущности, очень немного, и на

мой взглядъ положеніе было безнадежнымъ. Но Ольга не соглашалась со мной: она все еще продолжала надѣяться.

II.

На слѣдующій день я въ первый разъ встрѣтилась у Дубровиной съ Гессей Гельфманъ. Что меня больше всего поразило въ ея лицѣ, это выраженіе безграничнаго страданія вокругъ рта и въ глазахъ. Но лишь только насъ познакомили другъ съ другомъ, она съ увлеченіемъ принялась разсказывать мнѣ о „дѣлахъ“, о направленіи разныхъ революціонныхъ группъ, о Красномъ Крестѣ и пр.

Я много разъ видала ее потомъ, и она произвела на меня впечатлѣніе самой искренней, простой и скромной женщины, до глубины души преданной дѣлу, но лишенной всякой иниціативы.

Мужъ ея, Колоткевичъ, былъ арестованъ за нѣсколько дней до моего пріѣзда. Не смотря на угнетавшее ее страшное горе, которое сказывалось противъ воли въ выраженіи ея лица, глазъ, голоса, она все время занималась дѣлами партіи, исполняя порученія всякаго, кто обращался къ ней за чѣмъ-бы то ни было. Дубровина и всѣ, кто ее зналъ, говорили, что доброта ея безгранична.

Казалось, у нея не было ни одной минуты, чтобы подумать о себѣ и своемъ несчастьи.

Я помню, какъ однажды она передала Дубровиной записку для Скрипачевой, которая вела правильныя сношенія съ жандармомъ, тайно передававшимъ письма заключеннымъ въ Петропавловской крѣпости. Какой безграничной скорбью звучалъ ея голосъ, не смотря на всѣ ея старанія побороть свое волненіе, когда она просила Дубровину передать эту записку Колоткевичу, сидѣвшему также въ крѣпости!

Къ несчастью, сношенія съ крѣпостью прекратились, и записка не могла дойти по назначенію.

Гессю Гельфманъ часто бывала у Дубровиной, и всѣ въ домѣ, до бабушки-старухи, любили ее, какъ родную. Она была чрезвычайно застѣнчива. Сколько разъ ее ни приглашали обѣдать или хоть что-нибудь перекусить, она всегда отказывалась. Рѣдко когда она соглашалась выпить чашку чаю, хотя, я увѣрена, не разъ она приходила къ намъ очень голодной, такъ какъ, по горло заваленная „дѣлами", она часто не имѣла времени забѣжать домой, чтобы поѣсть.

Въ моихъ безпрерывныхъ скитаніяхъ въ поискахъ за ночлегомъ мнѣ пришлось перебывать въ очень многихъ домахъ. Гессю знали всюду, а молодежь отзывалась о ней съ большимъ уваженіемъ. Всѣ ее очень любили и встрѣчали всегда съ живѣйшей радостью. Она постоянно была au courant всѣхъ новостей въ революціонномъ мірѣ, которыми такъ интересуется общество, особенно, молодежь. Ея карманы и большая кожаная сумка, съ которой она никогда не разставалась, всегда были наполнены прокламаціями Исполнительнаго Комитета, номерами „Народной Воли", билетами на балы, концерты, спектакли, лотереи — въ пользу ссыльныхъ, заключенныхъ или на изданіе подпольной литературы. Гессю была ходячимъ адресъ-календаремъ и могла устроить вамъ свиданіе съ любымъ изъ террористовъ.

Она-то сообщила мнѣ однажды отъ имени Софіи Перовской, которую я знавала нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ея желаніе повидаться со мной. Она думала зайти ко мнѣ сама, но болѣзнь помѣшала этому.

III.

Перовскую я увидѣла въ первый разъ у Оленина, моего стараго пріятеля, служившаго чинов-

никомъ въ одномъ департаментѣ. Блѣдная, какъ полотно, она едва волочила ноги и, лишь только вошла въ комнату, тотчасъ же легла на кушетку. Она пришла за мѣсячнымъ сборомъ, который Оленинъ дѣлалъ среди своихъ товарищей: сумма была очень скромная — всего какихъ-нибудь сто рублей въ мѣсяцъ. Къ несчастью, деньги еще не были внесены, такъ что Оленинъ ничего не могъ дать ей. У меня было въ карманѣ сто рублей, данныхъ мнѣ для передачи одной особѣ, которая должна была на дняхъ пріѣхать въ Петербургъ. Я предложила ихъ Перовской взаймы на два дня, не сомнѣваясь, что при такомъ состояніи здоровья, да еще въ такую пору— было уже около одиннадцати часовъ ночи—никто не явится за деньгами без самой крайней нужды.

Но Перовская не приняла моего предложенія, говоря, что не увѣрена въ возможности отдать мнѣ деньги въ такой короткій срокъ. Тѣмъ временемъ она разсказала намъ, что истратила все до копейки, потому что за ней гнался шпіонъ, и ей пришлось нѣсколько разъ мѣнять извозчика. Она прибавила, что не вполнѣ увѣрена, удалось ли ей замести свои слѣды, и что ежеминутно полиція можетъ явиться за ней къ Оленину.

Необходимо было выпроводить ее какъ можно скорѣе. Мы высыпали все, что у насъ было въ кошелькахъ, въ ея портмоне. Что касается Оленина, то онъ былъ старый волкъ, и квартира его была всегда совершенно „чиста", но у меня была въ карманѣ пачка послѣдняго номера „Народной Воли". Чтобы не бросать ее въ печку, Перовская взяла ее съ собою, сказавши, что если ее арестуютъ со всѣмъ этимъ, ей отъ того ни тепло, ни холодно.

Она торопливо вышла, но передъ уходомъ сказала, что желала бы имѣть со мной свиданіе, если будетъ „жива".

Мы назначили мѣсто и часъ; но она не явилась,

и я страшно испугалась, потому что мнѣ тотчасъ пришло въ голову, что она арестована. На другой день меня однако успокоили: Перовская была „жива“, но не могла выходить изъ дому по причинѣ тяжкой болѣзни.

Все это происходило за два или за три дня до перваго (тринадцатаго) марта. Какъ я узнала впослѣдствіи, наканунѣ нашей встрѣчи у Оленина былъ арестованъ Желябовъ...

Утромъ перваго марта—это было воскресенье—я отправилась къ одной пріятельницѣ въ Гатчину, бывшую въ то время однимъ изъ самыхъ тихихъ городковъ богоспасаемой матушки-Россіи,—не то, что теперь.

Первое извѣстіе о петербургскихъ событіяхъ мы получили въ понедѣльникъ утромъ отъ горничной. Около часу дня зашелъ къ намъ мѣстный батюшка и сообщилъ, что онъ также слыхалъ кое-что объ этомъ отъ мужиковъ, возвращавшихся изъ Петербурга. Однако никакихъ офиціальныхъ подтвержденій пока еще не было. Но къ вечеру пріѣхала старшая сестра Нади и привезла цѣлую кучу газетъ.

Нѣтъ нужды описывать, что мы тогда перечувствовали. Надя даже слегла.

Затѣмъ наступили поистинѣ ужасные дни, дни мучительныхъ сомнѣній, подозрительности, страха. Казалось, наступило свѣтопреставленіе. Каждый номеръ газеты приносилъ извѣстія о новыхъ открытіяхъ полиціи и новыхъ строгостяхъ. Мы узнали о страшномъ дѣлѣ на Телѣжной улицѣ, о самоубійствѣ неизвѣстнаго человѣка. И аресты каждый день, аресты безъ конца, то въ одиночку, то цѣлыми массами.

Какъ сунуться въ этотъ адъ? Какъ оставаться въ Гатчинѣ въ мукахъ неизвѣстности? Въ концѣ концовъ я не выдержала и отправилась въ Петербургъ. Это было въ четвергъ.

Городъ, весь въ трауръ, производилъ невыразимо тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Дома, балконы, окна, фонари на улицахъ—все было задрапировано чернымъ и бѣлымъ. Я прямо направилась къ Дубровиной.

Вся семья была въ сборѣ, и на всѣхъ лицахъ написанъ былъ одинъ паническій страхъ. Дубровина, увидѣвши меня, вскрикнула отъ испуга. Видъ остальныхъ былъ не лучше.

— И принесла же васъ нелегкая! Чего вамъ не сидѣлось въ Гатчинѣ? Зачѣмъ вы сюда пришли? Развѣ вы не знаете, что за мной слѣдятъ? Куда я дѣну васъ теперь?

Все это Дубровина говорила прерывающимся отъ волненія голосомъ, бѣгая изъ угла въ уголъ по комнатѣ и только изрѣдка останавливаясь передо мной.

— Зачѣмъ я не осталась въ Гатчинѣ? Зачѣмъ явилась сюда? Вотъ поди-жъ ты! — думала я про себя.

Черезъ нѣсколько дней моя пріятельница пообдрѣла и въ теченіе слѣдующихъ трехъ недѣль я не разъ попрежнему ночевала въ ея домѣ. Но въ этотъ день она была безжалостна. Гнѣвъ ея противъ меня былъ въ самомъ разгарѣ, когда вдругъ въ комнату вошла какая-то незнакомая дама, очень прилично одѣтая, и заявила, что желаетъ сказать г-жѣ Дубровиной нѣсколько словъ наединѣ.

Во мгновенье ока въ комнатѣ воцарилась мертвая тишина. Мы съ испугомъ переглянулись. Семья была уже въ тревогѣ, такъ какъ младшая сестра Дубровиной ушла изъ дому съ утра и до сихъ поръ не возвращалась. Никто не зналъ, гдѣ она, и первой нашей мыслью было, что съ ней приключилось что-нибудь недоброе.

Вскорѣ, однако, Дубровина вернулась и, отведя меня въ сторону, сказала, что дама эта пришла ко мнѣ отъ Софіи Перовской.

Я чуть не подпрыгнула отъ радости. Соня была „жива“ и, очевидно, собиралась ѣхать за границу. Мнѣ и въ голову не приходило, что я могу быть нужна ей для чего-нибудь другого, такъ какъ переправа черезъ границу составляла мою давнишнюю и единственную спеціальность.

Съ такими розовыми мыслями вошла я въ комнату, гдѣ меня ожидала Перовская. Она встала мнѣ навстрѣчу. Я начала съ того, какъ я рада, что она наконецъ рѣшилась ѣхать за границу.

Она вытаращила на меня глаза, точно я сказала величайшую нелѣпость.

Понявъ свою ошибку, я начала просить, умолять ее оставить Петербургъ, гдѣ ее такъ сильно искали. Я не подозрѣвала даже въ то время о томъ, какую роль она играла въ дѣлѣ перваго марта, но ея участіе въ московскомъ покушеніи было уже разсказано Гольденбергомъ, какъ о томъ печатали всѣ газеты, и этого по-моему было за глаза довольно, чтобы оставить Петербургъ въ такое время.

Но на всѣ мои доводы и просьбы она отвѣчалакатегорическимъ отказомъ.

—Нельзя оставить городъ въ такую важную минуту. Теперь здѣсь столько работы; нужно такое множество народу.

Она была въ большомъ энтузіазмѣ отъ грозной побѣды партіи, вѣрила въ будущее и видѣла все въ розовомъ свѣтѣ.

Чтобы положить конецъ моимъ просьбамъ, она объявила, зачѣмъ позвала меня.

Ей хотѣлось узнать что-нибудь о процессѣ цареубійцъ. Дѣло шло о томъ, чтобы сходить къ одной высокопоставленной особѣ, „генералу“, человѣку, служившему въ высшей полиціи, который, безъ сомнѣнія, могъ дать намъ свѣдѣнія о процессѣ, хотя слѣдствіе по немъ велось въ величайшей тайнѣ. Этотъ человѣкъ не состоялъ въ пра-

вильныхъ сношеніяхъ съ революціонерами, но случайно я была съ нимъ знакома нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вотъ почему Перовская подумала обо мнѣ. Вопросъ касался ея очень близко. Человѣкъ, котораго она любила, находился въ числѣ обвиняемыхъ. Хотя страшно скомпрометированный, онъ случайно не принималъ прямого участія въ дѣлѣ перваго марта. И она надѣялась.

Я сказала ей, что пойду охотно не только къ своему „генералу", но, если она находитъ это нужнымъ, даже къ своему „жандарму", съ которымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ я вела сношенія по перепискѣ съ заключенными. Но на послѣднее Перовская не согласилась, говоря, что мой жандармъ прервалъ всякія сношенія съ революціонерами и навѣрное выдастъ меня полиціи, или же, если побоится моихъ разоблаченій, выпуститъ за мною слѣдить цѣлую свору шпіоновъ. Во всякомъ случаѣ, ничего не скажетъ, да, можетъ быть, и самъ ничего не знаетъ. Съ генераломъ же, напротивъ, бояться было нечего, потому что лично онъ былъ не способенъ на подлость и въ глубинѣ души сочувствовалъ, до извѣстной степени, революціонерамъ. Было рѣшено, что завтра въ десять часовъ я пойду къ генералу. Перовская хотѣла имѣть отвѣтъ, какъ можно скорѣе. Но, не смотря на всѣ старанія, никакъ не могла назначить свиданіе раньше шести часовъ вечера. Когда же я выразила свое удивленіе, она разсказала мнѣ распредѣленіе своего времени: оказалось, что на завтра у нея семь свиданій и всѣ въ противоположныхъ концахъ города.

По окончаніи нашихъ переговоровъ, Перовская позвала молодого человѣка, члена семейства, гдѣ было наше свиданіе, и послала его въ адресный столъ взять адресъ моего генерала. Дѣвушка, пріятельница хозяйки, была послана Перовскою искать мнѣ ночлегъ, такъ какъ я сказала ей, что у меня его нѣтъ.

Мы опять остались однѣ, и я снова принялась упрашивать ее уѣхать за границу. Предлагала ей, если она находитъ невозможнымъ оставить Россію надолго, уѣхать въ какой-нибудь изъ маленькихъ пограничныхъ городковъ, гдѣ мы можемъ прожить съ ней двѣ-три недѣли. Она ничего не хотѣла слышать и смѣялась надъ моей трусостью, но добродушно. Затѣмъ она перемѣнила разговоръ. Она сказала мнѣ, кто былъ молодой человѣкъ, убитый взрывомъ бомбы, брошенной къ ногамъ царя. Сказала также, что застрѣлившійся на Телѣжной улицѣ былъ Николай Саблинъ, котораго я когда-то знавала. Морозъ пробѣжалъ у меня по кожѣ при этомъ извѣстіи,

Когда вернулась барышня, посланная искать мнѣ ночлегъ, мы разстались. Перовская спросила, не нужно-ли мнѣ денегъ, чтобы одѣться приличнѣй, прежде чѣмъ идти къ генералу.

На этотъ разъ денегъ у нея были полные карманы, но я сказала ей, что мнѣ ничего не нужно, потому что со мной было довольно приличное платье.

На другой день я отправилсь къ генералу, который принялъ меня гораздо лучше, чѣмъ я ожидала, и сообщилъ самыя точныя и подробныя свѣдѣнія о дѣлѣ. Но какъ они были печальны! Участь Желябова, какъ и всѣхъ прочихъ подсудимыхъ, была безповоротно рѣшена. Процессъ долженъ былъ совершаться только pro forma, для публики.

Съ такими-то свѣдѣніями пришла я къ шести часамъ на свиданіе. Перовская явилась только въ девять. Я вздохнула свободно, завидѣвши ее въ дверяхъ. Лица у насъ обѣихъ были, нельзя сказать, чтобы особенно хорошія: у меня—отъ мученія, причиненнаго мнѣ ея позднимъ приходомъ, у нея, какъ она говорила, отъ большой усталости, а, быть можетъ, и отъ чего-нибудь другого. Намъ принесли самоваръ и оставили однѣхъ. Безъ вся-

кихъ предисловій я передала ей, что знала. Я не видѣла ея лица, потому что смотрѣла въ землю. Когда я подняла глаза, то увидѣла, что она дрожитъ всѣмъ тѣломъ. Потомъ она схватила меня за руки, стала нагибаться ниже и ниже и упала ничкомъ, уткнувшись лицомъ въ мои колѣни. Такъ оставалась она нѣсколько минутъ. Она не плакала, а вся дрожала. Потомъ она поднялась и сѣла, стараясь оправиться, но снова судорожнымъ движеніемъ схватила меня за руки и стала сжимать ихъ до боли...

Помню, что я предложила съѣздить въ Одессу, чтобы вызвать кого-нибудь изъ родныхъ Желябова для свиданія. Но она отвѣчала, что не знаетъ ихъ точнаго адреса, и къ тому же слишкомъ поздно, чтобы поспѣть къ процессу. Генералъ удивлялся, зачѣмъ Желябовъ объявилъ себя организаторомъ покушенія. Когда я передала это Перовской, она отвѣчала мнѣ слѣдующими точными словами:

— Иначе нельзя было. Процессъ противъ одного Рысакова вышелъ бы слишкомъ блѣднымъ.

Генералъ сообщилъ мнѣ многія подробности относительно гордаго и благороднаго поведенія Желябова.

Когда я разсказывала это Перовской, то замѣтила, что глаза ея загорѣлись и краска вернулась на ея щеки. Очевидно, это доставляло ей большое удовольствіе. Генералъ сказалъ мнѣ также, что всѣ обвиняемые знаютъ объ ожидающей ихъ участи и выслушали извѣстіе о близкой смерти съ поразительнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ. Услыхавъ это, она вздохнула; она мучилась ужасно; ей хотѣлось плакать, но она сдерживалась. Однако была минута, когда глаза ея подернулись слезой.

Въ эти дни по городу ходили уже упорные слухи, что Рысаковъ выдаетъ. Но генералъ отри-

цалъ это, не знаю почему. Помню, что я обратила ея вниманіе на это противорѣчіе, чтобы вывести заключеніе, что, быть можетъ, генералъ и самъ не знаетъ всего. Мнѣ, попросту, хотѣлось успокоить ее такъ или иначе, но она отвѣчала мнѣ:

— Нѣтъ, я увѣрена, что все это такъ, потому что и тутъ онъ, должно быть, правъ. Я знаю Рысакова и убѣждена, что онъ ничего не скажетъ. Михайловъ тоже.

И она разсказала мнѣ, кто былъ этотъ Михайловъ, сколько другихъ Михайловыхъ среди террористовъ, и поручила мнѣ передать одному изъ моихъ друзей то, что одинъ изъ нихъ показалъ про него.

Мы оставались вдвоемъ почти до полуночи. Она хотѣла уйти раньше, но была такъ утомлена, что едва держалась на ногахъ. На этотъ разъ она говорила мало, кратко и отрывисто.

Перовская обѣщала прійти завтра въ тотъ же домъ между двумя и тремя часами; я пришла въ половинѣ третьяго. Она была, но ушла, не дождавшись меня, потому что ей было очень некогда. Такъ мы больше и не увидались.

Два дня спустя она была арестована.

IV.

Потянулись печальные дни. Мое неопредѣленное положеніе—не то „легальной“, не то „нелегальной“ было для меня источникомъ множества непріятностей. Будучи постороннимъ движенію человѣкомъ, я не хотѣла брать подложнаго паспорта; не имѣя же документовъ, принуждена была постоянно искать убѣжища и ночлега, что было очень трудно. Я не могла пользоваться квартирами террористовъ, тѣмъ болѣе, что въ это ужасное время они сами крайне нуждались въ нихъ. Приходилось самой заботиться о себѣ. Но куда обра-

щаться? Личные мои друзья, которые только и могли что-нибудь для меня сдѣлать, были всѣ, подобно Дубровиной, „на подозрѣніи“, и заходить къ нимъ можно было только изрѣдка.

Волей-неволей пришлось прибѣгнуть, такъ сказать, къ общественной благотворительности и скитаться по чужимъ. Но за то это дало мнѣ возможность присмотрѣться къ промежуточнымъ, болѣе или менѣе нейтральнымъ слоямъ общества, представители которыхъ или вовсе не принимаютъ участія въ политикѣ и думаютъ только о собственной шкурѣ, либо, какъ значительная доля студенчества, сочувствуютъ революціи вообще, не примкнувъ еще ни къ какой организаціи. Объ этихъ двухъ категоріяхъ я только и могу говорить, потому что только съ ними я и путалась.

Что касается первыхъ,—шкуролюбцевъ,—то объ нихъ говорить собственно нечего, да, признаться, и не охота. Это въ высшей степени неблагодарная тема. Вообще я замѣтила слѣдующее: въ Россіи человѣкъ трусить тѣмъ больше, чѣмъ меньше у него къ тому основаній *).

*) Въ связи съ этимъ совершенно вѣрнымъ замѣчаніемъ мнѣ припоминается одинъ случай изъ моего личнаго опыта.

Нѣкто П—въ, человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, собственникъ какого-то промышленнаго учрежденія, дворянинъ и, если не ошибаюсь, членъ какого-то административнаго совѣта, словомъ, человѣкъ съ прекраснымъ положеніемъ, вздумалъ какъ-то сдѣлать денежное пожертвованіе партіи. Но, будучи въ высшей степени подозрительнымъ, онъ не рѣшался передать деньги черезъ третье лицо, а хотѣлъ вручить ихъ непосредственно кому-нибудь изъ членовъ партіи. Послѣ долгихъ колебаній онъ собрался, наконецъ, съ духомъ и сообщилъ о своемъ намѣреніи нѣкоему Н. Тотъ вполнѣ одобрилъ его рѣшеніе и сказалъ, что легко можетъ устроить ему свиданіе со мной, такъ какъ мы съ Н. были въ большой дружбѣ. Сумма была не Богъ вѣсть какъ велика, однако, и не маленькая: около пятисотъ рублей. Брезгать такими деньгами нельзя было. Въ назначенный день и часъ мы съ Н. отправились къ П—ву, ко-

Приведу только одинъ фактъ.

Случайно я узнала, что одна изъ моихъ старинныхъ пріятельницъ Эмилія ***, съ которой мы когда-то жили душа въ душу, какъ родныя сестры, пріѣхала въ Петербургъ. Я рѣшила повидаться съ нею. Такъ какъ она только что прибыла, то адресъ ея не могъ еще попасть въ адресный столъ, и мнѣ пришлось обратиться за помощью въ этомъ дѣлѣ къ профессору Бойко, также земляку и другу нашего дома. Поль-дня провела я въ поискахъ,

торый жилъ въ собственномъ домѣ. Ради предосторожности онъ поусылалъ и дворника, и лакея. Семья его была гдѣ-то на водахъ, за границей, такъ что онъ остался во всемъ домѣ одинъ одинешенекъ. На нашъ звонокъ онъ немедленно сошелъ внизъ, со свѣчей въ рукѣ (былъ уже вечеръ), но, лишь только увидѣлъ насъ, мгновенно загасилъ свѣчку — изъ предосторожности. Въ глубочайшемъ мракѣ мы поднялись по лѣстницѣ. Хозяинъ ввелъ насъ въ одну изъ самыхъ уединенныхъ комнатъ во второмъ этажѣ абсолютно пустого дома и тутъ только снова зажегъ свѣчу. Затѣмъ между нами начался разговоръ, который съ его стороны велся все время довольно страннымъ образомъ. П—въ ни за что не хотѣлъ обращаться ко мнѣ прямо и безпрестанно повторялъ: „Помните, я никого не видѣлъ; никто кромѣ Н. не былъ въ моемъ домѣ“. И онъ продолжалъ въ этомъ духѣ, обращаясь исключительно къ послѣднему, словно бы меня вовсе не было въ комнатѣ. Я поступалъ точно такъ же. Когда, послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ объясненій, на сцену появился вопросъ о деньгахъ, П—въ изумилъ меня страннымъ требованіемъ, — обращеннымъ ко мнѣ опять-таки въ третьемъ лицѣ,—чтобы я подписалъ, конечно, не настоящимъ своимъ именемъ, вексель на сумму, которую онъ имѣлъ передать мнѣ. „Я охотно готовъ исполнить просьбу почтеннаго г. П—ва,—сказалъ я,— обращаясь къ Н., но не спросите-ли вы его о томъ, какой смыслъ имѣетъ эта формальность, такъ какъ я рѣшительно не въ состояніи постигнуть этого“. Тогда П—въ объяснилъ Н., что цѣль, которую онъ имѣетъ въ виду, слѣдующая: если полиція пронюхаетъ какъ-нибудь о его поступкѣ и явится къ нему въ контору провѣрять книги, то въ кассѣ обнаружится ничѣмъ не объяснимый недочетъ. Вотъ почему ему важно было имѣть мой вексель. Выслушавши это объясненіе, я заявилъ себя совершенно удовлетвореннымъ. Но Н. отъ себя посовѣтовалъ изобрѣтательному жертво-

находясь все время въ какомъ-то почти лихорадочномъ возбужденіи. Бойко совѣтовалъ мнѣ не идти, говоря, что Эмилія навѣрное слыхала, что я бѣжала за границу, и потому мой визитъ можетъ, чего добраго, испугать ее. Но я до такой степени была увѣрена въ своей подругѣ, что не обратила никакого вниманія на его слова.

Лишь только добытъ былъ адресъ, мы съ Бойко поѣхали къ Эмиліи.

— Дома-ли?—съ волненіемъ спрашиваю я у швейцара.

— Дома.

вателю не брать съ меня никакого векселя, такъ какъ мой почеркъ можетъ быть извѣстенъ жандармамъ, и предложилъ ему вмѣсто моей свою подпись. Не знаю, на чемъ они въ концѣ концовъ порѣшили. Когда наше дѣло было улажено, П--въ расхрабрился настолько, что сталъ обращаться прямо ко мнѣ. Припоминается мнѣ, между прочимъ, его заявленіе, что онъ не вѣритъ въ возможность революціи въ Россіи. „Русскіе—трусы"—говорилъ онъ поясняя:—„Я прекрасно знаю это, потому что я самъ русскій". Но при всемъ томъ онъ восторгался смѣлостью революціонеровъ и потому то рѣшилъ, наконецъ, „послѣ долгихъ размышленій" внести и свою лепту на дѣло. Разсказалъ онъ мнѣ также, что отъ времени до времени къ нему попадали наши прокламаціи, но онъ всегда держалъ ихъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ отхожемъ мѣстѣ и читалъ по страницѣ за разъ, чтобы долгимъ сидѣньемъ „не возбудить подозрѣнія у прислуги". Хранилъ онъ ихъ подвѣшенными на тонкой ниточкѣ, приспособленной такимъ образомъ, что, если-бы кому вздумалось неосторожно поднять крышку, нитка оборвалась бы, и вся эта опасная коллекція попала бы въ такое мѣсто, куда, онъ надѣялся, полиція не полѣзла бы съ обыскомъ. „Что вы на это скажете, а?" прибавилъ онъ съ торжествующимъ видомъ. Я былъ нѣсколько обиженъ такимъ непочтительнымъ обращеніемъ съ нашими прокламаціями, однако, не могъ не похвалить его за изобрѣтательность. Забылъ добавить, что въ теченіе всего нашего визита П—въ каждыя пять минутъ схватывался съ своего мѣста и подбѣгалъ къ дверямъ удостовѣриться, не притаился ли за ними кто-нибудь, хотя зналъ, что въ домѣ не было ни души кромѣ насъ, и входная дверь была заперта на ключъ.

Едва переводя духъ, я взбѣжала вверхъ по лѣстницѣ, далеко оставивъ за собою моего степеннаго спутника.

Было воскресенье. Прислуга, по всей вѣроятности, была отпущена гулять, и потому Эмилія сама отворила намъ.

Послѣдовавшая затѣмъ сцена превосходитъ всякое описаніе.

Увидѣвши меня, Эмилія вдругъ задрожала всѣмъ тѣломъ. Я бросилась впередъ, протягивая къ ней руки, но она неожиданно попятилась назадъ, и только послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ удалось мнѣ обнять ея ускользавшую, какъ тѣнь, фигуру и покрыть поцѣлуями это блѣдное отъ страха лицо.

Когда мы, наконецъ, вошли въ гостиную, глазамъ моимъ представилось слѣдующее: мужъ и братъ Эмиліи,—оба тоже друзья моего дѣтства,—сидѣли за раскрытымъ карточнымъ столомъ.

При нашемъ появленіи ни тотъ, ни другой не двинулся съ мѣста, ни тотъ, ни другой не обратился ко мнѣ съ словомъ привѣтствія: оба точно окаменѣли.

Нѣкоторое время тянулось чрезвычайно напряженное, гнетущее молчаніе.

Она попробовала улыбнуться, но улыбка эта вышла похожей скорѣй на гримасу. Я начала разсказывать о себѣ; сказала, что не принимала никакого участія въ движеніи послѣднихъ лѣтъ; что я человѣкъ почти легальный, что, не случись 1-го Марта, я бы даже попыталась выхлопотать себѣ паспортъ; словомъ, что они не подвергались ни малѣйшему риску, принимая меня у себя, а въ противномъ случаѣ я сама не пошла бы къ нимъ.

Эмилія знала прекрасно, что я не способна обманывать, и потому я надѣялась, что слова мои успокоятъ ее. Но гдѣ тамъ! они были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, такъ какъ мои пріятели на-

ходились подъ вліяніемъ того безотчетнаго, паническаго страха, надъ которымъ люди не властны, и который не поддается никакимъ убѣжденіямъ.

Эмилія, попрежнему блѣдная, какъ полотно, могла только пробормотать, что она страшно перепугалась, увидѣвши меня въ такое время.

Наконецъ, поднялись съ своихъ мѣстъ и мужчины и поздоровались со мной. Охватившій ихъ вначалѣ столбнякъ, казалось, сталъ проходить понемногу.

Просидѣли мы такъ очень недолго. Провожая насъ въ переднюю, Эмилія, точно въ оправданіе, безпрестанно повторяла: „я такъ испугалась, такъ испугалась". Это были чуть ли не единственныя слова, которыя я отъ нея услышала. Лишь только мы очутились на улицѣ, Бойко началъ подтрунивать надо мной:

— Ну что, вѣдь, говорилъ вамъ, что нечего было идти? А вы все свое—скорѣй, да скорѣй!—и онъ насмѣшливо передразнивалъ мой голосъ.

Я отвѣтила, признаюсь, не безъ смущенія, что все это пустяки, что я все же довольна, что видѣла Эмилію, тогда какъ на душѣ у меня, какъ говорится, кошки скребли.

Между тѣмъ, предо мной возникалъ въ высшей степени важный вопросъ о ночлегѣ. Было уже поздно, а потому найти что-нибудь подходящее представлялось дѣломъ далеко не легкимъ.

Обыкновенно, едва продравши глаза, я уже начинала думать о томъ, гдѣ бы переночевать, и затѣмъ, цѣлый день проводила въ поискахъ. Но въ этотъ разъ, въ виду предстоящаго свиданія съ Эмиліей, я объ этомъ позабыла.

— Прійдется провести ночь на улицѣ, — сказала я.

Бойко не хотѣлъ этого допустить и сталъ придумывать, куда бы отвести меня на нынѣшнюю ночь. Но сколько онъ ни ломалъ головы,—ничего не могъ придумать.

Будучи, что̀ до политики, чистымъ, какъ младенецъ отъ купели, онъ и знакомства водилъ съ людьми столь же невинными и потому чрезвычайно трусливыми. Никто изъ нихъ не пустилъ бы меня на порогъ.

— Ну, такъ вотъ что,—сказалъ онъ наконецъ.— Идемте ко мнѣ.

Я знала его съ дѣтства и любила, какъ брата. Но не скажу, чтобъ мнѣ особенно улыбалась перспектива провести ночь въ его квартирѣ, тѣмъ болѣе, что она состояла всего изъ одной комнаты. Я заговорила о неудобствахъ его предложенія — о дворникѣ, хозяйкѣ, служанкѣ.

— О, это ничего, —возразилъ Бойко.—Хозяйка и знать ничего не будетъ до завтрашняго утра, служанка тоже. Это—пустяки.

— Какъ пустяки! Дворникъ—пустяки? Впустить-то онъ насъ впуститъ, но сейчасъ-же пойдетъ за полиціей.

— Ну вотъ еще!—воскликнулъ Бойко.—Съ какой стати дворнику идти за полиціей? Онъ только подумаетъ, что я подцѣпилъ себѣ...

— Молчите, молчите!—сказала я со смѣхомъ.— Ничего подобнаго дворникъ не подумаетъ.

— Ну, тѣмъ лучше. Значитъ, идемъ.

— Какъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ быть?—думала я про себя. Оставаться всю ночь на улицѣ было не только непріятно, но даже крайне опасно. Приходилось согласиться на предложеніе моего спутника.

Мимо дворника мы, дѣйствительно, прошли совершенно благополучно. Онъ не только не остановилъ насъ, но даже снялъ передъ нами шапку. Хозяйка съ служанкой уже спали, и мы вошли незамѣченными. Я вздохнула свободнѣе, но все-таки не могла успокоиться.

— Ну, такъ что-жъ, что мы прошли благополучно,—сказала я;—это ничего не значитъ: дворникъ, навѣрное, пошелъ за полиціей.

Бойко твердилъ свое и, чтобы развеселить меня, разсказалъ, какъ нѣсколько времени тому назадъ, работая иногда до поздней ночи съ какимъ-то изъ своихъ коллегъ, онъ нѣсколько разъ оставлялъ его ночевать у себя. Все шло хорошо, но вотъ, въ одинъ прекрасный день главный дворникъ присталъ къ нему съ замѣчаніемъ, что онъ скрываетъ у себя безпаспортныхъ.

— Да,—сказалъ ему Бойко,—и даже не одного, а цѣлую кучу, и буду тебѣ очень благодаренъ, если ты ихъ выведешь изъ моей квартиры.

Дворникъ вытаращилъ глаза, ничего не понимая. Тогда Бойко показалъ ему въ углу цѣлую кучу таракановъ: „Вотъ они, бродяги-безпаспортные. Смотри, сколько ихъ. А пріятель-то мой—таракавъ осѣдлый и съ паспортомъ“. Дворникъ расхохотался и больше уже не лѣзъ.

Мы охотно бы проболтали всю ночь, но нужно было гасить свѣчу, такъ какъ окно выходило во дворъ, и свѣтъ могъ навести дворника на мысль, что тутъ происходитъ нѣчто подозрительное.

Бойко уступилъ мнѣ свою постель; самъ же растянулся на полу, скинувъ только сюртукъ. Я улеглась совсѣмъ одѣтая, не снимая даже воротничка и рукавчиковъ, а такъ какъ подушка сильно отдавала табакомъ, то я съ головой укуталась въ свой черный платокъ.

— Если жандармы явятся ночью, — думала я себѣ,—не долго имъ прійдется меня ждать.

Къ счастью, никто не явился, и все обошлось какъ нельзя болѣе благополучно.

V.

Теперь скажу нѣсколько словъ о другомъ слоѣ русскаго общества, съ которымъ, во время моихъ скитаній по ночлегамъ, мнѣ приходилось много сталкиваться,— о молодежи, о студенчествѣ.

Если бы мнѣ не пришлось видѣть этого собственными глазами, я съ трудомъ повѣрила бы, что въ одномъ и томъ же городѣ и, можно сказать, бокъ о бокъ могутъ существовать такіе разительные контрасты, какъ между студенчествомъ и только что описанными мирными россійскими обывателями.

Вотъ примѣръ гражданскаго мужества, о которомъ долго говорилъ весь Петербургъ.

Одному изъ студентовъ медицинской академіи, „князьку", принадлежавшему къ числу щедринскихъ „напомаженныхъ душъ", пришло въ голову устроить подписку для возложенія вѣнка. Предложеніе было выслушано среди гробового молчанія. По окончаніи рѣчи, князекъ положилъ въ шляпу пятирублевую бумажку и началъ обходить студентовъ. Никто, однако, не далъ ему ни копейки.

— Но, господа, что-же теперь будетъ?—воскликнулъ переконфуженный князекъ.

— Лекція профессора Мержеевскаго,—раздался насмѣшливый голосъ изъ толпы.

Но князекъ все не унимался и продолжалъ обходить студентовъ, приставая ко всѣмъ и каждому. Наконецъ, ему удалось найти одного, который положилъ еще два рубля въ его шляпу. По окончаніи лекціи Мержеевскаго, князекъ принялся опять за свое, но не получилъ больше ни гроша.

— Но, господа, — въ отчаяньи воскликнулъ онъ,—что же теперь будетъ?

— Лекція такого-то (не помню, кто былъ названъ), — опять раздалось изъ толпы.

Прошла и слѣдующая лекція. Тутъ ужъ князекъ рѣшилъ припереть студентовъ къ стѣнкѣ и, бросивши деньги на столъ, воскликнулъ:

— Что-же мнѣ дѣлать съ этими деньгами?

— Отдать на заключенныхъ, — отвѣтилъ ему кто-то, и это предложеніе было встрѣчено всеобщимъ

одобреніемъ. Князекъ со своимъ пріятелемъ выбѣжали изъ аудиторіи. Тогда поднялся одинъ изъ студентовъ, взялъ лежавшія на столѣ деньги для передачи кому слѣдуетъ. Тутъ же студенты собрали для заключенныхъ еще пятьдесятъ рублей.

Происходило это всего лишь черезъ нѣсколько дней послѣ 1 марта, когда почти все населеніе столицы было объято паникой.

Нужно было жить въ то время въ Россіи, чтобы понять, сколько мужества требовалось для того, чтобы поступить, какъ поступили студенты медицинской академіи. И фактъ этотъ не единственный въ своемъ родѣ.

Что поражаетъ въ жизни всего русскаго студенчества вообще, это полнѣйшее пренебреженіе къ вопросамъ личнымъ, карьернымъ и даже ко всѣмъ тѣмъ удовольствіямъ, которыя по общепринятому мнѣнію „украшаютъ зарю жизни". Можно подумать, что для нихъ нѣтъ другихъ интересовъ кромѣ интеллектуальныхъ.

Безграничная всеобщая симпатія къ революціи—это нѣчто, почти неотдѣлимое отъ самаго понятія о русскихъ студентахъ.

Они готовы отдавать послѣднюю копейку на „Народную Волю" и „Красный Крестъ", т. е. въ пользу заключенныхъ и ссыльныхъ.

Студентами держатся всѣ „благотворительные" концерты и балы, устраиваемые, чтобы собрать нѣсколько лишнихъ десятковъ рублей на революцію. Многіе буквально голодаютъ и холодаютъ, лишь бы внести и свою лепту на „дѣло". Я знала „коммуны", по мѣсяцамъ жившія на хлѣбѣ и водѣ, чтобы всѣ сбереженія отдавать на революцію. Можно сказать, что революція является для студенчества главнымъ и всепоглощающимъ интересомъ. Во время большихъ арестовъ, судовъ, казней, бросаются занятія, экзамены,— все. Молодые люди сходятся маленькими кучками въ комнаткѣ

у кого-нибудь изъ товарищей и тамъ за самоваромъ толкуютъ о злобѣ дня, дѣлясь другъ съ другомъ взглядами, чувствами негодованія, ужаса или восторга, и укрѣпляя такимъ образомъ свой революціонный пылъ и отзывчивость. И нужно видѣть ихъ лица въ эти минуты: такія они серьезныя, вдумчивыя.

На всякую новость изъ революціоннаго міра студенчество накидывается съ жадностью. Быстрота, съ которой каждая мелочь подобнаго рода распространяется по городу, просто невѣроятна. Даже телеграфъ не въ состояніи конкурировать съ изумительнымъ проворствомъ студенческихъ ногъ.

Кого-нибудь арестовали:—на завтра эта печальная вѣсть успѣла уже облетѣть весь Петербургъ. Кто-нибудь пріѣхалъ; кто-нибудь оговариваетъ или, напротивъ, обнаруживаетъ на допросахъ стойкость и мужество:—все это немедленно становится извѣстнымъ повсюду.

Студенты всегда готовы оказать всевозможныя услуги революціонерамъ, совершенно не думая объ опасности, которой подвергаютъ самихъ себя. И съ какимъ жаромъ, съ какимъ восторгомъ берутся они за это!

Но довольно о молодежи вообще: это предметъ, далеко превосходящій мои силы.

Возвращаюсь къ моимъ скитаніямъ.

Послѣ того, какъ Дубровина и прочіе друзья не могли больше укрывать меня, всѣ почти ночлеги я получала на студенческихъ квартирахъ. Но тутъ я не могу умолчать объ одной вещи.

Обыкновенно, лишь только я приходила къ людямъ, выразившимъ желаніе дать мнѣ ночлегъ, я неизмѣнно начинала одну и ту же старую пѣсню, что я съ конспираціями ничего общаго не имѣю, что я даже не „нелегальная“, а попросту безпаспортная. Никто не тянулъ меня за языкъ, никто

не разспрашивалъ, кто я и откуда,—это было бы противно ненарушимымъ правиламъ революціоннаго гостепріимства. Но мнѣ не хотѣлось рядиться въ чужія перья и выдавать себя за то, чѣмъ я не была. Кромѣ того, сознаюсь, что у меня была тайная надежда, что мнѣ удастся такимъ образомъ успокоить своихъ хозяевъ на мой счетъ и обезпечить себѣ еще одно приглашеніе.

Но, къ удивленію, моя хитрая дипломатія приводила совсѣмъ не къ тѣмъ результатамъ, какихъ я ожидала. При всей своей близорукости я не могла не замѣтить на лицахъ слушателей выраженія нѣкотораго разочарованія, какъ будто говорившаго: только-то и всего?

И никто не приглашалъ меня вторично. Вначалѣ это сильно огорчало меня, но потомъ стало забавлять, и я помирилась со своей участью—цѣлые дни проводить въ поискахъ ночлега. Вообще, я замѣтила, что чѣмъ опаснѣе революціонеръ, чѣмъ упорнѣе преслѣдуетъ его полиція, тѣмъ радушнѣе встрѣчается онъ всюду, тѣмъ охотнѣе даютъ ему убѣжище и дѣлаютъ все для него. Оно и понятно. Во-первыхъ, человѣкъ, принадлежащій къ организаціи, всегда можетъ разсказать что-нибудь интересное; кромѣ того, укрывательство такого человѣка, именно вслѣдствіе риска, есть нѣкоторымъ образомъ „служеніе дѣлу"; наконецъ это, какъ хотите, своего рода честь.

Одинъ студентъ, принадлежавшій къ богатой купеческой семьѣ, сказалъ мнѣ какъ-то:

— Знаете, у насъ есть кресла и диванъ, на которыхъ сидѣли Желябовъ и Перовская. Мы ни за что не разстанемся съ этими вещами,—прибавилъ онъ,—это вѣдь теперь все историческое.

VI.

Но пора оставить эту мирную область и вернуться снова въ жгучую атмосферу революціи.

Помню, это было во вторникъ. Ровно въ четыре часа, не смотря на проливной дождь, я пошла на станцію встрѣчать Варю, которая должна была пріѣхать спеціально для свиданія съ Татьяной Лебедевой.

Спросятъ, быть можетъ, зачѣмъ же мнѣ было идти на вокзалъ въ такую погоду, разъ человѣкъ вовсе не ко мнѣ пріѣхалъ?

Дѣло въ томъ, что первое затрудненіе, съ которымъ сталкивается всякій революціонеръ, пріѣзжая въ Петербургъ, это вопросъ—куда идти? кто изъ товарищей живъ, кто схваченъ? куда можно направить свои стопы, безъ риска попасть въ засаду? Поэтому-то всякому пріятно, чтобы кто-нибудь встрѣтилъ его на вокзалѣ.

Я хотѣла сдѣлать Варѣ это удовольствіе. Къ сожалѣнію, она не пріѣхала. На этотъ случай у насъ было условлено, что я сама увижусь съ Таней. Ей нужно было передать предназначенные для нея 200 рублей, которые хранились у Дубровиной. Я пошла туда и, получивъ деньги, отправилась въ назначенное для свиданія мѣсто, въ надеждѣ, что съ такой суммой Таня сможетъ уѣхать въ провинцію или даже за границу.

Не успѣла я войти въ комнату, какъ и Таня, и Слободина, у которой происходило наше свиданіе, вскрикнули въ одинъ голосъ:

— А гдѣ-же Варя?

Извѣстіе, что она не пріѣхала, сильно обезпокоило Таню. Она даже поблѣднѣла и нѣсколько минутъ не могла вымолвить ни слова.

Не теряя времени, я тотчасъ передала ей 200 рублей. Но она заявила, что нужно еще 80; въ противномъ случаѣ о поѣздкѣ нечего и думать, такъ какъ эти 200 рублей имѣли совсѣмъ другое назначеніе.

Въ этотъ день былъ арестованъ на улицѣ Михайло (*), по дорогѣ на какое-то свиданіе.

Потомъ я узнала, что деньги эти предполагалось отправить матери Михайлы, жившей на Кавказѣ, чтобы дать ей возможность пріѣхать въ Петербургъ.

Я сказала, что дѣло уладить не трудно. У Дубровиной всегда хранились какія-нибудь маленькія суммы на революцію, и я обѣщала похлопотать.

— Да, сдѣлайте одолженіе,—согласилась Таня.— Впрочемъ,—сказала она подумавши,—пусть лучше пойдетъ Слободина. Мнѣ нужно кое что сообщить вамъ. А пока, скажите, увѣрены-ли вы, что васъ не прослѣдили?

И обѣ пріятельницы стали разспрашивать меня, не замѣтила ли я чего-нибудь подозрительнаго на улицѣ, при входѣ въ квартиру или на лѣстницѣ. Я отвѣтила, что не видала ничего, но прибавила, что по близорукости могла и не замѣтить.

— Держу пари, что были шпіоны, а вы ничего не замѣтили, — воскликнула Таня съ живостью и затѣмъ разсказала слѣдующее:

— Только что я вышла сегодня изъ дому, какъ за мной откуда ни возьмись шпіонъ. Я взяла перваго попавшагося навстрѣчу лихача. Шпіонъ принужденъ былъ удовольствоваться простымъ „ванькой“ и на время потерялъ меня изъ виду. Но на углу Бассейной насъ задержала конка, что дало ему возможность снова нагнать меня. Когда мой лихачъ, наконецъ, двинулся дальше, шпіонъ далъ свистокъ, и къ нему на дрожки вскочилъ другой субъектъ. Я велѣла ѣхать на Лиговку, потомъ на Пески, потомъ въ Коломну къ Архангелу Михаилу, словомъ, почти цѣлый часъ я кружила по городу. Удостовѣрившись, что шпіоны окончательно потеряли меня, я оставила извозчика около

*) Фроленко.

одной табачной лавки и зашла размѣнять деньги. Когда я вышла, на улицѣ никого не было кромѣ моего извозчика. Тогда я разсчиталась съ нимъ и пришла домой пѣшкомъ. Но я все-таки не увѣрена, что за мной не прослѣдили.

Потомъ она сообщила все, что знала объ арестѣ Михайлы. Они жили вмѣстѣ, и потому она сама удивлялась, что и ея не арестовали.

Выслушавъ ея разсказъ и зная хорошо ея прошлое, я уговаривала ее убѣдительнѣйшимъ образомъ немедленно уѣзжать изъ Петербурга.

Съ минуту она колебалась.

— Нѣтъ, невозможно,—проговорила она задумчиво, какъ бы разговаривая сама съ собой.—Мнѣ надо очистить квартиру.

— Но отчего бы вамъ этого мнѣ не поручить? Я бы могла это сдѣлать за васъ.

Таня молча покачала головою. Тогда я замѣтила ей, что, если она не полагается на мою скромность, то это совершенно напрасно; что я ничего не буду читать, даже смотрѣть не стану на какія бы то ни было бумаги, письма и т. под. Мы сильно заспорили, чуть не поссорились. Признаться, я сильно боялась идти къ террористамъ въ ихъ ужасныя берлоги, но еще больше боялась пустить туда Таню, которой, въ случаѣ ареста, угрожала петля. Это-то и придавало мнѣ храбрости, и я снова повторяла свои настоянія.

— Ну, такъ пойдемъ вмѣстѣ,—сказала я, наконецъ.—Вдвоемъ мы быстро очистимъ комнату, затѣмъ вы можете сегодня же уѣхать изъ Петербурга.

— Нѣтъ, это невозможно, тѣмъ болѣе, что я должна ночевать дома.

При этихъ словахъ волосы у меня стали дыбомъ. Я умоляла ее образумиться. Для меня было несомнѣнно, что ее арестуютъ, и я думала даже, что съ отчаянія она умышленно идетъ на гибель.

Была минута, когда мнѣ показалось, что она начинаетъ сдаваться. Она задумалась, и это возбудило надежду во мнѣ. Я стала приставать снова.

— Нѣтъ, невозможно,—рѣшила она, наконецъ.— Если я не буду ночевать дома, то дворникъ, который каждое утро въ семь часовъ приноситъ воду, найдя квартиру пустою, сейчасъ пойдетъ въ полицію. На всѣхъ станціяхъ понаставятъ шпіоновъ, и меня схватятъ навѣрняка. А уѣхать сегодня ночью мнѣ нельзя: нужно повидать своихъ. Будь, что́ будетъ, а я должна ночевать дома.

Отчаянію моему не было границъ. Я предложила ей пойти туда и переночевать вмѣсто нея.

— Когда прійдетъ дворникъ,—сказала я,—я отопру ему, скажу что я сидѣлка, и что хозяйка лежитъ больная. Не пойдетъ-же онъ въ спальню удостовѣряться, правда ли это.

Но Таня, не знаю почему, отказалась и отъ такого плана. Однако, она согласилась принять мою помощь въ очисткѣ квартиры на слѣдующій день. Мы подробно условились, и свиданіе было назначено въ десять часовъ на Могилевской.

Таня рѣшила ѣхать въ Москву, и, такъ какъ предупредить объ этомъ своихъ было нельзя, то ей приходилось остановиться въ гостиницѣ. Для этого ей нуженъ былъ чемоданъ, кулекъ съ ѣдою, бѣлье и проч., чтобы не возбудить подозрѣнія въ прислугѣ.

Я должна была закупить все нужное и доставить на квартиру Слободиной. Таня упрашивала меня тратить какъ можно меньше, отказываясь даже отъ новыхъ перчатокъ и шляпки, хотя старая была порядочно поношена.

— Черная траурная вуаль скроетъ это,—сказала она.

Когда все было улажено, возникъ вопросъ о томъ, какъ ей теперь выбраться изъ дому. Таня была того мнѣнія, что намъ лучше всего выйти

на улицу вмѣстѣ, такъ какъ шпіоны высматриваютъ одну даму и, увидавши двухъ, могутъ пожалуй сбиться.

Мы вышли вдвоемъ. Едва мы успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ къ намъ подъѣхалъ извозчикъ и началъ настойчиво предлагать свои услуги.

— Это шпіонъ,—прошептала Таня:—я его знаю, увидите, какъ трудно намъ будетъ отдѣлаться отъ него. Дѣйствительно, въ продолженіе минутъ десяти онъ не отставалъ отъ насъ.

Пройдя нѣсколько кварталовъ, мы нашли, наконецъ, на одномъ изъ прекрестковъ дрожки, на которыхъ дремалъ извозчикъ. Таня взяла его и уѣхала.

Когда мы разстались, было уже не рано, и я поспѣшила къ мѣсту своего ночлега, такъ какъ приходить туда слишкомъ поздно не дозволялось. Я тоже взяла извозчика и прямо поѣхала къ назначенному дому, который должна была узнать по даннымъ мнѣ раньше примѣтамъ. У воротъ, понятно, засѣдалъ дворникъ. Но ни спрашивать о чемъ бы то ни было, ни присматриваться къ номеру не позволялось. Таково было правило. Я рѣшительнымъ шагомъ вошла, хотя, благодаря близорукости, далеко не была увѣрена, что попала, какъ слѣдуетъ. Поднявшись во второй этажъ, я очутилась передъ тремя запертыми дверьми. Въ темнотѣ я почти ничего не различала и съ бьющимся отъ волненія сердцемъ позвонила наугадъ. Можете себѣ вообразить мою радость, когда на мой вопросъ, теперь неизбѣжный, здѣсь ли живетъ такой-то, изъ глубины квартиры раздался удивительно симпатичный женскій голосъ: „Да, да, пожалуйте".

На слѣдующее утро въ назначенный часъ я отправилась на свиданіе. Еще не дойдя до условленнаго пункта, я увидѣла Таню съ корзиной, полной зелени, въ рукахъ и въ черномъ платочкѣ, какіе носятъ обыкновенно хозяйки, отправляясь на рынокъ.

Мы пошли къ ней. Но, не доходя до дому, она дала мнѣ ключъ отъ квартиры и отправила меня впередъ одну, чтобы дворникъ на видѣлъ насъ входящими вмѣстѣ.

Квартира Тани состояла всего изъ двухъ комнатъ съ кухней. Меня поразилъ удивительный порядокъ. Кухонка, маленькая гостиная, гдѣ стоялъ письменный столикъ, — все было такъ мило и уютно. — Настоящее гнѣздышко счастливой парочки.

Вскорѣ послѣ меня пришла и Таня, нагруженная провизіей для обѣда, и зажгла огонь. Вся эта церемонія продѣлывалась исключительно для дворника. Затѣмъ мы упаковали вещи въ дорогу. Таня увозила съ собой только то, что не было на виду, чтобы не возбудить подозрѣнія у дворника, въ случаѣ, если бы тотъ вошелъ въ квартиру во время ея отсутствія, при помощи двойного ключа, который всегда у нихъ имѣется.

Прежде чѣмъ мнѣ уйти, Таня выглянула въ окно посмотрѣть, что дѣлаютъ дворники. Тѣ рубили дрова. Таня научила меня, какъ пройти черезъ дворъ незамѣтно для дворниковъ: нужно было улучить минуту, когда они понесутъ дрова кому-нибудь изъ верхнихъ жильцовъ.

Я такъ и сдѣлала, и вышла отъ нея незамѣченной съ порядочнымъ узломъ въ рукахъ. На улицѣ я взяла извозчика и поѣхала къ Слободиной. Тамъ мы уложили вещи въ чемоданъ, и я повезла ихъ на вокзалъ.

Нужно было взять билетъ, сдать багажъ и вообще сдѣлать все, чтобы Танѣ пришлось показываться на станціи по возможности меньше. Предполагалось, что она пріѣдетъ туда минутъ за пять до отхода поѣзда и прямо пройдетъ въ вагонъ. На бѣду, поѣздъ былъ переполненъ пассажирами. Не оставалось ни одного свободнаго мѣста, такъ что стали прицѣплять еще одинъ вагонъ. Мы

прождали на платформѣ пять лишнихъ минутъ, показавшихся мнѣ цѣлой вѣчностью. Наконецъ, вагонъ прицѣпили. Таня заняла мѣсто, и вскорѣ купэ было биткомъ набито. Но публика все была мало интересная. Таня пожалѣла, что не захватила съ собой какой-нибудь книги. Я передала бывшую у меня въ карманѣ газету, прибавивъ, что на первой большой станціи она можетъ купить себѣ какую-нибудь книжку; потомъ указала ей на пакетъ съ апельсинами, которые я нарочно положила ей въ корзинку, потому что она ихъ очень любила, и посовѣтовала ей на ухо не курить въ дорогѣ.

Она улыбнулась, поблагодарила за апельсины, а насчетъ куренія сказала, что не обѣщаетъ.

Выходя изъ вагона уже передъ третьимъ звонкомъ, я съ платформы начала молоть, сама не знаю почему, всякій вздоръ:

— Кланяйтесь дяденькѣ! Поцѣлуйте дѣтей! – и тому подобное.

Поѣздъ тронулся, и вздохъ облегченія вырвался изъ моей груди. Таня уѣхала. Однако, въ Москвѣ она пробыла недолго. Я читала одно изъ писемъ, написанныхъ ею оттуда. Она писала, что въ Москвѣ ей нечего дѣлать, что ей скучно, и что она хочетъ вернуться въ Петербургъ.

Дѣйствительно, она вскорѣ вернулась, но меня уже тамъ не было. По приглашенію одного пріятеля, у котораго было имѣніе на Волгѣ, я отправилась туда погостить. Едва ли нужно объяснять, какъ я была рада этой поѣздкѣ.

Мѣсяца черезъ четыре послѣ 1 марта, когда все немного поуспокоилось, мнѣ удалось, черезъ мужа одной своей подруги, получить настоящій паспортъ, чѣмъ и заканчивается моя „нелегальная“ Одиссея.

I.

Двѣнадцать лѣтъ прошло со времени перваго появленія предыдущихъ очерковъ на итальянскомъ языкѣ, двѣнадцать лѣтъ—цѣлая вѣчность въ быстро смѣняющемся калейдоскопѣ русской жизни!

„Тотъ вѣкъ прошелъ, и люди тѣ прошли; смѣнили ихъ другіе.“

Что періодъ этотъ—одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ въ русской жизни, и что титаническая борьба, которая его наполняетъ, является чѣмъ-то въ своемъ родѣ единственнымъ въ лѣтописяхъ исторіи, объ этомъ теперь уже не приходится спорить. И чѣмъ дальше мы будемъ удаляться отъ этого времени, тѣмъ оно будетъ казаться намъ величественнѣе, и тѣмъ грандіознѣе будутъ возвышаться богатырскія фигуры людей, которые вынесли на своихъ плечахъ эту борьбу.

Мнѣ мало гдѣ пришлось касаться въ русскомъ изданіи того, что относится къ характеристикѣ людей тогдашняго времени: послѣдующіе годы мало внесли поправокъ и дополненій, даже въ смыслѣ біографическихъ матеріаловъ.

Но жизнь дала много новаго въ смыслѣ освѣщенія всей этой эпохи, какъ цѣлаго, выяснивъ многія иллюзіи, но указавъ зато на дѣйствительныя заслуги и шансы партіи, которыхъ не подозрѣвали сами участники борьбы. Въ дыму и огнѣ сраженія плохо видно поле битвы, и трудно, подчасъ невозможно, опредѣлить, когда, гдѣ и какъ рѣшилась ея участь.

Эпоха и дѣятели, описанные здѣсь, отошли уже въ область исторіи. Взглянемъ же на этотъ бурный періодъ безъ пристрастія и партіозности, какъ

подобаетъ историку, желающему извлечь изъ прошлаго опыта полезный урокъ для настоящаго.

Никто не пытался, да никто и не смогъ бы составить хотя бы приблизительной статистики революціонной партіи того времени, какъ таковой, т. е. людей, раздѣлявшихъ взгляды и стремленія революціонеровъ.

Несомнѣнно только, что силы эти были очень велики. Учащаяся молодежь, студенчество почти въ полномъ своемъ составѣ, тысячи рабочихъ въ столицахъ и большихъ городахъ и огромная масса интеллигентныхъ людей, разсыпанныхъ повсюду— все это составляло тотъ контингентъ, на поддержку котораго воинствующая организація могла разсчитывать и откуда она черпала новыя силы и средства.

Но непосредственнаго участія въ борьбѣ вся эта масса людей не принимала, да и не могла принимать. Заговоръ, тайное общество — вотъ единственная форма, въ которой могла воплотиться въ Россіи дѣятельная оппозиція. А тайныя общества не могутъ охватывать собою сколько-нибудь значительнаго числа людей. Заговоръ — это сѣтка, которая обладаетъ большой растяжимостью, но неминуемо лопается, высыпая почти все содержимое, будучи переполнена далѣе извѣстнаго, ограниченнаго предѣла. Никакія предосторожности не могутъ этому пособить. Абсолютной безопасности въ революціонной дѣятельности нѣтъ: безопасенъ только тотъ, кто сидитъ сложа руки. Рано или поздно всякое тайное общество должно быть открыто. Чѣмъ быстрѣе оно растетъ и чѣмъ энергичнѣе дѣйствуетъ, тѣмъ роковая минута должна наступить скорѣе. Это математическій законъ, кровавый и неумолимый, который руководитъ судьбами всѣхъ конспираціонныхъ движеній и которому неизвѣстны исключенія.

Въ теченіе описываемаго періода воинствующая организація всегда оставалась незначительной горстью людей, и возможность ихъ борьбы и успѣховъ объясняется лишь тѣмъ, что правительство было изолировано, какъ чужеземцы въ завоеванной странѣ.

Вотъ нѣсколько характерныхъ фактовъ изъ революціонной жизни того времени, которые жаль было бы опустить.

Слѣдуетъ замѣтить, что русскіе, вообще говоря, всегда были плохими конспираторами. Люди, подобные Софіи Перовской и Александру Михайлову, составляютъ у насъ рѣдкое исключеніе. Широкая русская натура, привычка дѣлать все „міромъ", тѣсность личныхъ отношеній и, нужно сознаться, славянская распущенность—все это трудно мирится съ основнымъ конспираціоннымъ правиломъ: говорить о дѣлѣ только съ тѣмъ, съ кѣмъ должно говорить объ этомъ, и никогда не съ тѣмъ, съ кѣмъ можно объ этомъ говорить, хотя бы съ полной видимой безопасностью.

Поэтому революціонныя тайны обыкновенно хранятся не очень строго и, разъ выскользнувъ изъ тѣснаго кружка организаціи, онѣ распространялись съ удивительной быстротой по всему радикальскому міру. Тѣмъ не менѣе правительство никогда ничего не знало.

Такъ, напримѣръ, до появленія „Земли и Воли", редактировавшейся людьми нелегальными, въ Петербургѣ выходила довольно слабая подпольная газетка „Начало", которая издавалась маленькимъ независимымъ кружкомъ, подъ редакціей четырехъ или пятерыхъ „легальныхъ" людей. Весь Петербургъ зналъ ихъ и называлъ по имени. Полиція же не знала рѣшительно ничего, хотя газетка стояла у нея бѣльмомъ въ глазу, и всѣ жандармскія ищейки лѣзли изъ кожи, чтобы напасть на слѣдъ таинственныхъ издателей. Никто изъ редакціи аре-

стованъ не былъ, и тѣ, кто не попался въ другихъ дѣлахъ, здравствуютъ и по сю пору.

Продажа „Народной Воли“ производилась въ Петербургѣ и въ провинціи почти открыто. Во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и во всѣхъ обособленныхъ группахъ—у адвокатовъ, литераторовъ, подчасъ чиновниковъ, были извѣстные всѣмъ люди, которые вели это дѣло, получая регулярно опредѣленное число экземпляровъ газеты и продавая ее всѣмъ желающимъ по двадцать пять копеекъ номеръ въ Петербургѣ и Москвѣ и по тридцать пять въ провинціи.

Еще одинъ фактъ, стоящій многихъ.

Громадный динамитный заговоръ, организованный Исполнительнымъ Комитетомъ въ 1879 году,—былъ едва ли не самымъ грандіознымъ дѣломъ, когда-либо предпринятымъ и доведеннымъ до конца путемъ заговора. Наличныхъ силъ организаціи далеко не хватало на его выполненіе, и поэтому приходилось, по необходимости, пользоваться въ обширныхъ размѣрахъ услугами постороннихъ людей, набранныхъ изъ того многолюднаго міра сочувствующихъ, который всегда окружаетъ такую популярную организацію, какъ та, которой руководилъ въ то время Исполнительный Комитетъ. Не удивительно поэтому, что при такой массѣ участниковъ, слухи о предстоящихъ покушеніяхъ распространились очень скоро буквально по всей Россіи. Конечно, публика не знала, гдѣ именно имѣетъ быть взрывъ. Но всѣ студенты, адвокаты, литераторы, за исключеніемъ состоящихъ на откупу у полиціи, знали, что взрывъ послѣдуетъ по пути изъ Крыма въ Петербургъ. Объ этомъ разговаривали, какъ говорится, повсюду. Въ Одессѣ одинъ довольно извѣстный литераторъ собиралъ почти открыто подписку на взрывъ, и полученныя такимъ путемъ полторы тысячи рублей были цѣлостью доставлены комитету. Полиція же ничего не знала.

Изъ всѣхъ пяти готовившихся покушеній только одно—Логовенковское—было открыто заранѣе по чистой случайности. Арестъ Гольденберга въ Елисаветградѣ съ грузомъ динамита, происшедшій тоже совершенно случайно, впервые возбудилъ подозрѣніе полиціи, что гдѣ-то замышляется взрывъ, чѣмъ и объясняются рядъ принятыхъ предосторожностей.

Этотъ и подобные факты, которыхъ можно бы привести множество, даютъ представленіе о взаимномъ положеніи борющихся сторонъ.

Революціонеры имѣли дѣло не съ правительствомъ въ европейскомъ смыслѣ слова,—при такихъ условіяхъ борьба, по безграничному неравенству силъ, была бы немыслима,—а съ системой, которая была ненавистна всей мыслящей Россіи.

Начавъ въ 1870 — 1874 годахъ съ проповѣди анархической теоріи невмѣшательства въ политическую борьбу, какъ дѣло чисто буржуазное, не имѣющее никакого интереса для рабочаго класса, русскіе соціалисты очень скоро узнали на собственной шкурѣ, что есть нѣкоторая разница между русскими и швейцарскими или англійскими порядками. Логика жизни неумолима. Послѣ того, какъ тысячи дорогихъ товарищей погибли безплодно на первыхъ же шагахъ въ первыхъ попыткахъ пропаганды, соціалисты не могли не признать, что политическая свобода не только полезна, но необходима для нихъ, какъ и для всѣхъ, у кого есть какія-нибудь идеи или убѣжденія, которыя имъ дороги и которыя имъ хотѣлось бы распространить между своими согражданами.

Съ 1879 года, какъ извѣстно, русскіе революціонеры выставляютъ политическую программу.

Стремленія соціалистовъ и всего русскаго общества сошлись, и революціонеры провозглашали то, что всѣ думали про себя или лепетали роб-

кимъ голосомъ со всякими оговорками и недомолвками.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно прочесть многочисленные земскіе адреса, подававшіеся въ отвѣтъ на мольбы правительства о помощи, и просмотрѣть тогдашнюю печать.

То, что говорилось съ глазу на глазъ въ частныхъ собраніяхъ, когда страхъ административныхъ мѣропріятій и цензуры не связывалъ языка и пера, было, конечно, гораздо рѣшительнѣе и рѣзче этихъ открытыхъ, довольно, впрочемъ, недвусмысленныхъ заявленій.

Сильные этой поддержкой, одушевленные вѣрой въ народъ, революціонеры, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не только выдерживали отчаянно неравную борьбу, но и достигли результатовъ, которые, принимая во вниманіе всѣ обстоятельства, нельзя назвать иначе, какъ баснословными.

Покушеніями горсти людей власть была доведена до того, что фактически сложила свои полномочія въ руки человѣка, всѣ преимущества котораго заключались въ умѣньи заигрывать съ „общественнымъ мнѣніемъ".

Лорисъ-Меликовъ цѣлый годъ ничего не дѣлалъ и имѣлъ даже глупость заявить (въ извѣстномъ разговорѣ съ представителями прессы), что не имѣетъ въ виду предпринять чего-нибудь серьезнаго.

Результатомъ была катастрофа перваго марта. Правительство было окончательно разстроено — гораздо больше, чѣмъ послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ. Оно неминуемо должно было бы серьезно обратиться за помощью и защитой къ обществу и народу, продержись движеніе неослабно еще съ годъ или два.

Всѣ этого ожидали.

Испытавъ силу своего оружія, Исполнительный Комитетъ не намѣренъ былъ бросать его

на другой день послѣ страшнѣйшаго изъ своихъ ударовъ. Въ извѣстномъ письмѣ къ Александру III говорится безъ обиняковъ, какъ о вещи роковой, о которой не можетъ быть и рѣчи, что въ случаѣ упорства правительства „терроръ прійметъ болѣе рѣзкія формы“.

Одно время власть сильно колебалась и готова была на уступки. Но потомъ она попала въ полное распоряженіе реакціи. Произошелъ крутой поворотъ въ политикѣ. Самодержавіе окрѣпло и оправилось и теперь перестало и думать объ уступкахъ. А терроръ, между тѣмъ, не только не принялъ болѣе рѣзкихъ формъ, какія сулилъ Исполнительный Комитетъ, а даже вовсе прекратился; а затѣмъ замерло и самое движеніе. Революцію, казалось, вѣтромъ сдуло. Все грозное пятилѣтіе можно было принять за большой динамитный взрывъ, который промахнулся.

Посмотримъ, какъ и почему все это случилось.

II.

Post hoc, ergo propter hoc.—Послѣ этого,—значитъ, по причинѣ этого;—такова людская логика.

Наблюдая чисто-внѣшнюю сторону русской жизни, нѣкоторые изъ людей, даже сочувствующихъ революціи отвѣчаютъ на вопросъ, которымъ мы закончили предыдущую главу, очень просто: причиной неудачи движенія 1879 — 1881 годовъ было первое марта. Революціонеры зарвались. Они должны были удовлетвориться скромными, но реальными результатами, которыхъ они добились, т. е. возведеніемъ „либерала“ Лорисъ-Меликова въ диктаторы. При Лорисъ-Меликовѣ власть задумывала рядъ преобразованій, которыя черезъ нѣсколько лѣтъ привели бы къ конституціи. Но первое марта положило всему конецъ и отбросило Россію назадъ къ чистой Николаевщинѣ.

Въ виду земскихъ начальниковъ, универсальной порки, уничтоженія земства и Городового Положенія, въ виду истребленія печати, закрытія школъ, еврейскихъ гоненій и всѣхъ безобразій нынѣшняго времени, такія фантазіи извинительны и понятны, особенно въ людяхъ мечтательнаго Маниловскаго типа.

Но присмотримся ближе къ дѣйствительному, а не воображаемому положенію дѣлъ въ Россіи наканунѣ трагедіи.

Мы можемъ сдѣлать это въ настоящее время на основаніи точныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ. Передъ нами брошюрка: „Конституція“ графа Лорисъ-Меликова, дающая нѣсколько драгоцѣнныхъ указаній относительно состоянія умовъ и истинныхъ намѣреній власти.

Отсылаемъ читателя за подробностями къ самой брошюрѣ. Изъ нея онъ узнаетъ, что власть была просто подавлена страхомъ революціи, но вовсе не считала свою пѣсенку спѣтой, вовсе не думала отказываться отъ малѣйшей доли своихъ прерогативъ.

Такъ называемая „Конституція“ сводилась къ созыву совѣщательныхъ коммиссій въ двѣ инстанціи, изъ коихъ первая (предварительная коммиссія) имѣла быть назначенной цѣликомъ самимъ правительствомъ, а во вторую (общая коммиссія) — допускался нѣкоторый процентъ представителей, назначаемыхъ земскими собраніями подъ охраной губернаторовъ. Эти коммиссіи не имѣли ни права почина въ выработкѣ законовъ, ни выбора предметовъ обсужденія, ни даже самостоятельнаго изслѣдованія. Все это предоставлялось теперешнимъ министерствамъ на старыхъ началахъ. Роль коммиссіи сводилась къ разработкѣ представленныхъ министрами проектовъ, которые теперь обсуждаются въ министерскихъ канцеляріяхъ. Затѣмъ эти проекты съ министерскимъ „заключе-

ніемъ“ поступали обычнымъ порядкомъ въ государственный совѣтъ, который оставался въ своемъ теперешнемъ составѣ и удерживалъ не особенно великое право представлять свои разглагольствованія и умозаключенія на усмотрѣніе верховной власти. Сохранялось безусловное право соглашаться съ большинствомъ или съ меньшинствомъ, или съ „особыми мнѣніями“ любого изъ членовъ государственнаго совѣта.

Легко видѣть, что эти коммиссіи ничѣмъ существеннымъ не отличались отъ какой-нибудь Кохановской коммиссіи или отъ коммиссій свѣдущихъ людей, которыми впослѣдствіи графъ Игнатьевъ забавлялъ Россію. Тѣхъ же щей, да пожиже влей.

Самодержавіе оставалось въ полной силѣ, — верховная власть имѣла возможность во всякое время придать какой угодно ходъ событіямъ, направить куда угодно работы коммиссіи, сузить или расширить ихъ область, продлить или вовсе ихъ уничтожить.

Лорисъ-Меликову удалось склонить на сторону своего проекта, только доказавъ какъ дважды два четыре, что это не états généraux и что „суверенитетъ“ остается въ полной неприкосновенности. И это было несомнѣнно такъ. Но лиха бѣда начать. Несомнѣнно также и то, что въ общей коммиссіи заключался зародышъ „états généraux“. При тогдашнемъ настроеніи общества и печати, коммиссія могла, подъ предлогомъ обсужденія того или другого, хотя бы изъ министерскихъ проектовъ выступить съ планомъ коренныхъ реформъ по государственному управленію; могла потребовать постоянной палаты выборныхъ, отвѣтственности министровъ, урегулированія того же „суверенитета“.

Какъ отнеслось бы правительство къ подобному „проекту“? Дало ли бы оно ему ходъ, или преспо-

койно разослало депутатовъ по Вяткамъ и Вологдамъ, а то и подальше?

Это зависѣло цѣликомъ, безусловно и исключительно отъ одного: отъ силы революціонной партіи въ данную минуту.

Вышеупомянутая брошюрка даетъ тому несомнѣнныя доказательства. Изъ нея ясно, какъ день, что двигательной силой во всемъ кризисѣ былъ страхъ повторенія новыхъ покушеній. Власть не боялась ни земствъ, которыя высказывались однако довольно ясно, ни общества. Призракъ, заставлявшій шевелиться перья всѣхъ либеральныхъ прожектеровъ и мозги сановниковъ, развязывавшій языки всевозможной тлѣ туземной и заграничной, былъ призракъ растущаго революціоннаго движенія.

Конечно, всѣ сколько-нибудь здравомыслящіе люди, даже изъ сановниковъ, понимали, а иные даже повторяли, что революціонныя проявленія только симптомъ общаго недовольства. Но, исчезни этотъ симптомъ, и исчезло бы дѣйствіе коренной причины. Такъ копье, съ котораго сбито желѣзное остріе, изъ смертоноснаго оружія становится простой палкой, не особенно страшной для людей со скотининскими лбами.

Вся исторія нашей внутренней политики за послѣднія двадцать лѣтъ, начиная съ 1873 года и кончая нынѣшнимъ временемъ, служитъ подтвержденіемъ этой зависимости между революціоннымъ движеніемъ и либеральной оппозиціей. Можно сожалѣть о такомъ суженіи политическаго пониманія и политической жизни великаго народа, но фактъ отрицать нельзя.

Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, чѣмъ бы могъ кончиться Лорисъ-Меликовскій періодъ, упрощается и сводится къ слѣдующему вопросу: какова была бы участь революціоннаго движенія,

руководимаго Исполнительнымъ Комитетомъ, если бы дѣло перваго марта не состоялось?

На этотъ вопросъ нельзя ни минуты колебаться отвѣтомъ.

Въ 80-хъ годахъ дотолѣ неодолимое движеніе было подавлено, и организаціи разбиты, потому что по внутреннимъ причинамъ, о которыхъ ниже, Исполнительный Комитетъ парализовалъ собственную дѣятельность. Революція застыла въ бездѣйствіи. Для революціи же политика выжиданій — смерть. Это то же, что для штурмующей колонны остановиться у самаго рва непріятельской крѣпости и начать маневрировать подъ перекрестнымъ огнемъ.

Что при Александрѣ III было результатомъ собственной ошибки, то стало бы роковой необходимостью, начнись въ Петербургѣ хотя бы пустѣйшая комедія Лорисъ-Меликовскихъ коммиссій.

Терроризмъ, систематическія попытки—оружіе очень ограниченнаго дѣйствія по существу. Оно выдвигается только въ періоды безусловной безнадежности. Если бы Лорисъ-Меликовъ былъ менѣе куртизаномъ и болѣе государственнымъ человѣкомъ, если бы въ своемъ вышеупомянутомъ разговорѣ съ представителями печати Лорисъ-Меликовъ, вмѣсто того, чтобы повторить варшавское „не захлебывайтесь!“ (pas d'illusions!) изложилъ своимъ гостямъ планъ хотя бы своей несчастной „конституціи“, — катастрофа перваго марта была бы невозможной.

Но обаяніе всемогущей власти казалось важнѣе, чѣмъ привлечь на свою сторону общественное мнѣніе всей Россіи. Такимъ образомъ, диктаторъ самъ подготовилъ катастрофу.

Сложись обстоятельства иначе, Лорисъ-Меликовъ попрежнему разсчитывалъ бы исключительно

на свои таланты куртизана; онъ продолжалъ бы въ доказательство своей благонамѣренности душить свою собственную партію въ печати и въ земствахъ, а въ особенности революціонеровъ.

А разъ революціонная сила была бы надломлена, все либеральное движеніе погибло бы само собою, перестало бы тревожить высшія сферы, которыя понимаютъ солидарность между обѣими фракціями русской оппозиціи лучше, чѣмъ, къ сожалѣнію, сами члены этой оппозиціи.

Надобность въ хитроумныхъ затѣяхъ графа миновала бы, и онъ слетѣлъ бы и былъ бы сданъ въ архивъ нѣсколькими мѣсяцами раньше, чѣмъ это случилось на самомъ дѣлѣ.

III.

Разсматривая въ настоящее время старыя народовольческія программы, нельзя не замѣтить ихъ промаховъ и недостатковъ. Но, помня тѣ условія, при которыхъ эти программы писались, приходится удивляться не этимъ промахамъ, а тому здравому политическому смыслу и тому пониманію трудныхъ и сложныхъ задачъ русской демократіи, которое въ нихъ обнаруживается. Общая постановка соціалистическаго вопроса въ Россіи, т. е. выдѣленіе аграрнаго переворота,—передача земли народу,—какъ реформы, возможной и необходимой немедленно, изъ общаго плана экономическаго переустройства; признаніе необходимости постепеннаго эволюціоннаго пути при переустройствѣ на соціалистическихъ началахъ фабричнаго производства; широкое мѣсто, отведенное мѣстному и областному самоуправленію, установляющее безспорно, что, не смотря на свои централизаторскія стремленія, эти люди понимали, что для Россіи, какъ государства, единственная возможная форма политическаго

устройства есть федерализмъ,—вотъ великіе принципы, завѣщанные Народной Волей, и установленіе которыхъ останется прочной заслугой этой партіи. Къ нимъ мы должны причислить и стремленіе расширить движеніе и превратить его изъ дѣла кружка, организаціи — въ общенародное, государственное дѣло, перенеся ее изъ конспираціоннаго подполья на улицу и на площадь. Одно время все заставляло думать, что это удастся.

Годы 1881 — 1883 вплоть до Дегаевщины были апогеемъ силы революціоннаго движенія. Это — фактъ, не подлежащій спору и сомнѣнію. До перваго марта Исполнительный Комитетъ не имѣлъ и четверти тѣхъ силъ, какія вступили въ его полное распоряженіе послѣ того. Особенно знаменательно то, что Народная Воля пріобрѣла множество приверженцевъ въ войскѣ, среди офицеровъ. Со времени декабристовъ революція не видѣла ничего подобнаго народовольческой военной организаціи.

Большинство членовъ военнаго заговора были, конечно, субалтернъ-офицеры, молодежь до капитанскаго чина и ротнаго командира включительно. Но было не мало и высшихъ чиновъ, командировъ батальоновъ и батарей и отдѣльныхъ флотскихъ частей и два полковника, изъ коихъ одинъ, наиболѣе рѣшительный (Ю. М. Ашенбреннеръ) былъ, впрочемъ, на югѣ, подобно Пестелю.

Значительная доля этихъ силъ была сосредоточена въ Петербургѣ и окрестностяхъ. Въ одномъ изъ гвардейскихъ батальоновъ и въ двухъ кронштадтскихъ батареяхъ всѣ офицеры, кромѣ командира, были членами военной организаціи.

Параллельно съ вербовкой офицеровъ, шла пропаганда между солдатами своихъ частей при помощи своихъ рабочихъ, при потворствѣ

офицеровъ и ихъ указаніяхъ, и шла весьма успѣшно Такія части были, конечно, безъ сравненія надежнѣе, чѣмъ тѣ, гдѣ своими были одни офицеры.

На одной изъ кронштадтскихъ броненосныхъ лодокъ случилось, что многіе изъ офицеровъ и солдатъ были „спропагандированы" самостоятельно, первые—народовольцами, вторые—чернопередѣльцами, и потому ничего не знали другъ о другѣ. И вотъ, разъ, зайдя неожиданно въ казарму, одинъ изъ офицеровъ вдругъ засталъ своихъ солдатъ за чтеніемъ какой-то газетки, которая быстро исчезла подъ столомъ съ его появленіемъ. Онъ поинтересовался узнать, что это такое, — оказался свѣжій номеръ „Чернаго Передѣла".

Онъ ушелъ, ничего не сказавши, и захватилъ съ собою номеръ, чтобы показать товарищамъ свою находку.

Солдаты считали себя погибшими. Велика была ихъ радость и удивленіе, когда черезъ нѣсколько дней они узнали отъ своихъ чернопередѣльцевъ, съ которыми Народная Воля успѣла снестись, что имъ бояться нечего, и что ихъ офицеры пристали къ тому же дѣлу, какъ и они.

Въ тотъ же день они отправили къ своимъ офицерамъ депутацію съ поклономъ и заявленіемъ, что „если въ Петербургѣ что-нибудь начнется, и имъ прикажутъ плыть туда и палить, то они рады слушаться. Наведутъ прицѣлы въ наилучшемъ видѣ". Такъ это заявленіе и было передано Комитету.

Не считая рядовыхъ, о которыхъ у насъ не имѣется данныхъ, къ военной организаціи примкнуло за это время около трехсотъ человѣкъ офицеровъ разныхъ частей и родовъ оружія.

Эти силы были очень разбросаны и по сравненію съ силами правительства ничтожны. Но революція—не иноземная война, которую нельзя начинать, не сравнявши сколько-нибудь своихъ силъ съ

непріятельскими. Армія революціи—это невидимая масса недовольныхъ, не имѣющихъ никакого касательства къ заговору, но готовыхъ схватиться за оружіе при первомъ выстрѣлѣ.

Если этой арміи, этого энергичнаго, страстнаго, самоотверженнаго недовольства нѣтъ въ странѣ, то устраивать заговоры—глупость и преступленіе, если не предъ совѣстью, то предъ исторіей. Если же она есть, то заговоръ долженъ составить лишь передовой отрядъ, который смогъ бы продержаться ровно столько часовъ и минутъ, сколько нужно, чтобы собрать подъ его знамя эту невидимую армію.

Съ точки зрѣнія революціонной стратегіи, лучше ошибиться въ сторону излишней дерзости, чѣмъ въ сторону излишней осторожности, потому что рѣшительность и энергія могутъ замѣнить недостатокъ силъ, тогда какъ медлить, съ цѣлью ихъ увеличенія, — значитъ идти навстрѣчу провалу и безславной гибели.

Несомнѣнно, что въ 1881—1883 годахъ Исполнительный Комитетъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи силы, достаточныя, чтобы рискнуть на открытое нападеніе, которое при большой, пожалуй, безпощадной энергіи могло бы парализовать центральное военное и гражданское управленіе, ошеломить правительство и дать вспыхнуть возстанію въ столицѣ. Запасъ горючаго матеріала былъ очень великъ.

Молодежь, студенчество, вся столичная интеллигенція были возбуждены до энтузіазма, до изступленія и рвались къ дѣлу. Но терроризмъ дѣла имъ не давалъ.

„Безъ возстанія что могли сдѣлать взволнованные терроромъ мирные обыватели, либералы? Что могла сдѣлать доведенная до бѣлаго каленія масса студенчества?

„Терроръ и все вызванное имъ настроеніе было

сильной бурей, но въ закрытомъ пространствѣ. Волны поднимались высоко, но волненіе не могло распространиться. Оно только исчерпывало, истощало нравственныя силы интеллигенціи...“ (Вѣра Засуличъ, „Соц.-Дем.“, № 1).

Они ждали возстанія, мечтали, упивались мыслью о немъ.

Тысячи человѣкъ молодежи, мужчины и женщины, бросились бы въ уличную борьбу съ беззавѣтнымъ восторгомъ и дали бы ей порывъ, увлеченіе, примѣръ, какихъ, быть можетъ, не видало ни одно возстаніе въ мірѣ.

Въ Петербургѣ массы фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ. Ими Народная Воля, по справедливому замѣчанію нашихъ соціалъ-демократовъ, мало занималась, посвящая имъ лишь весьма незначительную часть силъ. Но какъ люди болѣе развитые, какъ горожане и столичные жители, непосредственно сталкивавшіеся съ полиціей и съ высшимъ городскимъ начальствомъ, они сочувствовали революціи. Та небольшая доля пропаганды, которая производилась среди нихъ, имѣла необыкновенный успѣхъ и оставила прочный слѣдъ. Они читали газеты. Террористическая борьба, совершавшаяся на ихъ глазахъ, волновала и возбуждала ихъ. При нѣкоторыхъ усиліяхъ легко было организовать среди нихъ кадры, которые въ минуту возстанія могли бы поднять ихъ и двинуть на улицы.

Столичная революція — застрѣльщикъ общаго движенія, какъ заговорщицкое возстаніе—застрѣльщикъ столичной революціи.

Безъ немедленнаго отклика въ провинціи, всякое движеніе въ Петербургѣ неминуемо было бы подавлено въ нѣсколько дней.

И у насъ есть классъ, способный мгновенно разнести революцію по разнымъ концамъ Россіи. Этотъ классъ послѣ крестьянъ сильнѣйшій въ государствѣ и онъ пропитанъ глубокимъ и созна-

тельнымъ недовольствомъ. Онъ имѣетъ крѣпкіе корни въ почвѣ, и его не нужно организовывать, потому что онъ организованъ самостоятельно и довольно тѣсно путемъ общественной службы и постояннаго общенія. Мнѣ не нужно называть его. Этотъ классъ извѣстенъ въ радикальскомъ мірѣ подъ кличкой „либераловъ", причемъ онъ предполагается однороднымъ по убѣжденіямъ и отождествляется съ чисто буржуазными либеральными партіями, какія намъ извѣстны за границей.

Можетъ быть, онъ и станетъ таковымъ со временемъ, какъ предсказываетъ нашъ „Соціалъ-Демократъ". Объ этомъ намъ пока нечего безпокоиться Важно, что теперь онъ совсѣмъ не таковъ. Даже г. Тихомировъ заявляетъ, что наши „либералы" соотвѣтствуютъ французскимъ радикаламъ. На самомъ дѣлѣ, они болѣе крайніе. Значительная доля, если не большинство нашихъ „либераловъ", сторонники передачи земли крестьянству, а крайнія ихъ фракціи — чистые соціалисты. Ихъ настоящее отличіе отъ „радикаловъ" въ томъ, что они имѣютъ осѣдлость и не занимаются конспираціями. „Радикалъ", который пріобрѣтетъ такую осѣдлость и отстанетъ отъ конспираціи, будетъ окрещенъ именемъ „либерала", хотя бы онъ ни на волосъ не измѣнилъ своихъ соціалистическихъ убѣжденій. А либералъ, хотя бы и болѣе умѣренныхъ взглядовъ, вступившій въ конспирацію и бросившій осѣдлость, станетъ тотчасъ же „радикаломъ".

Въ 1881—1883 годахъ эти „либералы", какъ классъ, были во всѣхъ своихъ подраздѣленіяхъ возбуждены революціоннымъ движеніемъ въ небывалыхъ размѣрахъ, и ихъ симпатіи революціи уступали лишь энтузіазму студенчества. Наиболѣе крайніе, несомнѣнно, входили въ составъ той невидимой арміи, на поддержку которой могло разсчитывать возстаніе.

IV.

Но почему же Исполнительный Комитетъ не далъ этимъ силамъ случая проявиться? Почему онъ не поднесъ горящей головни къ имъ же заготовленнымъ горючимъ матерьяламъ?

Не помню, кто изъ военныхъ писателей, чуть ли не самъ Наполеонъ, сказалъ, что хорошій полководецъ долженъ быть безусловно лишенъ воображенія, потому что оно ежеминутно сбивало бы его съ толку: взамѣнъ этого онъ долженъ обладать сухой, точной, математической догадливостью, которая дѣлала бы его всевидящимъ. Это сочетаніе качествъ очень рѣдко въ человѣческомъ мозгу: поэтому-то мало великихъ полководцевъ. Еще труднѣе встрѣтить его въ революціонныхъ вождяхъ, потому что самое участіе въ революціи предполагаетъ присутствіе увлеченія, энтузіазма, вѣры—качествъ, органически связанныхъ съ развитіемъ воображенія.

Исполнительный Комитетъ не воспользовался тѣми силами, которыя были у него подъ руками, и несомнѣнно обнаружилъ много воображенія при смѣтѣ силъ, на которыя онъ разсчитывалъ.

Пренебрегши городскими рабочими—подъ вліяніемъ остатковъ „народничества", сидѣвшаго въ партіи гораздо крѣпче соціализма, и „либералами"—подъ вліяніемъ западническихъ предразсудковъ, Народная Воля осталась безъ надлежащей точки опоры на твердой почвѣ.

Правда, Исполнительный Комитетъ выступаетъ, какъ представитель народа, крестьянства и дѣйствуетъ его именемъ и во имя его интересовъ. Теоретически онъ былъ правъ.

Но какую практическую поддержку могло дать крестьянство революціи, направленной прежде всего противъ политическаго деспотизма, противъ царя? Русское, да и всякое крестьянство къ по-

литикѣ индифферентно, и монархизмъ свойственъ деревенскимъ массамъ всѣхъ націй. Крестьянство—огромная стихійная сила, которой принадлежитъ будущее. Но стихійныя причины недовольства въ описываемую эпоху не успѣли еще произвести своего дѣйствія. Не произвели они его даже и теперь. А къ идейной пропагандѣ крестьянство осталось глухо. Все революціонное движеніе прошло мимо него, поверхъ его головъ. Народная Воля это сознавала и разсчитывала, въ сущности, не на какую-нибудь поддержку крестьянства до или во время революціи, а на его санкцію революціи уже совершившейся. Совершить же революцію народовольцы предполагали, такъ сказать, на собственный счетъ при помощи тѣхъ силъ, которыя будутъ ими сорганизованы, признаютъ ихъ програму, подчинятся верховенству ихъ Исполнительнаго Комитета.

Вѣра въ безграничную силу и расширяемость революціонной организаціи замѣнила собою все.

Тутъ-то и возникла своеобразная идея народовольческой революціи: государственный заговоръ, захватъ власти, учрежденіе временнаго правительства, созваніе всенароднаго земскаго собора и затѣмъ передача временнымъ революціоннымъ правительствомъ власти земскому собору.

Этимъ обѣщаніемъ сложить съ себя революціонную диктатуру, лишь только будетъ обезпеченъ законный порядокъ, народовольцы хотѣли успокоить общество, показавъ ему, что революціонеры хотятъ служить народу, а не повелѣвать имъ; хотятъ развязать руки всѣмъ, желающимъ работать на пользу народа, а не замѣнить абсолютизмъ палкой революціонной. Что эти заявленія были вполнѣ искренни, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Когда они появились въ другой формѣ, — въ письмѣ къ Александру III,—вся оппозиціонная часть

общества, „либералы“, третируемые такъ свысока народовольцами, повѣрили имъ, потому что не было основанія не вѣрить. Письмо было предложеніемъ мирныхъ условій, которыя обѣ стороны могли добросовѣстно принять и соблюсти. „Дайте намъ законный порядокъ, и мы будемъ дѣйствовать законными средствами“,—говорили революціонеры. Это было и разумно, и естественно. И правительство могло, если бы захотѣло, установить новый порядокъ тѣмъ путемъ, о какомъ говорилось въ письмѣ, потому что другого нѣтъ.

Но что возможно и естественно для правительства установившагося и признаннаго массой, то было сущей фантазіей въ примѣненіи къ революціи. При всемъ желаніи, общество не могло повѣрить народовольческой программѣ.

Вѣдь для того, чтобы прочно засѣсть въ Петербургѣ и просидѣть тамъ два-три мѣсяца, мирно наблюдая за правильностью выборовъ, Исполнительный Комитетъ долженъ былъ бы „спропагандировать“ и привлечь на свою сторону по меньшей мѣрѣ сто или двѣсти тысячъ лучшаго войска, которое стало бы подъ революціонное знамя по первому звуку трубъ и оставалось вѣрно ему безъ всякихъ дальнѣйшихъ хлопотъ и усилій, „по долгу присяги“, какъ обыкновенные солдаты.

Такихъ нелѣпыхъ надеждъ Исполнительный Комитетъ, очевидно, не могъ питать.

Ошибка его заключалась въ томъ, что онъ разсчитывалъ поднять Россію, или по крайней мѣрѣ значительную ея часть, во имя отвлеченнаго конституціоннаго принципа, который народной массѣ непонятенъ и не интересенъ; во имя надежды на будущій земскій соборъ, который величина совершенно неизвѣстная; во имя довѣрія къ себѣ и своему безкорыстію и благородству.

Пріобрѣтя—и совершенно правильно—безусловный авторитетъ у себя дома, въ тѣсной револю-

ціонной семьѣ, Исполнительный Комитетъ совершенно упустилъ изъ виду, что никакая подпольная организація, состоящая по самому существу изъ людей, странѣ абсолютно неизвѣстныхъ, не можетъ претендовать на довѣріе сколько-нибудь значительной массы своихъ согражданъ.

Съ нѣсколькими баталіонами, вооруженными динамитными бомбами, можно прогнать дворцовый караулъ и овладѣть дворцомъ. Нѣсколькихъ сотенъ людей достаточно, чтобы овладѣть главными правительственными учрежденіями. Но захватить кипу министерскихъ бланковъ еще не значитъ стать временнымъ правительствомъ. Власть или нѣкоторое подобіе ея могутъ имѣть только люди, извѣстные своей общественной дѣятельностью, имена которыхъ дѣйствовали бы на умы, внушили довѣріе къ силѣ и серьезности движенія.

Всякій классъ имѣетъ и теперь уже своихъ неоффиціальныхъ представителей. Исполнительный Комитетъ привлекъ Ашенбреннера, Пахитонова. Но ни тотъ, ни другой не были представителями арміи. Скобелевъ былъ такимъ представителемъ, но, согласись онъ примкнуть къ движенію, львиная доля власти принадлежала бы ему, а не Исполнительному Комитету. Только при участіи людей съ такими, или хоть подобными именами въ земствѣ и городскомъ управленіи можетъ быть составлено нѣчто, заслуживающее названія „временнаго правительства“. Рѣшатся ли люди слить свою судьбу съ шаткой судьбой революціи—вопросъ, на который отвѣтитъ будущее. Мы думаемъ, что найдутся такіе, которые рѣшатся. Это будетъ зависѣть въ значительной степени отъ предварительныхъ отношеній между обѣими партіями. Во всякомъ случаѣ, привлечь такихъ людей вожди движенія могутъ не обѣщаніями вести себя смирно и никакого дебоша не дѣлать, а, напротивъ, производя какъ можно большій дебошъ, который сдѣлалъ бы ихъ силою.

Никакая революція не шла, да и не могла идти тѣмъ соннымъ, регламентарнымъ способомъ, какой былъ начертанъ Народной Волей.

Выборы могутъ быть вѣнцомъ зданія торжествующаго движенія. Они могутъ наступить „на другой день“ (или, скажемъ, мѣсяцъ) послѣ удачи. Самому же движенію будетъ не до выборовъ, потому что всѣ его силы и нервы будутъ напряжены въ борьбѣ на жизнь и на смерть съ противниками. Единственная забота и цѣль окончательнаго фазиса движенія — продержаться, усилиться и распространиться. А сдѣлать это можно, лишь совершая на дѣлѣ все то, за что масса людей можетъ ухватиться и что она будетъ защищать.

Земельный вопросъ—вполнѣ назрѣвшій и самый жгучій изъ нашихъ вопросовъ, во имя котораго только и можетъ взволноваться крестьянство. Этотъ могучій рычагъ неминуемо долженъ сыграть рѣшающую роль. Только на этомъ пути можно закрѣпить движеніе и парализовать темную силу реакціи.

За соціализмъ у насъ рабочій классъ не ухватится, подпольная пропаганда не можетъ сдѣлать того, что лишь отчасти достигнуто въ свободныхъ странахъ десятками лѣтъ широкой агитаціи при тысячахъ искусныхъ и даровитыхъ работниковъ. Пока у насъ большинство фабричныхъ рабочихъ— пришлые крестьяне-земледѣльцы, которые тянутъ къ деревнѣ, призывъ къ экспропріаціи фабрикъ можетъ имѣть самыя плачевныя послѣдствія.

Но, если бы въ томъ или другомъ мѣстѣ, вслѣдствіе особаго искусства пропагандистовъ и счастливаго для нихъ стеченія обстоятельствъ, такой призывъ могъ имѣть шансы на успѣхъ, то съ точки зрѣнія революціонной стратегіи важно его сдѣлать, что бы изъ него не вышло: въ борьбѣ все приносится въ жертву шансамъ побѣды. А тамъ, по замиреніи, земскій соборъ можетъ „для уравненія

со сверстниками“ вознаграждать владѣльцевъ, какъ это дѣлаетъ государство въ случаѣ военныхъ реквизицій.

Что касается правительственныхъ заводовъ—патронныхъ, оружейныхъ, литейныхъ и иныхъ, которые имѣютъ постоянный составъ рабочихъ и теперь уже эксплуатируются на общественныхъ началахъ, только съ казенными, а не выборными распорядителями, — то тутъ лозунгомъ можетъ быть передача ихъ рабочимъ на артельныхъ началахъ.

Рабочіе же, какъ классъ, могутъ быть привлечены во имя не столь широкихъ, но вполнѣ понятныхъ и близкихъ имъ классовыхъ интересовъ: сокращенія часовъ работы, улучшенія условій труда, и во имя гражданскихъ правъ и политической свободы, которыя имъ дороги, какъ горожанамъ, и открываютъ имъ путь къ дальнѣйшимъ улучшеніямъ.

Для образованныхъ классовъ, для всѣхъ сознательныхъ противниковъ абсолютизма, для отзывчивыхъ иноплеменныхъ окраинъ—національная автономія, областное и провинціальное самоуправленіе являются рычагомъ столь же могучимъ и вѣрнымъ, какъ земельный вопросъ для крестьянъ. Какъ откладывать все до отдаленнаго земскаго собора, который и вовсе не состоится, если движеніе окончится неудачею?

Офицеры—интеллигенція, которые пристанутъ или не пристанутъ къ движенію по общимъ влеченіямъ образованныхъ классовъ. Но солдаты—народъ. Они имѣютъ свои спеціальные классовые интересы, заключающіеся въ освобожденіи отъ обязательной службы. Такой лозунгъ найдетъ несомнѣнно отзывъ. Распущеніе арміи и немедленное вооруженіе народа гарантируетъ ему наивѣрнѣйшимъ способомъ всѣ его права. Иностраннаго вторженія бояться нечего: съ милліонами соціаль-

демократовъ за спиной, нѣмцы не полѣзутъ усмирять русскую революцію. Да и кто можетъ быть опасенъ государству, способному выставить девять милліоновъ милиціи?

Итакъ, всѣ тѣ существенные пункты программы, осуществленіе которыхъ Народная Воля хочетъ великодушно и скромно предоставить будущему земскому собору, все это революція, разъ только она вспыхнетъ, совершитъ или начнетъ совершать сама. Революція—ускоренный органическій процессъ, въ которомъ ломка стараго и созиданіе новаго идутъ одновременно. Она можетъ держаться и расти, лишь совершаясь.

Если бы тѣмъ самымъ людямъ, которые писали народовольческую программу, довелось сдѣлаться руководителями возстанія, они первые бы нарушили собственныя обѣщанія.

Увѣровать въ народовольческую революцію, которая, подобно моисеевой Неопалимой Купинѣ, горитъ, ничего не сожигая, было такъ же трудно, какъ увѣровать въ возможность Исполнительному Комитету когда-либо „захватить власть“ и стать „временнымъ правительствомъ“.

Внѣ собственно революціоннаго, заговорщицкаго міра, никто въ это и не увѣровалъ.

Пожелавши успокоитъ общество вполнѣ и удовлетворить всѣхъ, Народная Воля не успокоила общества вовсе и не удовлетворила даже тѣхъ, кто сталъ бы на сторону опредѣленной и ясной, хотя бы и крайней программы.

Но это еще не имѣло рѣшающаго значенія. Общее сочувствіе въ средѣ образованныхъ классовъ было настолько велико, что не могло серьезно потерпѣть отъ неудачнаго литературнаго произведенія. Существеннѣе было то, что сами революціонеры увѣровали въ свою программу. Люди ужъ такъ устроены, что при страстномъ желаніи увѣровать и при частомъ повтореніи одного и того же,

они могутъ увѣровать рѣшительно во что угодно. Народовольцы увѣровали и въ свою „легальную“ революцію, и въ туманное пятно мужицкаго собора, и въ открывающій къ нему путь гигантскій заговоръ, который будетъ расти вѣчно изъ ничего, какъ философскій грибъ, пока подъ его сѣнью не пріютятся, какъ подъ библейской смоковницей, всѣ звѣри земные и птицы небесныя.

Въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ величайшаго революціоннаго возбужденія Народная Воля не предприняла рѣшительно ничего—ни покушеній, ни открытыхъ нападеній. Первыя отвергались въ виду послѣднихъ, какъ опасная трата силъ, а послѣднія откладывались и откладывались въ видахъ расширенія организаціи до невозможныхъ размѣмѣровъ.

И вотъ плели народовольцы свой вѣчный заговоръ, который ежеминутно обрывался, и плелся снова, и снова обрывался, какъ та веревка изъ кострики, которую въ народной легендѣ отставной солдатъ долженъ былъ сплести, чтобы выбраться изъ ада. Съ тою только разницей, что въ сказкѣ солдатъ веревку свою все-таки сплелъ и выбрался, а народовольцы своей веревки не сплели и остались въ аду сами и не могли помочь выбраться изъ него своей родинѣ.

Объясненіе всего этого въ томъ, что выбрать удачно моментъ, когда бросить всѣ силы въ атаку, ставя на карту рѣшительно все,—дѣло величайшей трудности даже въ обыкновенной, открытой войнѣ. Въ подпольной, гдѣ ничего не видно, это много труднѣе. Силы для отчаянно дерзкаго нападенія достаточны; можно, очертя голову, броситься впередъ. Но завязаны переговоры съ офицерами двухъ, трехъ новыхъ частей. Черезъ недѣлю они будутъ завербованы и шансы успѣха удвоятся. Кто въ подобныхъ обстоятельствахъ поручится, что онъ бы подалъ голосъ за нападеніе? А между тѣмъ шпіоны,

быть можетъ, додѣлываютъ свою лазейку, гдѣ-нибудь въ тюремной клѣткѣ зрѣетъ предательство. Въ теченіе роковой недѣли разражается погромъ, и о попыткѣ нѣсколько мѣсяцевъ нечего и думать.

Всѣ эти проволочки были, несомнѣнно, въ значительной степени обусловлены слишкомъ грандіозными цѣлями, какія ставились заговору.

Насколько сильна и реальна теоретическая часть народовольческой програмы, которая съ незначительными поправками (*) надолго можетъ остаться програмой движенія, настолько же темна фантастична и вредна практическая часть той же програмы.

Все, что можетъ взять на себя какая бы то ни было самая активная партія, это починъ. Не задавайся Народная Воля фантазіями о „захватѣ власти“ и „временномъ правительствѣ“, все за то, что такой починъ былъ бы сдѣланъ, и движенію, даже въ случаѣ неудачи, былъ бы данъ могучій толчекъ впередъ.

V.

Притихло ли движеніе и собирается съ силами, или же уснуло непробуднымъ сномъ?

Если бы уснуло, то и съ Богомъ—нѣтъ ничего болѣе разорительнаго для умственнаго достоянія

(*) Имѣемъ въ виду второй параграфъ объ областномъ самоуправленіи, который нуждается въ лучшей редакціи. Областное (и — прибавимъ,—мѣстное, т. е. провинціальное и уѣздное) самоуправленіе обезпечивается выборностью не только административной власти, но и законодательной, съ представленіемъ послѣдней полной независимости въ предѣлахъ мѣстныхъ дѣлъ. Что-же до „самостоятельности міра“ и „экономической независимости народа“, то это составляетъ ненужное и запутывающее повтореніе въ этомъ параграфѣ.

народа, чѣмъ революція, — да не даютъ ей уснуть.

Лишь только не стало Исполнительнаго Комитета, за потрясеніе основъ принялося само правительство.

Остановивъ на минуту революціонное движеніе, правительство пожелало обезопасить себя и, ломая все, силится отбросить потокъ народной жизни назадъ, какъ возможно дальше, къ эпохѣ Николая, а то и Екатерины II.

Что подъ вліяніемъ безшабашной и безудержной реакціонной ломки послѣднихъ восьми лѣтъ общее глухое недовольство страшно усилилось, объ этомъ говорить нечего. Вмѣстѣ съ тѣмъ революціонныя программы стали проще, реальнѣе, утративъ прежній элементъ фантастичности. Нѣкоторая часть революціонной молодежи, подъ вліяніемъ весьма понятнаго чувства къ прошлому, все еще силится вѣрить въ народовольческую программу во всей ея цѣлости. Въ виду этого мы и сочли необходимымъ разобрать ее. Но вообще движеніе, несомнѣнно, спустилось на землю и пустило въ ней корни.

Однако, закрывать глаза на правду нечего: несомнѣнно также, что по сравненію съ прошлымъ движеніе очень слабо. Параллельно съ этимъ ослабѣли, какъ всегда, и умѣренныя формы оппозиціи: глухое чувство таится въ глубинѣ общества, не проявляясь никакими дѣйствіями.

Мы въ періодѣ затишья.

Откуда же и какъ можетъ налетѣть буря? Возможно ли, что движеніе пойдетъ старымъ, испытаннымъ и, повидимому, кратчайшимъ путемъ, вполнѣ доступнымъ силамъ тайныхъ обществъ: путемъ возбужденія оппозиціоннаго настроенія рядомъ покушеній?

Едва ли это возможно. На исторической сценѣ не играютъ вторыхъ представленій, да и вообще

ничего не дѣлается по заранѣе составленному рецепту.

Единичныя покушенія на личности возможны какъ проявленія революціоннаго самосуда; въ минуту возстанія они неизбѣжны и могутъ принять болѣе широкіе размѣры. Но терроризмъ, какъ система, отжилъ свой вѣкъ, и воскресить его невозможно. Для этого у однихъ нѣтъ и не можетъ быть прежней вѣры; у другихъ нѣтъ и не можетъ быть прежняго страха.

Новый періодъ русской политической жизни долженъ начаться съ того, къ чему уже подходилъ предыдущій: съ открытыхъ дѣйствій всякаго рода. Ни того, ни другого одними усиліями тайныхъ обществъ создать нельзя. Для нихъ нужна спеціальная атмосфера общаго возбужденія, которая можетъ создаться лишь какимъ-нибудь крупнымъ историческимъ событіемъ, которое потрясло бы умы, пробудило надежду въ подавленныхъ душахъ, пошатнуло увѣренность въ силѣ реакціи и превратило-бы медленно накоплявшееся глухое недовольство въ недовольство говорящее, кричащее, готовое дѣйствовать.

Такимъ событіемъ можетъ быть и внѣшняя война, и революція у сосѣдей, и финансовый кризисъ у себя дома. Но всего вѣрнѣе и рѣшительнѣе—стихійное крестьянское движеніе, которое приближается, роковое, неотвратимое, неся съ собою уже не переворотъ, а грозный, всеобщій катаклизмъ.

Русскій мужикъ—не рабъ и рабомъ никогда не былъ, даже въ эпоху рабства. Онъ страшно выносливъ и терпитъ то, чего не выдержалъ бы ни одинъ народъ. Но онъ это дѣлаетъ не изъ трусости и малодушія, а во имя своихъ вѣками выработанныхъ и всосанныхъ съ молокомъ матери представленій о долгѣ предъ государственной властью. Его понятія о законности нелѣпы и дики, но

не менѣе тверды, чѣмъ у любого англійскаго фермера, и въ случаѣ нужды онъ умѣетъ за нихъ постоять, не пугаясь ни штыковъ, ни пушекъ, ни розогъ, ни даже висѣлицы. Онъ это доказалъ во время холерныхъ безпорядковъ, охватившихъ весь югъ и направленныхъ противъ почему-то не полюбившихся ему больничныхъ бараковъ.

Крестьянство не только самое многочисленное, но и самое сильное изъ сословій въ Россіи. А, между тѣмъ, характерная особенность теперешней реакціи это—усилія во что бы то ни стало раздразнить мужика, голодомъ съ одной стороны, фактическимъ возстановленіемъ крѣпостного права съ другой.

Народъ боролся противъ крѣпостнаго права встарь. Теперь онъ и подавно не потерпитъ его, хотя бы старыхъ помѣщиковъ и переименовали въ земскихъ начальниковъ.

И съ голоду онъ умирать не станетъ. У него есть свой кодексъ обязанностей, изъ нихъ же первая—платить подати, что онъ и выполняетъ, не щадя живота. Но онъ считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ быть накормленнымъ государствомъ, когда его постигъ неурожай. Онъ не вымаливаетъ, а требуетъ себѣ субсидіи. Не сантиментальность, вынудила правительство дать сто двадцать милліоновъ субсидіи въ 1891 году и пятьдесятъ въ слѣдующемъ, въ противность принятому рѣшенію ничего не давать.

Когда правительство давать будетъ не въ состояніи, мужики будутъ дѣйствовать сами. Конечно, они станутъ дѣлать это царскимъ именемъ, въ глубокомъ убѣжденіи, что царь послалъ имъ хлѣбъ, а господа и чиновники скрыли. Но фактъ остается фактомъ и расшатываетъ „установленный порядокъ", какими бы легендами онъ ни сопровождался. Вѣдь и французскіе крестьяне, сдѣлавшіе наполовину французскую революцію, жгли замки во имя короля.

А тутъ еще всеобщая воинская повинность, поднявшая уровень развитія солдатъ, разсыпавшая по ротамъ интеллигентныхъ людей и сократившая до трехъ-четырехъ лѣтъ дѣйствительную службу въ рядахъ. Двѣ трети солдатъ—крестьяне, взятые года полтора-два тому назадъ отъ плуга. Уже во время прошлогоднихъ безпорядковъ было нѣсколько случаевъ отказа войска стрѣлять въ крестьянъ. Чѣмъ чаще будутъ повторяться крестьянскіе „бунты", тѣмъ такіе случаи будутъ неизбѣжнѣе и чаще. Войско станетъ опасно посылать на усмиренія.

Первыя серьезныя и продолжительныя волненія среди крестьянъ разстроятъ и парализуютъ правительственную силу. Они же будутъ сигналомъ къ такому „оживленію" въ центрахъ, съ которымъ не справиться уже никакимъ диктаторамъ.

Горячая симпатія къ народу, которая характеризуетъ русскую интеллигенцію, вниманіе, съ какимъ слѣдятъ у насъ за всѣмъ, происходящимъ въ деревняхъ, и, наконецъ, извѣстные всѣмъ примѣры запада служатъ тому гарантіей.

Невозможно опредѣлить времени этого стихійнаго явленія, но оно приближается фатально и неизбѣжно, какъ явленія космическія: стомилліонный народъ не можетъ вымереть, выродиться, сойти со сцены, не сдѣлавъ никакого усилія постоять за себя.

Людямъ, предвидящимъ его приближеніе, остается только подготовлять тѣ кадры, которые могли бы влить въ движеніе сознательную струю.

Лозунгомъ нашего времени является поэтому идейное воздѣйствіе среди интеллигенціи, среди городскихъ рабочихъ, войска, среди крестьянъ, у которыхъ уже народился свой интеллигентный классъ и т. д.

Это—скромная, муравьиная работа, но извѣстно, что въ экономіи природы такая работа именно и

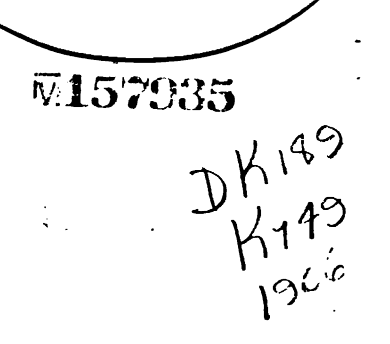
даетъ громадные результаты, если только работниковъ на нее поставлено много.

Ихъ у насъ всегда было много, нужно только, чтобы они не гибли преждевременно, безъ нужды въ пустой революціонной толчеѣ. Поменьше заговоровъ,—для нихъ время впереди; поменьше конспирацій и организацій, объединеній и союзовъ; и побольше частной иниціативы и живого, непосредственнаго дѣла.

Двадцать лѣтъ не прошли даромъ ни для Россіи, ни для друзей народа. Не прежніе люди пойдутъ теперь „въ народъ" и не то найдутъ они и въ крестьнствѣ, и въ обществѣ, и въ рабочемъ классѣ. Почва подготовлена реакціей; новыя стремленія назрѣли подъ вліяніемъ тѣхъ культурныхъ силъ, которыхъ не можетъ устранить никакое правительство. Русскій политическій кризисъ не кончился: онъ развился, расширился, вступилъ въ новую фазу, и его болѣе или менѣе быстрое или отдаленное, болѣе или менѣе легкое или мучительное разрѣшеніе зависитъ цѣликомъ отъ энергіи, съ какой поведется эта подготовительная работа мирнаго времени. Стихійныя силы могутъ лишь расшатать абсолютизмъ и сдѣлать возможнымъ его паденіе. Но онѣ только усилятъ болѣзненность разложенія, если не будетъ въ наличности сознательныхъ силъ, которыя бы воспользовались этой возможностью.

Сентябрь 1893.

СВѢТОЧЪ

M157935
DK189
K149
1966
THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

